

ВЕСТНИК
ШКОЛЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Общая тетрадь

Москва 2021

Издание выходит
раз в квартал

Редакционный совет:

А.Н. Архангельский

И.М. Бусыгина

С.А. Васильев

А.В. Макаркин

М. Мертез (ФРГ)

С.В. Мошкин

Е.М. Немировская

В.А. Рыжков

Ю.П. Сенокосов

А.Ю. Согомонов

А. Хиль-Роблес (Испания)

Дж. Хоскинг (Великобритания)

Главный редактор *Ю.П. Сенокосов*

Ответственный секретарь *Т.В. Григорьева*

Содержание

№ 1 (81) 2021

К читателю

Целью закона является закон, а не диктатура закона 5
Юрий Сенокосов

Берлинский форум

Как реформировать ООН и вернуть мир к многосторонности?
Матьяш Груден,
Лайла Божхари,
Лолита Чигане,
Фрэнсис О'Доннелл 10
Михаил Минаков

Тема номера

Глобальные вызовы и уроки 2020 года 17
Сергей Гурьев

Как пандемия открыла путь в новый мир 22
Фарид Закария

«Человечество начинает выстраивать партизанские тропы в кризисных условиях» 28
Елена Панфилова

Вызовы и угрозы

Институты, теории заговора и будущее Америки 33
Тимоти Снайдер

Точка зрения

Государство, кризис и проблемы глобализации 38
Сергей Большаков

Гражданское общество

«Все силы отдаю Чувашии» 46
Наталья Володина

Всесоюзный ребе 52
Андрей Колесников

Горизонты понимания

- Российский путь цивилизационного развития:
«преемственность через катастрофы»
(памяти В.М. Межуева)
Алексей Кара-Мурза* 57

Невыученные уроки

- Примирение сверху: равновесие без вины и ответственности
Николай Эппле* 68

90 лет Михаилу Горбачеву

- Уроки Михаила Горбачева
Виктор Мироненко* 83
- Солженицын и Горбачев. Прошлое и настоящее России
Юрий Сенокосов* 91

Наш анонс

- Парадоксы и уроки русских просветителей (вместо послесловия)
Александр Согомонов* 94

Книги

- Контрапункт
Владимир Рыжков* 100

Nota bene

- Мысли о народах
Алексей Гордин* 112
- С днем рождения, Лена!
Василий Жарков* 116
- О Лене. Не всё!
Зелимхан Яхиханов* 117
- Нежелательные и иностранные
Открытое письмо Генеральному прокурору РФ
Лена Немировская, Юрий Сенокосов* 119
- Письмо Андрея Кабанова Лене Немировской и Юрию Сенокосову* 123

Целью закона является закон, а не диктатура закона

Ежегодный форум в Берлине «В поисках утраченного универсализма» не предполагает обретение универсализма, подобно обретенному времени в известном романе Марселя Пруста. Поэтому говорим мы не о времени, оно необратимо, а о доверии к репутации международных организаций, чья бюрократия утратила универсалистский дух целей и принципов, провозглашенных 75 лет назад в Уставе ООН, после окончания Второй мировой войны.

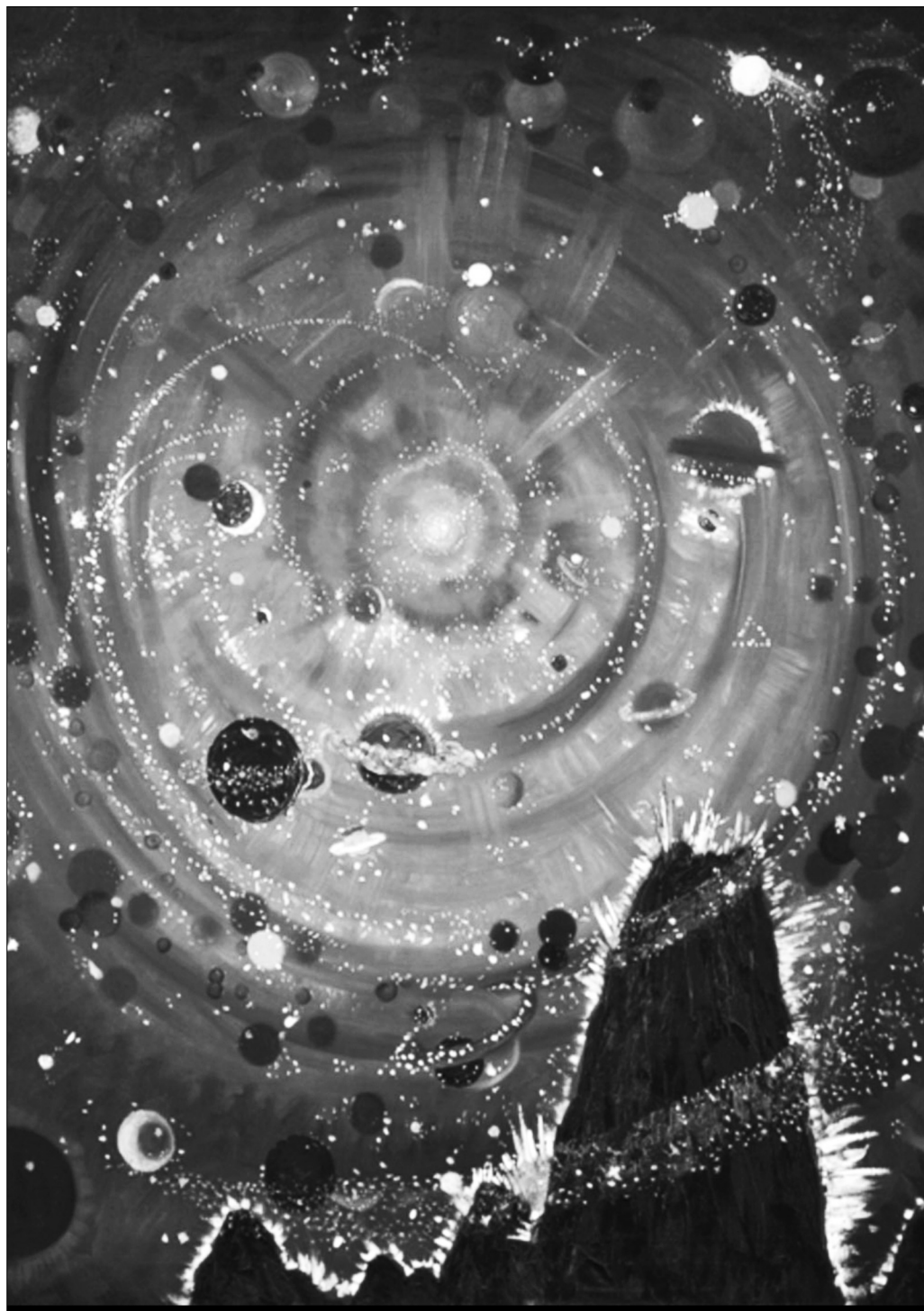
Можно ли вернуть этот универсалистский дух доверия? Насколько готова ООН противостоять новым угрозам, с которыми сталкивается современное мировое сообщество? И способны ли мы — участники форума — ответить на эти вопросы, учитывая, что под эгидой ООН работают в наши дни тысячи международных межправительственных и неправительственных гражданских организаций, которые пытаются найти свое место в новую эпоху. Но при этом столкновение гражданского активизма с бюрократическими структурами приводит к тому, что рушится репутация этих институтов, теряют смысл хорошие дела и исчезает мировоззренческая основа гражданской активности — слово «ценности». Оно явно воспринимается сегодня механически, как существующее уже отдельно от человека; то есть подобно золотому стандарту, обеспечивающему конвертируемость валют и определяющему характер рыночных отношений. Тогда как характер международных отношений и межкультурных коммуникаций после появления ООН определяла абсолютно другая ценность — человеческая жизнь.

Почему об этом важно не забывать?

Бывают состояния, которые мы испытываем в юности, не извлекая из них смысл и поэтому считая, что мир

*Юрий Сенокосов,
главный редактор журнала
«Общая тетрадь»*

Венцель Хаблик. Звездное небо. 1909

существует сам по себе, а мы, люди, сами по себе. Между тем в человека заложено, несомненно, нечто, незримо связывающее его с миром, некое особое космическое чувство целостности, как раз и указывающее на различие между «золотым стандартом» и ценностью человеческой жизни как неким высшим объектом, и эта ценность предполагает более высокое предназначение, чем то, которое мы можем разглядеть в нашей повседневной жизни. Мы редко обращаем внимание на то, что именно этот объект создает своими излучениями этическое поле (не только честности, но и чести, достоинства, справедливости), на моральных линиях которого возникает чувство как разделенная эмоция, случается понимание как живое состояние, появляется доброта, рождающаяся не из биологически неизменной природы человека, справедливость. И эта справедливость должна подтверждаться и устанавливаться всякий раз заново. Не говоря уже о любви и дружбе.

Современная демократия, как и дружба, — я сознательно провожу эту аналогию — особые явления в человеческой жизни. Ведь что такое настоящая дружба? Это «свободный выбор сходной жизни» (Платон), когда люди принимают друг друга такими, какие они есть. С другом можно помолчать, можно разговаривать, можно знать о всех его недостатках, но ты его принимаешь целиком. Как и он тебя. Дружба держится только на этом. А когда начинаются претензии, обиды, вражда — все кончается. И в основе демократии лежит, в сущности, сходная мыслительная структура, она появляется благодаря достижению между людьми компромиссов, доверия, взаимопонимания, солидарности.

Человек — эгоистическое существо с животными биологическими потребностями, которые облагораживаются воспитанием и образованием. А демократия (помимо морали) предполагает еще и юридическую защиту нас от наших же эгоизмов, насилия, собственных инстинктов, страстей. Исторический опыт свидетельствует: законодательство — самый важный инструмент, который позволяет в условиях свободы упорядочивать сферу человеческих отношений в рамках правового государства и гражданского общества.

Власть, вовлекающая в свою орбиту миллионы людей, самая сильная и опасная человеческая страсть в современном мире, и ограничить ее невозможно без понимания ценности человеческой жизни как высшего объекта. То есть не в виде просто некоего факта или события, а события второго рождения, которое несводимо, как было уже сказано, к «золотому стандарту», потому что ценностное отношение само по себе — лишь идеологическая видимость, а ценность при этом эквивалентна нашим желаниям. По поводу которых не случайно задается вопрос: а есть ли в нас деятельная сила и форма на то, чтобы реализовать их? Реализовать так, чтобы вместо желания или хотения, по выражению философа Мераба Мамардашвили, иметь силу и способность *быть* участниками гражданского события.

А я добавлю — события, которое склонило бы сегодня международную бюрократию обратить внимание на преамбулу Устава ООН, где говорится: «Мы, народы объединенных наций, преисполненные решимости избавить грядущие поколения от бедствий войны, дважды в

нашей жизни принесшей человечеству невыразимое горе, и вновь утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности <...> и уважение к обязательствам, вытекающим из договоров и других источников международного права <...> и использовать международный аппарат для содействия экономическому и социальному прогрессу всех народов, решили объединить наши усилия для достижения этих целей».

За прошедшие десятилетия после создания ООН и провозглашения ее уставных целей в мире многое, как известно, изменилось. Однако сегодня в условиях глобального кризиса три проблемы — пандемия коронавируса, изменение климата и ядерное оружие — вновь возвращают нас к событию 75-летней давности. Поэтому повторю уже заданный вопрос: можно ли в принципе вернуть универалистский дух Устава ООН? Ведь он появился не на пустом месте, если не забывать о характере международных отношений, который определяла после войны ценность человеческой жизни. Разумеется, эта ценность тоже конвертируема, но конвертируема совсем иначе, чем ценность золота, — во имя самой жизни и права на жизнь и свободу, как свидетельствует об этом европейская история.

Вначале эта конвертация происходит на языке конкретных предписаний и заповедей («не убивай», «не кради», «почитай отца твоего и мать твою», «не делай себе кумира»...), затем на языке рационального законодательства и судопроизводства, когда христианский трехипостасный символ веры (Бог Отец, Бог Сын и Бог Святой Дух) находит помимо церковного другое институциональное выражение — в трехчастном разделении

властей (законодательная, исполнительная, судебная) и трехчастной структуре судебной системы (прокурор, судья, адвокат). И наконец, на основе универалистского духа целей и принципов, провозглашенных в международном договоре — Уставе Организации Объединенных Наций. То есть подтверждается тем самым метафизический завет апостола Павла: «к свободе призваны вы, братья... любовью служите друг другу. Ибо весь закон в одном слове заключается: „люби ближнего твоего, как самого себя“». Если же друг друга угрызаете и съедаете, берегитесь, чтобы вы не были истреблены друг другом» (Гал. 5: 13–15). Или, другими словами, подтверждается, что целью закона является закон, а не диктатура закона. Так как речь здесь идет не о правильном или неправильном конкретном определении судопроизводства истины, а о законе как воспроизводстве возможности законных состояний в мире. Учитывая, что появлению названного закона предшествовало распятие Христа, о котором повествуют евангелисты. Лишь после этого понятия свободы и права на жизнь начинают определять развитие европейского общества. Естественно, в разные эпохи по-разному.

Если в эпоху, которую можно назвать эпохой универсализма веры, горизонт их восприятия и понимания был задан религией, то есть связью (лат. *religo* — связывать) человека с Богом, с Церковью как телом Христовым и Евхаристией — литургическим приобщением к любви Божией, выражаемой Жертвой, которую за грехи всех людей принес Иисус Христос (Ин. 15: 13), то в эпоху универсализма разума их смысл со временем стал восприниматься в разных странах в зависимости от социально-

экономических и политических условий. Но процесс конвертации чувства ценности человеческой жизни в юридические понятия продолжал сохранять при этом свою оздоравливающую силу, так как работал моральный императив, согласно которому наши поступки нравственны только тогда, когда их мотивы могут быть общечеловеческими нормами, преобразуемыми в нормы права.

Напомню, норма права — это правило поведения в отличие от статьи нормативно-правового (законодательного) акта, являющегося формой выражения суверенной государственной воли. И именно о *нормах права* говорится во Всеобщей декларации прав человека, которая была принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года.

Статья 1 Всеобщей декларации гласит: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства».

А в преамбуле декларации сказано: *«принимая во внимание, что народы объединенных наций подтвердили в Уставе свою веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности <...> Генеральная Ассамблея провозглашает* настоящую Всеобщую декларацию прав человека в качестве задачи, к выполнению которой должны стремиться все народы и государства с тем, чтобы каждый человек и каждый орган общества, постоянно имея в виду настоящую Декларацию, стремились путем просвещения и образования содействовать уважению этих прав и свобод... как среди народов государств — членов Организации, так и среди народов территорий, находящихся под их юрисдикцией».

В конце XX века, согласно исследованиям Римского клуба, было уже ясно, что будущее человека определяется его способностью обеспечить выполнение условий экологического императива. А эта способность, утверждал в те годы русский физик и математик Никита Моисеев, не может появиться без морального императива. Поскольку если проблема экологического императива — научная и именно естественным наукам предстоит установить допустимые границы дозволенного по отношению к природе, то формирование морального императива — задача гуманитарных наук. И этот императив необходимо создавать. Он может родиться только как международный консенсус, опирающийся на выводы и рекомендации наук об обществе и человеке.

Но готовы ли названные науки в наши дни к этой миссии, учитывая безответственность сверхдержав, которые должны быть гарантами глобальной безопасности, но которые не способны договориться между собой. Можно ли предостеречь или оградить каким-то образом мир от власти политических лидеров, которые, с одной стороны, не дают в их странах создавать институты современной демократии, а с другой — разрушают уникальную в мировой истории инфраструктуру международных отношений, сложившуюся на основе Устава ООН и Всеобщей декларации прав человека?

Природа не в состоянии больше терпеть безудержное потребление, гонку вооружений и игнорирование элементарных экологических норм и правил. Поэтому мы как граждане планеты Земля обязаны ей помочь, возрождая дух целей и принципов Устава ООН.

Организация Объединенных Наций отметила свое 75-летие в октябре. В мире, который переживает острый кризис многосторонности, ООН — несмотря на собственный кризис — остается символом миропорядка, основанного на международном мире и безопасности, фундаментальных правах человека, социальном и экономическом прогрессе и терпимости. Коронавирус подтвердил, что наши интересы транснациональны и многосторонность, несмотря на все ее недостатки, имеет решающее значение для решения общих проблем, которые не в силах решить самостоятельно даже великие державы. О том, можно ли эффективно реформировать ООН и другие международные институты, нужны ли миру новые многосторонние структуры и что еще может помочь преодолеть глобальный кризис, рассуждали в режиме онлайн эксперты на VI берлинском форуме «В поисках утраченного универсализма» 21 ноября 2020 года.

Как реформировать ООН и вернуть мир к многосторонности?

Матьяш Груден, директор отдела политического планирования Совета Европы: В этом году форум посвящен 75-й годовщине Организации Объединенных На-

ций. Это очень важная веха, которая заставила меня задуматься и о других датах, чтобы лучше понимать мир, который мы видим вокруг. А именно — мы отмечаем 70-ю годовщину принятия европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также 75 лет освобождения узников концентрационного лагеря Освенцим.

Чтобы понять, как мы потеряли какую-то часть универсализма, нужно ответить на вопрос, откуда он вообще взялся. Мы говорим, что многосторонняя глобальная система, основанная на уважении международного права, была ответом на Вторую мировую войну. Но в еще большей степени она была ответом на то, что происходило до войны, в 1930-е годы. Если мы посмотрим на

Европейскую конвенцию по правам человека, то увидим, что на самом деле это прямое правовое последствие, очень прагматичное и приземленное продолжение того, что произошло в 1930-х, а затем во время войны и что на Нюрнбергском процессе. С сегодняшней точки зрения Нюрнбергский процесс кажется нам логичным эпилогом того, что мы видели в самый ужасный период европейской истории, но в 1946 году это было далеко не очевидно просто потому, что в то время международное право не предусматривало каких-либо четких правил или принципов, как вообще должен проходить суд над государственными лидерами и военачальниками за преступления, совершенные ими против собственных граждан. Другими словами, у союзников не было четкой основы для судебного преследования тех, кто несет ответственность за Холокост: обвиняемые утверждали, что они не могут быть привлечены к уголовной ответственности, потому что подчинялись законам и выполняли приказы. Эта защита не срабо-

тала в Нюрнберге, но сработала на некоторых других судебных процессах над нацистскими преступниками.

В итоге в августе 1945 года была принята Лондонская хартия, вводящая в международное право ранее неизвестную категорию преступлений против человечности. Впервые в истории появилась правовая основа для суда над высокопоставленными представителями государства, правительственными чиновниками и военными командующими. Для них была введена уголовная ответственность за действия, совершенные во время войны или в мирное время против гражданского населения, независимо от того, действовали обвиняемые в соответствии с национальным законодательством или нет. Лондонская хартия заложила основу для нового международного порядка, защищающего права и свободы людей от злоупотребления властью со стороны государства. В 1948 году этот новый правовой порядок был кодифицирован во Всеобщей декларации прав человека, а два года спустя — в Европейской конвенции по правам человека. Позже, в 1959 году, в Страсбурге появился международный суд по правам человека.

Авторы Европейской конвенции по правам человека изучили каждый этап этого постепенного спуска к бесчеловечности в течение 1930-х годов, они разобрали Холокост на его составные компоненты, а затем разработали соответствующие меры защиты, чтобы не дать Европе когда-либо снова скатиться к такому состоянию. Каждая статья Европейской конвенции по правам человека основана на том, что произошло. Запрещение дискриминации, гарантии свободы собраний и свободы слова стали реакцией на судебное преследо-

вание евреев, запрет на их участие в общественной жизни, а также преследование инакомыслящих, профсоюзных активистов и критических СМИ. Право на вступление в брак, уважение частной и семейной жизни, свобода мысли и вероисповедания представляют собой гарантию против новых хрустальных ночей или нюрнбергских законов, которые в 1935 году ввели сегрегацию евреев. Право на справедливое судебное разбирательство было продиктовано памятью о народном курсе против «врагов народа», который во имя нации приговорил тысячи людей к смерти. Запрет на рабство, принудительный труд и пытки, а также право на жизнь — это ответ концлагерям, «окончательному решению еврейского вопроса» и убийству более шести миллионов евреев, рома, гомосексуалов, политических оппонентов, советских солдат и представителей «низших наций».

Вот как мы получили международную защиту прав человека. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод не была результатом каких-то высоких философских или религиозных устремлений. Это был прямой ответ на ужасный исторический опыт, с которым столкнулись государственные деятели во время Второй мировой войны. В течение последних семидесяти лет у нас появляется все больше и больше людей, которые все более открыто подрывают международные стандарты, обязательства и механизмы защиты прав человека. Общественное мнение все чаще рассматривает права человека как незаслуженную и разрушительную в социальном отношении привилегию, приносящую выгоду недостойным

меньшинствам в ущерб большинству, а не защищающую людей от злоупотребления властью со стороны государства. Это не просто глупо и несправедливо, но и очень опасно: де-факто эти люди пытаются защитить национализм от прав человека.

Лайла Бокhari, дипломат, бывший замминистра иностранных дел Норвегии:

Удивительно — ирония в том, что мы отмечаем 75-летие Организации Объединенных Наций, во многих смыслах символ сотрудничества, многосторонности и глобальных решений, в год, когда все изолированы больше, чем когда-либо. ООН в год своего 75-летия сталкивается с серией поистине ужасающих кризисов: Совет Безопасности разделен по таким вопросам, как Венесуэла и Иран, кризис Covid-19 обострил напряженность между Китаем и США, а призыв Генерального секретаря ООН к глобальному прекращению огня в ответ на пандемию практически не повлиял на конфликты во всем мире. Наш мир выглядит расколотым во многих отношениях, мы сталкиваемся с бесчисленным множеством рисков и проблем — от роста геополитической напряженности и ослабления многосторонности до роста автократий и усиления национализма. Слабеет уважение к нормам в области прав человека и международным соглашениям, растет недовольство граждан резким ростом бедности и неравенства, снижается доверие к правительствам и институтам. Мы оказываемся также перед лицом климатической чрезвычайной ситуации, которая

разрушает планету и угрожает человеческому существованию. Многие из этих проблем проистекают из нерешенных вопросов, кризиса управления, слабых сетей социальной защиты, неравенства в доходах. Важную роль играет и отсутствие социального контракта между гражданским обществом и правительствами. Нам не хватает лидеров, именно лидеров, которые ставят людей и коллективные интересы людей и планеты в центр принятия решений. Все эти тенденции усугубляет влияние Covid-19. Поэтому вопрос, которым задаются многие из нас, заключается в том, могут ли организации в эпоху, когда мы видим такой уровень геополитической конкуренции, продолжать играть значительную роль в обеспечении международного мира и безопасности? Какую роль в этом могут играть правительства, частный сектор, гражданское общество, интеллектуалы, ученые и журналисты? Нам следует обратиться к международным многосторонним структурам, которые у нас есть и в которые мы так много инвестировали. ООН по-прежнему остается главной платформой для многосторонних отношений. Вопрос, однако, в том, как сделать эту организацию более эффективной, более действенной. Если мы не способны согласиться с необходимостью реформ, как мы можем превратить организации, о которых говорим, в более эффективные и действенные? Прочитую сказанное Генеральным секретарем ООН Антониу Гутерришем: «У нас избыток многосторонних проблем и дефицит многосторонних решений». Я считаю, что у нас есть многосторонние решения. И нам ну-

разрушает планету и угрожает человеческому существованию. Многие из этих проблем проистекают из нерешенных вопросов, кризиса управления, слабых сетей социальной защиты, неравенства в доходах. Важную роль играет и отсутствие социального контракта между гражданским обществом и правительствами. Нам не хватает лидеров, именно лидеров, которые ставят людей и коллективные интересы людей и планеты в центр принятия решений. Все эти тенденции усугубляет влияние Covid-19.

Поэтому вопрос, которым задаются многие из нас, заключается в том, могут ли организации в эпоху, когда мы видим такой уровень геополитической конкуренции, продолжать играть значительную роль в обеспечении международного мира и безопасности? Какую роль в этом могут играть правительства, частный сектор, гражданское общество, интеллектуалы, ученые и журналисты?

Нам следует обратиться к международным многосторонним структурам, которые у нас есть и в которые мы так много инвестировали. ООН по-прежнему остается главной платформой для многосторонних отношений. Вопрос, однако, в том, как сделать эту организацию более эффективной, более действенной. Если мы не способны согласиться с необходимостью реформ, как мы можем превратить организации, о которых говорим, в более эффективные и действенные?

Прочитую сказанное Генеральным секретарем ООН Антониу Гутерришем: «У нас избыток многосторонних проблем и дефицит многосторонних решений». Я считаю, что у нас есть многосторонние решения. И нам ну-

жно их реализовать. Каждый из нас и все мы, будь то гражданское общество, журналисты, ученые, государственные служащие, должны перестать ставить это утверждение под сомнение, вызывая недоверие к существующим организациям. ООН — это организация государств-членов, призванная наделить их полномочиями и вернуть им ответственность. Я надеюсь, что мы сможем вернуться к совместной работе по многим направлениям в области совместных интересов, например по достижению Целей устойчивого развития к 2030 году. Поставим во главу угла проблему климата и сделаем ООН органом, эффективно решающим ее с опорой на государства-члены, привлекающая гражданское общество, частный сектор. Я думаю, это могло бы стать отправной точкой для ООН.

Лолита Чигане, международный консультант и активист (Латвия), эксперт БДИПЧ ОБСЕ:

Многосторонность — это явление, которое в какой-то момент начинает жить, так сказать, собственной жизнью в результате появления самых разных интересов и различных возможностей. Но очень трудно предсказать, как это действительно работает на практике. У меня был замечательный опыт: я была частью миссии ОБСЕ по наблюдению за выборами в США в 2008 и в 2016 годах, однако только на выборах 2020 года внезапно повысился интерес американской стороны к уси-

лиям ОБСЕ. Особенно важной для них оказалась при этом наша способность подтвердить, что демократический процесс был проведен должным образом. Внезапно это учреждение, в основе работы которого лежит принцип многосторонности, оказалось в центре

У нас избыток многосторонних проблем и дефицит многосторонних решений

размышлений американцев о собственных выборах, хотя раньше американцы как государство-участник почти не обращали на него внимания.

Конечно, в ходе рассуждений о будущем многосторонности возникает искушение подумать о большом количестве региональных образований и о подходе, основанном на общих проблемах и интересах. Однако очень важно придерживаться ценностей. Как только мы начинаем ориентироваться только на интересы, подход становится транзакционным, когда есть явные победители и явные проигравшие. В таком случае многосторонность, к сожалению, исчезает.

В то же время важно понимать, что сотрудничество в рамках общих проблем и интересов необязательно противоречит ценностному подходу. Избранный президент США Байден подчеркивает, что борьба с изменением климата полезна для экономики, она создает новые экономические возможности и это язык общения, который необходимо предложить Китаю. Это не отход от ценностей, мы по-прежнему можем строго придерживаться наших ценно-

стей, таких как борьба с бедностью и неравенством.

Я думаю, у нас есть несколько отличных примеров того, как гражданское общество использует многосторонние форматы. Например, есть Парламентская ассамблея Совета Европы, которая провела важный форум для демократического гражданского общества и оппозиционных партий из России, Беларуси и Азербайджана, где их голоса были услышаны. Европейский парламент имеет очень хорошую традицию организации мероприятий, на которых они дают голос людям, например, из стран Восточного партнерства. И мы определенно должны опираться на уже имеющийся у нас опыт обеспечения того, чтобы эти голоса были услышаны.

Фрэнсис О’Доннелл, посол, постоянный член Института международных и европейских исследований:

Я буду говорить о многосторонности как институциональном выражении диалога, переговоров, компромисса и определения общих приоритетов в глобальном масштабе. Наш временной горизонт также является важнейшим определяющим фактором, поскольку мы ставим себе цели и определенные сроки их достижения: Цели устойчивого развития к 2030 году, декарбонизация к 2050 году и так далее. Сегодня нам необходимо исследовать динамику между популизмом, либерализмом и мультилатерализмом, то есть многосторонностью; развивающуюся роль межправительственных процессов и их взаимодополняемость с

гражданским обществом и другими векторами влияния, включая корпоративное.

При этом нельзя забывать эпоху деколонизации и то, как появление новых государств чрезвычайно увеличило глобальный масштаб ООН и международной системы. Влияние некоторых великих держав в то время стало снижаться, и желание вернуть имперский дух со временем привело к наступлению на многосторонность. Особенно эта тенденция усилилась при Трампе.

Теперь посмотрим на ценности. Традиционные ценности контрастируют с секулярными рациональными ценностями, а ценности выживания — с ценностями самовыражения. Там, где экзистенциальная безопасность наиболее сильна, там сильнее светские нормы и самовыражение. Существует огромное расхождение в ценностях между развитыми либеральными странами, в основе которых лежит научный прогресс, и более традиционными и небезопасными обществами, где удовлетворение основных потребностей остается проблемой. Однако последние годы показали, что это расхождение отражается и внутри развитых обществ, о чем свидетельствуют недавние исследования социологии трампизма и огромного электорального разрыва в США.

Мы надеемся, что после победы Байдена популизм начнет отступать, но для либералов и правительства это не должно служить оправданием для игнорирования претензий, которыми пользовались популисты в связи с реальными проблемами. Необходимо исправить недостатки глобализации, если мы хотим сохранить свободную торговлю и относительно свободное переме-

щение рабочей силы и капитала. Одной из отправных точек является при этом переход от акционерного капитализма к капитализму заинтересованных сторон. Другой — переход от модели роста экономического благосостояния к экологической устойчивости. Третья точка — справедливое регулирование корпоративизма и налогообложение цифровой торговли, помимо добровольных инструментов, таких как глобальный договор ООН и принципы корпоративного управления ОЭСР. Четвертая — консолидация цифрового управления и, наконец, пятая — необходимо реформировать Всемирную торговую организацию, чтобы учесть феноменальный рост электронной коммерции во время пандемии.

Мы часто думаем об ООН только как о бюрократической структуре, но в системе ООН есть структуры, которые гораздо более инклюзивны: например, Международная организация труда имеет трехстороннюю структуру (правительства, профсоюзы, работодатели). Но чего нам действительно не хватает, так это палаты представителей гражданского общества.

ООН претерпевала множество реформ на протяжении десятилетий, о которых большинство людей не подозревает. Наверное, потому, что они смотрят только на Совет Безопасности ООН и видят то, что не реформировано. Но замечания в отношении этой структуры справедливы. Состав Совбеза ООН необходимо расширить, а в идеале — отменить право вето. Но очень трудно попросить кого-то, у кого есть власть, отказать от нее.

Вместе с тем в целом у нас есть основания для оптимизма: мы добились наибольших успехов в развитии и управле-

нии глобальным достоянием, приняли международное право с нормативными актами, без которых у нас не было бы ни международных телекоммуникаций, ни Zoom, ни воздушных путешествий. И я верю, что историки будущего по праву будут считать наше время лучшим в истории. Пока не разразилась пандемия, все больше и больше людей во всем мире жили лучше, чем раньше. ООН, бреттон-вудские институты и другие многосторонние инструменты могут помочь нам двигаться к этой цели, поскольку ничего лучше нет.

Михаил Минаков, философ, старший научный сотрудник Kennan Institute —

Государство является одним из игроков с универсалистским потенциалом, но этот потенциал ограничен. Я хотел бы поговорить об универсализме с философской точки зрения. Оптика универсализма сосредотачивается на том, что объединяет человечество как сообщество живых людей во всех странах мира и как сообщество живых, мертвых и еще не родившихся поколений. Есть равенство прав личности на индивидуальном уровне, на уровне групп, включая большинство и меньшинства в обществе, и равенство народов в глобальном контексте. Универсализм — это также солидарность.

Универсализм прошел долгий путь как система ценностей, но также как система практик, и сегодня мы знаем, что он не должен быть иерархическим, он должен представлять собой баланс множественных интересов человеческих и нечеловеческих существ, групп,

обществ и человечества. Универсализм — это адекватный способ увидеть сходства и различия жизни, любви и творчества, но также ненависти, слабости и смерти. На институциональном уровне универсализм как набор практик очень ограничен. Государство является одним из нескольких игроков с универсалистским потенциалом, но этот потенциал ограничен.

75 лет, или три поколения назад, была создана ООН. Поколение основателей ООН ожидало создания равноправного государственного строя с универсальным политическим и правовым порядком, ведущим к прочному, возможно, вечному миру. Между тем мировая система, которая у нас есть сегодня, представляет собой новую форму межгосударственного неравенства. Есть основные государства и периферийные государства, и есть также крайняя периферия, непризнанные государства, которые вместе с населением исключены из всеобщей повестки дня. Таким образом, ООН представляет собой смелую попытку создать универсалистскую политическую систему на планете, но также демонстрирует определенный уровень предательства универсализма.

Сегодня ООН — это международная, а точнее межгосударственная или межправительственная организация, — поскольку она наделена исключительно исполнительной властью. Исполнительная власть, правительство, кабинет министров сами по себе имеют внутреннюю биополитическую антиномию. Есть правительственные подразделе-

ния, поддерживающие жизнь, например министерства здравоохранения, но есть и другие ведомства, которые выступают за смерть. Такая комбинация исполнительной власти отчасти естественна, но, делая ее глобальной, мы также в какой-то мере вводим в структуры ООН оба этих направления.

Возникает конфликт понимания того, что такое суверенитет: суверенитет ли это правительство, или суверенитет народов, или суверенитет человечества? Эти противоречия мы должны устранить при реформировании ООН, а также других международных правозащитных организаций, выступающих за мир. Нам нужно привлечь других участников, чтобы действительно сделать ООН многосторонней. Сотрудничество между гражданскими обществами разных стран может быть налажено в области окружающей среды, войны и мира и некоторых других вопросах, подобных сегодняшней эпидемии. Также должен быть налажен глобальный диалог местных администраций, межрелигиозный глобальный диалог, диалог между академическими кругами.

Я категорически против того, чтобы разрушать ООН. Уничтожить организацию легко — гораздо лучше и разумнее использовать уже существующие ресурсы и продолжать совершенствовать их, создавая более инклюзивное и многостороннее диалоговое пространство. Как это сделать — перед нашим поколением стоит задача найти это решение.

Записала Наталья Корченкова

Пандемия 2020 года не только привела к трагическим последствиям, но и заставила иначе посмотреть на глобальные проблемы. Во время выступления на форуме «В поисках утраченного универсализма» Сергей Гуриев рассказал о том, перед какими вызовами сейчас оказался мир, где в текущей ситуации можно искать поводы для оптимизма и кто все-таки справляется с пандемией лучше — демократии или автократии.

Глобальные вызовы и уроки 2020 года

Сергей Гуриев,
экономист,
профессор экономики
парижской Школы
политических наук
(Sciences Po)

Я хотел бы рассказать, как мы в экономическом сообществе рассматриваем фундаментальные глобальные вызовы и как на них повлияли события 2020 года. Есть проблемы, которые решать относительно легко, и есть проблемы, которые решать относительно трудно. Я буду говорить о по-настоящему трудных проблемах, о тех проблемах, которые пока не удастся решить. Главный вызов — это, конечно, *глобальное потепление*. Это больше не вопрос научных дискуссий. И в Европе, и во всем мире сейчас каждое следующее лето становится теплее, чем предыдущее. В этом смысле неудивительно, что в прошлом году на выборах в Европарламент зеленые получили так много голосов. Неудивительно и то, что когда сегодня вы разговариваете с молодым поколением, это становится чуть ли не главной темой для разговора. Молодое поколение говорит: «Вы свое пожили, но мы тоже хотим пожить. И для нас важно, какой вы нам оставите нашу планету». После выборов США должны присоединиться к Парижскому соглашению 2015 года. Но тем не менее даже при условии выполнения всех взятых на себя всеми странами обязательств потепление будет происходить. Вопрос: будет ли это потепление на 4 градуса или на 2, но потепление на 2 градуса — это тоже большая проблема. Часто люди из холодных стран, включая Россию, говорят: мы живем в холодной стране, может, все не так плохо? На самом деле, конечно, глобальное потепление — это катастрофа и для холод-

ных стран. Мы видели утечку дизельного топлива в Норильске. И одно из объяснений, почему это произошло, — это таяние вечной мерзлоты. Лесные пожары в Сибири обходятся очень дорого и с точки зрения человеческих жизней, и с точки зрения экономических потерь. И самое страшное, что сами по себе пожары приводят к усилению выбросов и изменению климата. Эта проблема касается всех, и для ее решения нужно действовать сообща. Если мы говорим про Европу, то здесь консенсус есть. Но по всему миру пока решимости действовать недостаточно.

Другой вызов — это *рост неравенства*. Рост неравенства даже в развитых странах приводит к популизму, к отрицанию демократии. Во многом это связано с двумя трендами, которые идут бок о бок и ускоряют друг друга — глобализация и технологический прогресс. Технологический прогресс приводит к вытеснению некоторых, вполне конкретных рабочих мест. Глобализация приводит в развитых странах к конкуренции с импортом [рабочей силы] из стран с более низкими доходами, и это тоже приводит к вытеснению рабочих мест. Причем эти два процесса ускоряют друг друга: чем скорее происходят технологические изменения, тем дешевле обходятся торговля и коммуникации и тем больше увеличивается конкуренция между развитыми и развивающимися странами. Кроме того, если вы имеете выход на глобальный рынок, то вы имеете возможность инвестировать в новые технологии. Поэтому технологический прогресс ускоряет глобализацию, а глобализация ускоряет технологический прогресс. Оба этих процесса приводят к поляризации рынка труда. Что это значит? В развитых странах рабочие места создаются для людей с высоким уровнем образования и в низкооплачиваемом сегменте, а в середине рабочие места сокращаются и зарплаты падают. Во многих странах национальные правительства плохо справляются с этой проблемой. Если вы не помогаете людям с более высоким уровнем образования, которые теряют работу, они либо получают работу в более низкооплачиваемом сегменте, либо уходят с рынка труда. И в том и в другом случае эти люди недовольны статус-кво и голосуют за популистов. Решить проблему потери рабочих мест из-за роботизации можно через образование: образовательная отрасль крайне консервативна и плохо умеет справляться с новыми вызовами, но в нынешних условиях необходимо внедрять новые способы обучения (уход учебы в онлайн из-за пандемии может помочь сделать критический переход к ним). Второе решение — это социальная поддержка тех, кто потерял работу, и здесь речь идет об универсальном базовом доходе. Такие эксперименты ведутся, и в целом они показывают, что это полезная, действенная мера.

Еще один эффект технологических изменений связан с информационной сферой. Сегодня очень быстро растет доступ к мобильному высокоскоростному интернету — 3G, 4G, скоро будет 5G, — и это приводит к широкому распространению социальных сетей. *Соцсети сегодня перестали быть технологией освобождения, а стали технологией дезинформа-*

ции. Мы ушли от площади Тахрир и пришли к Дональду Трампу. Трамп проиграл выборы, но за него проголосовало 47% американцев. У него по-прежнему в руках остается твиттер, на который подписано почти 90 млн человек. И мы видим, что многие популисты гораздо успешнее используют твиттер, чем мейнстримные политики. И нам предстоит понять, как превратить эти платформы в публичную площадку для дискуссий, в площадь для демократии, а не для дезинформации.

Еще один вызов — это *трансграничная миграция*. В 2015 году Европа столкнулась с кризисом беженцев, но это был лишь первый звонок. Речь шла об одном миллионе человек, которые приехали в Европу. Но всего война в Сирии привела к перемещениям примерно 10 млн человек. Из них 5 млн переместились внутри Сирии, остальные переехали в Турцию, Ливан, Иорданию и другие страны, а в Европу приехал только миллион человек. К сожалению, можно говорить о том, что нас ждут миграционные потоки на порядок или на два порядка выше, особенно если мы не справимся с изменением ситуации в бедных странах. При этом надо понимать, что даже если нам удастся помочь бедным странам создать рабочие места, создать растущую экономику и справиться с глобальным потеплением, то остановка миграционных потоков займет время. Дело в том, что по мере того, как бедные страны богатеют, миграционные потоки на самом деле растут, поскольку разрыв между Европой и Америкой и бедной страной остается большим, а у потенциальных мигрантов накапливается ресурс, чтобы заплатить за переезд.

Еще один вызов — *подъем Китая*. Раньше считалось, что по мере того, как Китай будет расти, он будет все более и более свободной, неагрессивной, мирной и демократической страной. Пока этого не происходит. Конечно, еще рано подводить итоги модернизации Китая, Китай не стал богатой страной с высоким уровнем дохода, и пока в мировой истории нет примеров того, чтобы такая большая страна смогла стать богатой, оставаясь недемократической. Богатых недемократических стран в мире не так много: Сингапур и нефтяные монархии. Вполне возможно, что Китай все же перейдет к демократии прежде, чем станет богатой страной, либо, наоборот, рост Китая замедлится или прекратится именно из-за того, что Китай не может построить современные политические институты. Тем не менее на сегодняшний день Китай — это важный игрок в мире, в некоторых моментах его роль, несомненно, положительна, некоторые его действия противоречат постулатам свободного мира. И мы видим большое противостояние между Западом, который после выборов в Америке, видимо, будет выступать более или менее единым фронтом, и Китаем. Это фундаментальное противоречие в ценностях, в способе поведения, в интересах. При этом один из ключевых проектов Си Цзиньпина — это проект «Один пояс, один путь», который проходит через Центральную Азию, Россию, Восточную Европу. И в этом смысле нас ждут очень сложные годы.

Янник Дорпе. Граффити на площади Анны Франк в бельгийском городе Турне

Еще один вызов западных стран — это *секулярная стагнация*. Мы видим, что экономический рост замедляется, замедляется и рост производительности. Часть этого связана с измерением роста ВВП. Мы продолжаем мерить экономический рост, как это делали в индустриальную эпоху, в то время как большая часть услуг производится сейчас в бесплатном секторе. Условно говоря, большая часть того, что мы потребляем, нам ничего не стоит. Эти продукты, включая, например, Zoom или YouTube, — это продукты, которые на самом деле резко повышают качество жизни, но не включаются в ВВП, потому что за них не платит потребитель. По разным оценкам, экономика на самом деле растет на 0,5–1% или быстрее, но мы этого не видим статистически. С другой стороны, есть и другие объяснения. Например, есть демографическое объяснение — старение населения, сокращение рабочей силы. Еще одно объяснение связано с тем, что новые идеи труднее находить. Западный мир как никогда много тратит на исследования и разработки, но многие открытия уже сделаны, и дополнительные открытия делать все труднее и труднее. В целом видно, что каждый дополнительный процент ВВП дается все сложнее. Опять-таки, это не трагедия, потому что качество жизни в Западной Европе так высоко, как никогда в истории, тем не менее это тоже очень важный вызов.

Как справляться с этими вызовами? Как ни странно, несмотря на трагедию 2020 года и то, что это, конечно, не последняя пандемия, есть и

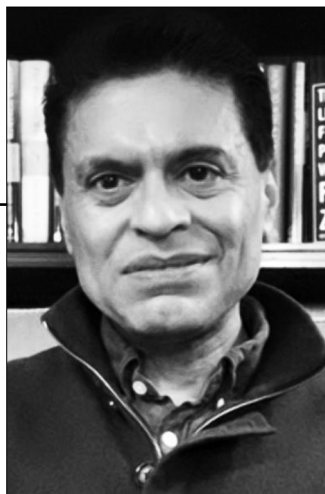
положительные моменты. И главный положительный момент заключается в том, что мир — главным образом западные страны — согласился пожертвовать экономическими выгодами, процентами ВВП, чтобы спасти жизни. Некоторые страны не пошли по этому пути, но в целом мир стал намного лучше. Если мы смогли пожертвовать процентами ВВП ради того, чтобы спасти жизни, то, наверное, мы будем готовы пожертвовать процентами ВВП, чтобы остановить глобальное потепление. Ведь глобальное потепление стоит нам человеческих жизней, и будет стоить еще больше. 2020 год показал, что человечество в целом готово идти на экономические потери. И, видимо, это означает, что у зеленых партий будут дополнительные аргументы.

Кроме того, 2020 год показал, насколько важна глобализация. Если национальные правительства не умеют справляться с тем, к чему приводит глобализация, то это приводит к потере доверия к этим правительствам. Но глобализация в целом — это, конечно, очень положительный процесс. 2020 год показал, насколько мы зависим друг от друга, насколько закрытие границ приводит к трудностям и насколько глобальное сотрудничество помогает решать проблемы, которые стоят перед миром, будь то создание вакцин или их производство.

Еще один урок 2020 года — это конкуренция между демократиями и диктатурами. На Западе, особенно в Европе, часто говорили о том, что Китай показал эффективность диктаторского режима, что он показал, насколько недемократический режим лучше готов к пандемии. Я бы сказал, что это заблуждение. Да, многие европейские страны пострадали гораздо больше, чем должны были, и больше, чем пострадал Китай, но это не разница между демократиями и диктатурами, это разница между Европой и Азией. Азия прошла через несколько таких пандемий и была в большей степени готова. Европа в первый раз столкнулась с такой большой пандемией и, наверное, в следующий раз будет более готова. Сейчас она заплатила за эти уроки очень высокую цену. При этом если мы посмотрим на страны Азии, то, конечно, лучше всех пандемию прошли демократические страны: Южная Корея и особенно Тайвань. И наоборот, в Китае мы увидели очень важную системную проблему недемократического режима, которая привела к росту заражения, а именно — отсутствие гражданского общества и свободы СМИ. Как и двадцать лет назад, во время первой пандемии атипичной пневмонии, китайские власти в центре не могли получить достоверную информацию о том, что происходит на местах. И это не ошибка, это системная черта любой недемократической власти, когда местные власти замалчивают проблему, а гражданского общества и свободных СМИ нет, поэтому центральные власти не получают информацию вовремя, не успевают вводить карантин вовремя, и это приводит к дополнительным смертям.

Все эти системные проблемы миру предстоит решать вместе. Но несмотря на их масштаб, я остаюсь оптимистом.

Covid-19 принес множество перемен в нашу жизнь, а вместе с ними настал идеальный момент повернуть вспять глобальные тенденции, настроив мир на взаимопонимание и сотрудничество, уверен журналист и политолог Фарид Закария. В своем эссе для *Washington Post* он рассуждает о том, какие уроки должен вынести мир из пандемии, как в условиях кризиса вели себя мировые лидеры, которые уже оказывались на судьбоносных развилках, и почему ничто не предначертано.

*Фарид Закария,
редактор еженедельника
Newsweek International,
эксперт в области
международных отношений*

Как пандемия открыла путь в новый мир

Э то одна из знаменитых сцен кинематографа. Главный герой масштабной исторической драмы «Лоуренс Аравийский», молодой британский дипломат-авантюрист Томас Эдвард Лоуренс — эту роль незабываемо исполнил актер Питер О’Тул — убедил группу арабских племен совершить внезапное нападение на Османскую империю, от которой они добивались независимости. Лоуренс ведет отряд воинов-бедуинов через пустыню, подступая к османскому порту Акаба с тыла. Они идут через пустыню, преодолевая невыносимую жару и песчаные бури.

В какой-то момент оказывается, что один из воинов, Гасим, упал со своего верблюда. Лоуренс моментально решает вернуться и найти пропавшего бойца. Шериф Али, предводитель арабов (его роль сыграл Омар Шариф), возражает. Еще один герой говорит Лоуренсу: «Время Гасима пришло, Лоуренс. Так предначертано». Возмущенный Лоуренс отвечает: «Ничто не предначертано!» Затем он разворачивается в обратную сторону, отправляется на поиски Гасима среди песчаных бурь и наконец находит его шатающимся, полумертвым. Лоуренс возвращается с Гасимом в лагерь, его приветствуют как героя. Когда Шериф Али предлагает Лоуренсу воду, тот смотрит на него и, прежде чем утолить жажду, спокойно повторяет: «Ничто не предначертано».

Мир, изменившийся в результате пандемии Covid-19, кажется совершенно новым и пугающим. Кризис здравоохранения только ускорил ряд процессов, которые и

без того набирали обороты. Но в целом стало совершенно очевидно: тот путь развития, по которому сейчас идет человечество, создает все большие риски. Негативная реакция природы проявляется повсюду, от лесных пожаров до ураганов и пандемий — Covid-19 может просто стать первой в их черед. Пандемия усилила и другие тенденции. По разным причинам, в том числе демографическим, многие страны могут столкнуться с замедлением экономического роста. Неравенство будет усугубляться по мере того, как гиганты будут становиться еще больше — во всех сферах. Машинное обучение развивается так быстро, что впервые в истории люди могут потерять контроль над своими же творениями. Страны и народы становятся более ограниченными и замкнутыми на себя, а их внутренняя политика — изоляционистской. США и Китай движутся в сторону ожесточенной и продолжительной конфронтации.

Это очень опасный момент. Но это как раз то время, когда мы можем повлиять на подобные тенденции. Чтобы изменить наше общее будущее, мы должны осознать свободу человеческой воли. Люди могут выбирать направление, в котором хотели бы двигаться сами и двигать свои общества и мир вокруг. Фактически, сейчас у нас еще больше свободы действий. В большинстве эпох история идет по заданному пути и какие-либо изменения затруднительны. Но новый коронавирус уже перевернул общество. Люди дезориентированы. Масштабные перемены уже запущены, и в этой атмосфере дальнейшие изменения становятся проще, чем когда-либо. Подумайте только об изменениях, которые мы уже согласились внедрить в нашу жизнь в ответ на пандемию. Мы

самоизолировались на долгое время. Мы работали, назначали встречи и вели глубокие личные беседы, разговаривая с нашими ноутбуками. Мы проходили онлайн-курсы и виртуально посещали врачей. В течение всего лишь месяца компании внедряли такие изменения, на которые в обычной ситуации ушли бы годы. Всего за ночь городские проспекты превращались в пешеходные дороги, а тротуары — в кафе. Отношение к людям, которых прежде игнорировали или не замечали, меняется, — это видно как минимум из уже ставшего общепринятым выражения «ключевые работники». Правительства продемонстрировали готовность инвестировать в таких масштабах, которые прежде казались немыслимыми — а в дальнейшем собираются вкладывать в будущее еще больше средств.

Все эти изменения могут остаться внезапными всплесками, а могут и оказаться началом чего-то нового. Мы можем продолжать жить как обычно — и рискнуть вызвать огромное количество кризисов, от изменения климата до новой пандемии. Или же мы можем серьезно задуматься о более устойчивой стратегии роста. Мы можем обратиться внутрь себя и поставить во главу угла национализм и личные интересы, а можем посмотреть на общие вызовы — которые способны пересечь любые границы — как на стимул к глобальному сотрудничеству и развитию. Перед нами множество вариантов будущего. Мы уже были на подобном перекрестке. В 1920-е, после мировой войны и масштабной пандемии, мир мог пойти в любом из двух направлений. Некоторые лидеры, едва вышедшие из конфликта, хотели создать структуры для поддержания мира, которые помогли бы не дать

катастрофе повториться. Но Конгресс отверг планы президента Вудро Вильсона, и Соединенные Штаты отвернулись от Лиги Наций и усилий по созданию системы коллективной безопасности в Европе. Европейские лидеры наложили на Германию суровые репарации, подтолкнув страну к коллапсу. Все эти решения привели к тому, что мир 1930-х годов выглядел очень мрачно: гиперинфляция, массовая безработица, фашизм и новая мировая война. Другой набор решений мог бы повести мир по совершенно иному пути.

Нынешняя пандемия ставит человечество перед аналогичным выбором. Мы можем погрузиться в мир замедленного развития, высокого риска природных катастроф и растущего неравенства — и продолжать вести себя как обычно. Или же можем принять решение действовать решительно, используя огромные возможности правительств, чтобы инвестировать в безопасность людей и обучение навыкам, которые им понадобятся в эпоху ошеломляющих перемен. Мы можем построить инфраструктуру XXI века, создав рабочие места для большинства представителей тех профессий, которым угрожают новые технологии. Мы можем сократить выбросы углерода, просто назначив за них цену, отражающую их истинную стоимость. И мы можем признать, что наряду с динамизмом и ростом нам необходимы устойчивость и безопасность — иначе следующий кризис может стать последним.

Есть те, кто хочет, чтобы этот кризис стал началом революции. Но не стоит ниспровергать существующий миропорядок в надежде, что его место займет что-то лучшее. Мы добились реальных успехов в экономическом и политическом планах. Практически по любым

меркам нынешний мир стал лучше, чем был пятьдесят лет назад. Мы понимаем недостатки и знаем, как вести себя с ними. Проблема не в том, чтобы найти решения; проблема в том, чтобы найти политическую волю для их реализации. Нам нужны реформы во многих областях, и если бы они действительно были проведены, эти реформы составили бы своего рода революцию. Если даже некоторые из этих идей будут реализованы, через двадцать лет мир может выглядеть совсем иначе.

Страны могут меняться. В 1930 году правительства большинства стран мира не считали, что должны повышать благосостояние своего народа. К 1950 году все крупнейшие страны мира начали воспринимать это как свою задачу. Это было непросто. 20 октября 1935 года Gallup опубликовал свой первый официальный опрос общественного мнения. Он показал, что в разгар Великой депрессии и «Пыльного котла» 60% американцев считали «расходы правительства на помощь и восстановление» чересчур большими. Лишь 9% сказали, что они слишком маленькие, а 31% назвали их адекватными. Это не помешало президенту Франклину Рузвельту пойти вперед с Новым курсом и продолжать вкладывать усилия в просвещение американской общественности о необходимости правительства как стабилизирующей силы в экономике и обществе. Такие великие лидеры, как Рузвельт, читают опросы для понимания природы стоящего перед ними вызова, а не для оправдания своему бездействию.

Посмотрим на Европейский союз. Поначалу пандемия заставила членов ЕС изолироваться друг от друга. Страны закрыли свои границы, соревновались за медикаменты и обвиняли друг друга в

продажности и агрессивности. Общественные настроения сильно противоречили такой политике — особенно в наиболее пострадавших странах, таких как Италия. Но после первоначального шока европейцы начали задумываться о том, как справиться с последствиями Covid-19. Они признали, что пандемия создает беспрецедентную нагрузку на континент, особенно на его самых слабых членов. Благодаря мудрому руководству крупнейших держав — Франции и Германии, — а также высших должностных лиц ЕС в июле было заключено соглашение о выпуске европейских облигаций, которые позволят более бедным странам получить доступ к фондам, которые, по сути, гарантированы самыми богатыми странами. Это может показаться техническим вопросом, но это значительный шаг вперед к более взаимосвязанной Европе. Европейские лидеры увидели, в каком направлении их толкает Covid-19, и отступили. Пандемия, которая изначально развела страны в разные стороны, может стать катализатором более тесного союза, которого все так давно ждут. Аналогичную развилку между интеграцией и изоляцией можно увидеть по всему миру. Пандемия заставляет страны повернуться внутрь самих себя. Но просвещенные лидеры признают, что единственное реальное решение таких проблем, как пандемия — и изменение климата, и кибервойна, — это, наоборот, разворот в сторону более тесного сотрудничества. Решение проблемы плохо финансируемой и слабой Всемирной организации здравоохранения состоит не в том, чтобы выйти из нее в надежде, что она умрет, а в том, чтобы начать лучше ее финансировать и дать ей больше автономии для противостояния

Китаю — или США, — если неотложная медицинская помощь этого потребует. Ни одна страна в одиночку больше не может организовывать работу всего мира. Никто этого и не хочет. Есть только один выбор — хаос и холодная война или сотрудничество.

Критики справедливо утверждают, что реальное международное сотрудничество требует усилия для коллективного принятия решений. Хотя для некоторых это звучит зловеще, на самом деле это то, что страны делают все время. Это механизм, с помощью которого мы регулируем все: от международных телефонных звонков до авиаперелетов и торговли, от интеллектуальной собственности до выбросов хлорфторуглеродов. Не существует никакого глобального мирового правительства и никогда не будет — это просто выражение, придуманное для того, чтобы запугать людей и заставить их воображать секретную армию, приземляющуюся прямо на них на своих черных вертолетах. Что на самом деле существует и что нам нужно еще больше — так это глобальное управление, соглашения между суверенными странами о совместной работе для решения общих проблем. Это не так уж и сложно. Сотрудничество — одна из самых фундаментальных особенностей, заложенных в человеке, которая, по мнению многих биологов, лежит в основе нашего выживания на протяжении тысячелетий. Если мы хотим выжить и в будущем, сотрудничество, безусловно, поможет нам больше, чем конфликт.

Необходимость сотрудничества наиболее очевидна в отношениях между двумя великими державами мира, Соединенными Штатами и Китаем. Мы входим в биполярный мир, в котором две страны просто на голову выше всех

Ponywave. Граффити на пляже в Венеции, Калифорния

остальных — с точки зрения возможности применения жесткой силы. Китай — не просто вторая по величине экономика и вторая по объему военных расходов страна. По обоим параметрам она больше, чем следующие четыре страны вместе взятые. Из 500 самых быстрых компьютеров в мире 226 находятся в Китае — это вдвое больше, чем в Соединенных Штатах. Мы можем представить себе два варианта будущего. Первый: конкуренция во многих сферах — экономической, технологической — вместе с сотрудничеством для обеспечения мира и стабильности и достижения определенных общих целей. Например, борьба с изменением климата будет невозможна без постоянных и скоординированных действий Вашингтона и Пекина. Второй: два самых динамичных общества в мире могут оказаться заблокированными в раскручивающейся спирали — от милитаризации космоса до создания оружия в киберпро-

странстве — и все это будет подпитываться гонкой в области искусственного интеллекта и биоинженерии, способной привести к последствиям, которые сегодня невозможно даже представить. Иногда страны могут принимать решения, которые меняют наш путь, несмотря на противостояние мощнейших сил. Такой момент выбора наступил в Миннеаполисе в мае 1958 года, в разгар холодной войны. Заместитель министра здравоохранения Советского Союза Виктор Жданов принял участие в ежегодном заседании руководящего органа ВОЗ — Всемирной ассамблеи здравоохранения. Как заметил историк из Гарварда Эрез Манела, это был первый визит советской делегации с момента основания ВОЗ десятью годами ранее. Жданов призвал организацию развернуть глобальную кампанию по искоренению оспы раз и навсегда. В качестве реверанса США он процитировал в своей речи письмо Томаса Джеффер-

сона Эдварду Дженнеру, который изобрел вакцину против оспы. «Будущие поколения узнают из истории только о существовании отвратительной оспы», — писал Джефферсон. Это была одна из ранних попыток претворить в жизнь постсталинский план советского премьера Никиты Хрущева о «мирном сосуществовании» с Западом. США сперва сопротивлялись — не в последнюю очередь потому, что считали советское предложение способным отвлечь внимание от прикладываемых Соединенными Штатами усилий по искоренению малярии. Но в итоге Вашингтон поддержал проект, это сотрудничество активизировалось во время правления Линдона Джонсона и стало центральным направлением деятельности ВОЗ. Две сверхдержавы способствовали не только массовому производству вакцин, но и программе вакцинации во всех странах третьего мира. К 1980 году оспа была официально побеждена. Манела говорил, что это «возможно, самый успешный пример сотрудничества сверхдержав в истории холодной войны». И это урок, который Пекин и Вашингтон должны усвоить в грядущем биполярном мире после Covid-19.

В «Лоуренсе Аравийском» урок о судьбе и человеческой воле усложняется. В ночь перед нападением на Акабу арабские племена ругаются из-за убийства одним из соплеменников представителя другого племени. Будучи сторонним наблюдателем, Лоуренс предлагает казнить убийцу, чтобы справедливость могла быть восстановлена беспристрастной рукой — но понимает, что убийца — Гасим, человек, жизнь которого он спас в пустыне. И все же Лоуренс подходит и спокойно выпус-

кает шесть пуль в его тело. Урок, наверное, в том, что Гасиму суждено было умереть. Лоуренс смог спасти его в пустыне и тем самым дал ему отсрочку. Но своими действиями Гасим упустил свой шанс на другое будущее.

Пандемия заставила и нации, и отдельных людей стать эгоистичными, обратиться внутрь себя. Но еще больший кризис оказал противоположное воздействие на величайших государственных деятелей в прошлом столетии. Спустя двадцать лет после высадки в Нормандии телеканал CBS News пригласил бывшего главнокомандующего союзными войсками Дуайта Эйзенхауэра посетить пляжи Нормандии. Эйзенхауэр был свидетелем худших человеческих проявлений — жестокой борьбы вермахта до самого конца — и все же этот опыт дал ему решимость сделать ставку на сотрудничество. Сидя и глядя на ряды могил в Нормандии, Эйзенхауэр сказал своему собеседнику, ведущему программы Уолтеру Кронкайту: «Эти люди дали нам шанс, они выиграли для нас время, чтобы мы могли добиться большего. Поэтому каждый раз, когда я возвращаюсь на эти пляжи, или в любой момент, когда я думаю об этом дне двадцатилетней давности, я говорю — мы должны найти какой-то способ, чтобы добиться мира и вечного покоя во всем мире».

Точно так же и в наше время эта безобразная пандемия создала импульс для оптимизма, перемен, реформ. Она открыла путь в новый мир. В наших силах воспользоваться этой возможностью или упустить ее. Ничто не предначертано.

*Перевела с английского
Наталья Корченкова*

Кризис международных организаций, возникший задолго до пандемии коронавируса, к концу 2020 года стал проявляться острее, чем когда-либо с момента основания ООН. В отсутствие надежды на какую-либо помощь государств и международных объединений люди еще активнее начали выстраивать горизонтальные связи, полагает член правления международного антикоррупционного движения *Transparency International* и основатель одноименной организации в России Елена Панфилова. Она рассказала, как столкнулась с кризисом международных организаций в своей работе, как выглядит ценностный ответ на коронавирусный кризис и что может лечь в основу организации объединенного человечества.

Елена Панфилова

«Человечество начинает выстраивать партизанские тропы в кризисных условиях»

«Мы имеем дело с *realpolitik*»

О том, что международные организации переживают кризис, было известно и раньше. Я чувствую его и в моей организации [*Transparency International*]. Видят ли люди, ради которых мы стараемся, то, что мы делаем? Все большие структуры по мере роста бюрократизируются, усложняется система принятия решений, падает прозрачность и подотчетность. Чем больше мы растем, тем меньше нас видят люди. Как только в международной общественной организации вместо живого голоса, отвечающего на ваш запрос, появляется форма «оставьте нам сообщение на сайте», это начало конца. Человек чувствует, что он разговаривает с экраном, а не с организацией, которая защищает его права.

Какой был основной посыл при создании ООН? «Лишь бы не было войны». Плюс права человека, гуманитарная помощь, соблюдение международных норм. Но если мы посмотрим на бюджет ООН, то увидим, что большая его часть все еще тратится на «лишь бы не было войны». Но и этот принцип далеко не всегда соблюдается. Мы имеем дело с *realpolitik*. Зачастую люди объединяются не для чего-то хорошего, а для своих интересов, которые, как правило, вообще не экономические и не гуманитарные, а чисто политические.

Напомню в этой связи, что ООН — не столько международная, сколько межгосударственная организация. Она про государства, а не про людей. Это печальная реальность. Когда мы говорим, что гражданское общество играет важную роль в развитии человечества, что институты гражданского общества признаются равными партнерами в самых разных процессах, это, конечно, не всегда соответствует действительности. Я могу это сказать даже по своему опыту работы. Например, есть Конвенция ООН против коррупции. В рамках этой конвенции регулярно проходят встречи стран-участниц. И на каждой встрече одна группа стран ставит вопрос о том, чтобы гражданское общество стало равноправным партнером по наблюдению за исполнением конвенции. Это обычно Норвегия, Швеция, Дания, Германия, Великобритания. Но вот уже около пятнадцати лет принятие резолюции о равном участии представителей гражданского общества в мониторинговом процессе имплементации конвенции саботируется группой других стран — это Китай, Венесуэла, Зимбабве, Россия... Все это лишь подтверждает, что речь идет именно о *межгосударственных* отношениях, а не о *международных* — в том смысле, в котором обычный человек ожидает их видеть.

«Это Организация Объединенных Наций, а не организация объединенного человечества»

Если посмотреть, как отреагировали государства на нарастание кризиса в связи с ковидом, мы увидим, что этот кризис только усугубился. Потому что первой реакцией было повторение исключительно китайского опыта. Понятно, было очень страшно. Казалось, нельзя потерять ни одного дня, потому что люди заболевают, умирают. Но приостановиться на день-два и подумать: а действительно надо действовать, как Китай? Этого ни одно государство, кроме Швеции, не сделало. Хотя и шведский опыт оказался не самым удачным. Но помимо медицинских проблем, проблем с логистикой, все это породило недоверие граждан к тому, что все это делается ради их блага. Потому что государства и межгосударственные институты, такие как ВОЗ со своими рекомендациями, взяли на себя массивную полицейскую функцию: всех огораживаем, останавливаем, ограничиваем свободу, следим за интернетом, вводим всевозможные пропуска, комендантские часы и так далее. Внезапно мы все превратились в один большой Китай, при этом разбитый на много стран, которые обнесли себя забором и пытались как-то с этим кризисом справиться.

Кстати, я не была уверена, что даже демократические страны отзовут все системы контроля. Потому что любой власти, даже той, которая считает себя демократической, ужасно соблазнительно все это сохранить. Это же так удобно, упрощает повседневный контроль, снижает издержки по принятию решений даже в самых банальных сферах — образова-

Лионель Стэнхоуп. Граффити на железнодорожном мосту в Лондоне, Великобритания

ние, управление местными ресурсами. А что касается авторитарных и полудемократических стран, которые могут соблазниться полным контролем, то, как правило, такие государства неэффективны и коррумпированы. Поэтому половину средств на камеры слежения разместят не туда, а другая половина камер будет работать через раз. Установление тотального контроля парадоксальным образом требует гибких демократических систем управления для того, чтобы быть реализованным в больших масштабах и особенно в больших странах. Зачастую у авторитарных режимов просто нет для этого возможностей. Для этого надо быть совсем авторитарной страной, а не полуавторитарной.

В итоге выяснилось, что абсолютно точно нет никаких источников исполнения ожиданий, которые у людей сложились, — по той простой причине, что это Организация Объединенных Наций, а не организация объединенного человечества. В то же время потребность в организации объединенного человечества есть. Потому что человечество не может выжить, не оказывая взаимную помощь. Мы видим, что параллельными путями с помощью новых информационных технологий, куда ушло все человеческое общение, возникают группы помощи: есть группы по поиску лекарств, группы помощи тем, кто оказался разьединен с семьей. И это никак не связано ни с какими государствами, ни с какими объединенными нациями. Человечество заново начинает выстраивать какие-то муравьиные, партизанские тропы, внутреннее сопротивление в кризисных условиях.

«Все говорят о технологическом ответе на случившийся кризис, но никто не говорит об ответе ценностном»

Многое из того негативного, что сейчас происходит в том числе и в связи с коронавирусом, связано с фундаментальными проблемами доверия между гражданами и государством и между гражданами и политиками. На фоне кризиса доверия возникает еще больше точек разъединения людей. С этим придется иметь дело долгое время, потому что в силу кризиса доверия к тому, что говорят — а зачастую и делают — государство и межгосударственные организации, существуют группы, которые отрицают существование коронавируса, призывают граждан не верить в него. Возникает куча теорий заговора.

Когда спала волна первого испуга, вроде бы все успокоилось и никто не готовился к тому, что начнется осенью и зимой. В это время люди обратились к теме ценностей. Стали обсуждать, стоит ли и как жить в тотальной несвободе? Если у нас забирают свободу, то нужна ли такая жизнь в принципе? Дороже ли свобода жизни отдельно взятого человека? И как это все соотносится с ответственностью? Ведь каждый из нас стал ответственным за жизнь соседа. Даже за того, которого не знаешь. В многоквартирном доме, например. Многие говорят, что это не так, что государство должно обеспечить меры, чтобы ничего с ними не произошло.

Интересный случай произошел в Германии, где протестуют против коронавирусных ограничений. Их противники стали раздавать около школ листовки о вреде масок. В ответ школьники в соцсетях выдвинули требования обязательного ношения масок — по той причине, что им еще жить. Получается, что школьники и студенты начинают вести себя ответственнее, чем группы взрослых. Они не воспринимают это как ограничение свободы, они чувствуют, что это их право на будущее, на жизнь. Они хотят продолжать жить здоровыми и счастливыми, а какие-то люди пытаются заставить их отказаться от этого. Борьба ответственности против безответственности порождает совершенно новые представления о том, где пролегает граница свободы.

Мне кажется, ответственность за других граждан вышла во время кризиса на первый план. Я не вижу, чтобы какая-нибудь международная или межгосударственная организация всерьез говорила именно об этом. Все говорят не о ценностном ответе на кризис, а о технологическом. Потому что разъединение, которое произошло, многим видится как тупик. Внутри этого тупика кризис доверия только усиливается. Мне же кажется, что у нас есть окно возможностей. Этот кризис был нам дан и как испытание — не только в смысле оценки возможностей систем здравоохранения в каждой стране, а именно как всему человечеству. Может быть, он подтолкнет нас к пониманию, что некие системы горизонтального межнационального взаимодействия граждан должны происходить вне государственного контроля.

«Единственное ограничение, которое я вижу, — это скорость взаимодействия граждан»

«Человечество» и «организация» — эти два слова разные. Все человечество в одной организации трудно себе представить. В принципе, я считаю, что интернет является организацией объединенного человечества, где все представлены в своем личном качестве, в разных форматах и разных проявлениях. Мы все объединены глобальной сетью, но при этом она не является организацией. На мой взгляд, низовые горизонтальные сети более эффективны, чем вертикальные структуры, наделенные уязвимостью колосса на глиняных ногах. Другое дело, в каком формате низовое горизонтальное взаимодействие может быть инструментом быстрого взаимодействия. Я думаю, нам это еще предстоит понять. Единственное ограничение, которое я вижу, — это скорость взаимодействия. Мы видим всю длинную, масштабную, растянувшуюся на всю планету сеть взаимодействия граждан и низовых гражданских организаций. Скорость их взаимодействия пока очень маленькая, а эффективность зачастую определяется скоростью.

При этом попыток, когда активные граждане, скептически смотрящие в сторону больших общественных организаций, параллельно выстраивают горизонтальную сеть из маленьких организаций, очень много. Люди объединяются даже необязательно в организации, а в заинтересованные группы — в экологической, антикоррупционной и других сферах.

Мир, огородившись физически, безусловно, открылся виртуально. Стало можно делать то, чего не было в жизни. Сидя в Москве, смотреть представление в Лас-Вегасе. Или посетить выставки в Риме, на которые билеты в принципе было не достать. Или начать общаться с людьми, до которых раньше надо было бы далеко ехать. Но есть и чудовищное ощущение физической разделенности, особенно больно за тех людей, которые оказались физически разделены со своими семьями и близкими. Но в целом с точки зрения общения, обмена информацией, знаниями, все это дало очень большой толчок. Мне кажется, мы движемся в направлении понимания себя не как совокупности наций-государств, а как *человечества*, причем не только в связи с ковидом — мы уже давно туда двигались. Думаю, что в разных странах между разными сообществами, разными тематическими и нетематическими группами граждан по мере развития событий в глобальном мире подобного рода взаимодействие будет нарастать. От этого просто никуда не денешься.

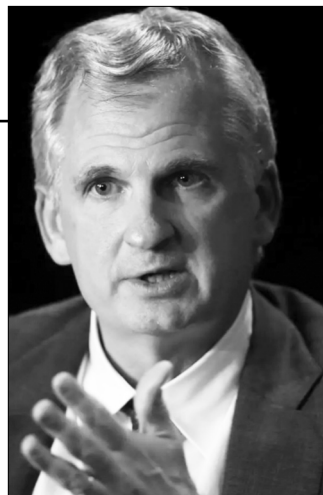
«Мы никогда не сдадимся, мы никогда не признаем поражение», — заявил на митинге своих сторонников 6 января 2021 года Дональд Трамп. Он призвал сторонников пойти к Конгрессу, чтобы «поприветствовать наших храбрых сенаторов, конгрессменов и конгрессвумен». В итоге к Капитолию, где в это время утверждали результаты президентских выборов, пришли тысячи людей, которые вскоре ворвались в здание. Известный американский историк Тимоти Снайдер объясняет, как произошедшее стало возможным, почему ответственность за это несет не только Трамп, что общего у современной Америки с Германией 1930-х и что ждет США в новом электоральном цикле.

Институты, теории заговора и будущее Америки*

Институты и ответственность

Выступление Дональда Трампа 6 января в принципе не содержало в себе ничего нового, Трамп поступал так всегда. Он никогда серьезно не относился к электоральной демократии, и даже когда победил на выборах в 2016 году, все равно утверждал, что они были сфальсифицированы — якобы за его оппонента были поданы миллионы фальшивых голосов. В 2020 году Трамп знал, что уступает Байдену по опросам, и заранее стал заявлять о грядущей фальсификации выборов, постепенно ужесточая свою риторику.

Неудивительно, что Трампу поверили: требуется колоссальный объем работы, чтобы научить граждан сопротивляться мощному притяжению того, во что уже верят они сами и окружающие их люди. Платон видел особую опасность для тиранов в том, что в конце концов они будут окружены только согласными со всем подхалимами. Аристотель был обеспокоен тем, что в условиях демократии богатый и умелый демагог может слишком легко овладеть умами населения. Осознавая эти и другие риски, создатели Конституции ввели систему сдержек и противовесов. Задача заключалась не только в том, чтобы ни одна ветвь власти не доминировала над другими, но и в том, чтобы закрепить в разных институтах разные точки зрения.

Тимоти Снайдер,
американский историк,
профессор Йельского
университета

* Пересказ статьи, опубликованной в *New York Times* 9 января 2021 года // www.nytimes.com/2021/01/09/magazine/trump-coup.html.

Роберт Раушенберг. Pum. 1956

Так что в этом смысле ответственность за усилия Трампа по опровержению результатов выборов должно нести очень большое количество республиканцев — членов Конгресса. Вместо того чтобы с самого начала противостоять попыткам Трампа оспорить выборы, они позволили его электоральному вымыслу процветать. Избираемый институт, выступая против выборов, рискует сам себя дискредитировать: «Члены Конгресса, поддержавшие ложь президента, несмотря на все доступные и недвусмысленные доказательства, предали свою конституционную миссию».

Большая маленькая ложь

Трамп был нашим постправдным президентом. Когда мы отказываемся от истины, мы уступаем силу тем, кто обладает богатством и харизмой, чтобы создать на ее месте зрелищный спектакль. Без консенсуса в отношении основополагающих фактов граждане не могут сформировать гражданское общество, которое позволило бы им защитить самих себя, в противном случае можно погрязнуть в привлекательных абстракциях и вымыслах. Эпоха Трампа, как и эпоха Владимира

Путина в России, связана с упадком локальных новостей. Социальные сети не могут заполнить эту нишу: они только укрепляют умственные привычки, которые заставляют нас искать стимулы для эмоциональных реакций и комфорт, что означает потерю различия между тем, что *кажется* правдой, и тем, что на самом деле *является* правдой.

Подобно фашистским лидерам из прошлого, Трамп представил себя единственным источником истины. Используемый им термин «фейковые новости» перекликается с нацистским понятием «*Legenpresse*» («лживая пресса»); как и нацисты, он называл репортеров «врагами народа»; как и Адольф Гитлер, он пришел к власти в тот момент, когда традиционная пресса потерпела крах — финансовый кризис 2008 года сделал с американскими газетами то же, что Великая депрессия некогда сделала с немецкими. Нацисты думали, что развиваемое ими радиовещание сможет заменить традиционную прессу; Трамп попытался сделать то же самое с Twitter.

Благодаря технологическим возможностям и личному таланту Дональд Трамп лгал с такой скоростью, с которой, возможно, не мог сравниться ни один другой лидер в истории. По большей части это были отдельные примеры маленькой лжи, но основной эффект был кумулятивным. Те, кто поверил в эту ложь, признали авторитет Трампа и перестали верить всему остальному. Президент мог превратить кого-нибудь из доверенных советников в бесчестного негодяя с помощью одного твита. Но ложь в заявлениях Трампа все еще не была слишком большой, она растянула, но не разорвала то,

что Ханна Arendt называла «тканью фактов» (*fabric of factuality*).

К большой лжи Трамп перешел в ноябре 2020 года, когда заявил, что выиграл выборы, которые на самом деле проиграл. Картина мира, в которой были украдены президентские выборы 2020 года, предполагает также недоверие не только к журналистам и экспертам, но и к местным и федеральным правительственным учреждениям, от работников избирательных комиссий до выборных должностных лиц, сотрудников национальной безопасности, вплоть до Верховного суда: «Это неизбежно вовлекает в теорию заговора: представьте себе всех людей, которые должны были участвовать в таком заговоре, и всех людей, которым пришлось бы работать над сокрытием». Так просто опровергнуть заявления Трампа нельзя: те, кто в них верит, делают это потому, что чувствуют, что так правильно, или знают, что другие думают так же.

От Трампа к Джиму Кроу

Нарушения, о которых заявляет Трамп, как правило, относятся к городам, в которых живут и голосуют афроамериканцы. По сути, фантазия Трампа о сфальсифицированных выборах сводится к тому, что это преступление, совершенное черными против белых. Это большая ложь, потому что она переворачивает моральное поле американской политики и основную структуру американской истории.

Когда сенатор Тед Круз объявил о своем намерении оспорить голосование Коллегии выборщиков, он сослался на Компромисс 1877 года, который разрешил исход президентских выборов

1876 года. Однако релевантность этого примера вызвала у наблюдателей вопросы: во-первых, в то время действительно имели место серьезные нарушения при голосовании, а во-вторых, Компромисс 1877 года заключался в том, что Ратерфорд Хейс стал президентом при условии отзыва федеральной власти с Юга. В результате этой договоренности афроамериканцы оказались лишены права голоса на большую часть ближайшего столетия. Фактически это был конец Реконструкции, начало сегрегации, правовой дискриминации и законов Джима Кроу. Это первородный грех американской истории в пострабскую эпоху, до сих пор наше самое близкое соприкосновение с фашизмом. Эта отсылка могла показаться очень далекой, когда Тед Круз и десять его коллег опубликовали свое заявление 2 января, но стала очень близкой четыре дня спустя, когда в Капитолий внесли флаг Конфедерации.

Конечно, кое-что изменилось с 1877 года. Тогда именно республиканцы или многие из них выступали за расовое равенство; апартеид поддерживали, наоборот, демократы, партия Юга. Теперь все наоборот. Демократы превратились в коалицию, которая куда лучше республиканцев работает с женской и цветной частью электората. Но противопоставлять демократов монолитной Республиканской партии не совсем правильно.

Две части Республиканской партии

Республиканская партия не монолитна. В январе 2021 года можно было хорошо проследить различия внутри партии: одни ее члены («игроки») защищали ны-

нешнюю систему на том основании, что она им выгодна, другие («нарушители») пытались эту систему перевернуть. Раскол между этими двумя группами, «игроками» и «нарушителями», стал особенно заметен 30 декабря, когда сенатор Джош Хоули объявил, что он поддержит вызов Трампа, поставив под сомнение законность голосов выборщиков. В итоге такую позицию заняли более сотни республиканцев, но для многих из них это было не более чем шоу, которое едва ли повлияет на результат.

За четыре десятилетия, прошедшие с момента избрания Рональда Рейгана, республиканцы преодолели напряженность между «игроками» и «нарушителями». Консенсус основывается на том, что «нарушители» служат прикрытием для «игроков», публично продвигая идеологию, которая отвлекает от реальности. Поначалу Трамп казался угрозой этому балансу. Но в итоге его особые навыки «нарушителя», как оказалось, создали огромные возможности для «игроков». Во главе с главным «игроком» Митчем Макконнеллом они добились назначения сотен федеральных судей и снижения налогов для богатых.

Демократия в Америке после Трампа

И все же Трамп так и не подготовил решающий удар. Несмотря на все его иски, мольбы и угрозы в адрес государственных чиновников, он не смог создать ситуацию, при которой правильные люди поступили бы неправильно. Трамп смог убедить некоторых избирателей в том, что он победил на выборах 2020 года, но он не смог вовлечь в свою большую ложь *институты*.

7 января Трамп призвал к мирной передаче власти, косвенно признав, что его путч провалился. Однако даже тогда он повторял свои заявления о выборах: теперь это было священным делом, ради которого люди принесли жертвы. Трамп сейчас является главным мучеником, верховным жрецом большой лжи. Он лидер группы «нарушителей», по крайней мере в сознании его сторонников. Вместе с тем у «нарушителей» есть причины желать исчезновения Трампа, причем куда более веские, чем у «игроков». Использование большой лжи Трампа с их стороны может показаться жестом поддержки, но на самом деле это означает скорее желание его политической смерти. Преобразовать миф о Трампе в миф о нации будет легче, когда он будет в стороне.

Попытка государственного переворота Трампа в 2020–2021 годах, как и другие неудавшиеся попытки государственного переворота, является предупреждением для тех, кто заботится о верховенстве закона, и уроком для тех, кто этого не делает, пишет Тимоти Снайдер.

Протофашизм Трампа открыл новые возможности для американской политики. Чтобы подобный переворот сработал в 2024 году, «нарушителям» потребуется то, чего у Трампа никогда не было: разъяренное меньшинство, готовое к насилию по всей стране, готовое к устрашению и шантажу на выборах. Четыре года распространения большой лжи могут им помочь. Информированные источники в правительстве и за его пределами согласны с тем, что идея превосходства белых правых представляет собой огромную угрозу для Соединенных Штатов. Продажи оружия в 2020 году достигли поразительно высокого уровня.

Если ситуация пойдет по насильственному сценарию, «нарушителям» придется отреагировать. Если они примут это, они станут фашистской фракцией. Республиканская партия будет разделена, по крайней мере на какое-то время. Можно, конечно, представить мрачное воссоединение: кандидат-«нарушитель» проигрывает президентские выборы в ноябре 2024 года и заявляет о фальсификации, республиканцы выигрывают обе палаты Конгресса, а участники уличных беспорядков, воспитанные за четыре года большой лжи, требуют того, что они считают справедливостью. Станут ли «игроки» принципиальными, если ситуация будет складываться таким образом 6 января 2025 года?

У политиков, которые хотят положить конец трампизму, есть простой путь вперед: сказать правду о выборах. Америка не сможет справиться с большой ложью лишь потому, что лжец будет отделен от власти. Для этого потребуются осмысленное возвращение средств массовой информации к плюрализму и к приверженности фактам как общественному благу. Расизм, пронизывающий каждый этап этой попытки государственного переворота, призывает нас прислушаться к нашей собственной истории. Обращение к прошлому помогает нам увидеть не только риски, но и возможности. Мы не можем быть демократической республикой, если будем лгать о расе, большой или малой. Демократия — это не про сведение голосов к минимуму или игнорирование их, это не про «игроков» или «нарушителей», это признание равенства других, умение слышать их голоса — и подсчитывать их.

Пересказала Наталья Корченкова

*Сергей Большаков,
доктор политических наук,
профессор*

Государство, кризис и проблемы глобализации

Эпидемия нового коронавируса сработала для глобализации как стресс-тест. Ее урок не в том, что идея глобального управления и глобализация провалились, а в том, что глобализация, несмотря на все ее достоинства, оказалась весьма хрупким процессом. В течение десятилетий благодаря усилиям государств и наднациональных корпораций по переустройству общества, повышению качества процессов перераспределения социальной дифференциации накапливались неиспользованные резервы. «Богатство народов», по Адаму Смиту, стало мировым богатством, поскольку корпоративный сектор смог воспользоваться преимуществами глобализованного разделения труда. Специализация стимулировала динамику мирового экономического роста.

Теперь, когда политики во всем мире пытаются бороться с эпидемией и ее последствиями, им придется столкнуться с тем фактом, что мировая экономика не работает по ранее выстроенным моделям. Глобализация экономики требует все возрастающей специализации рабочей силы в разных странах — это одновременно исключительно эффективная и чрезвычайно уязвимая модель. Такие шоки, как пандемия Covid-19, свидетельствуют об этих уязвимостях.

Экономические последствия пандемии не должны пониматься как обычная проблема, которую можно решить или смягчить макроэкономическими средствами. Скорее, мир может стать свидетелем фундаментального изменения самой природы и глобальной политики, и глобальной экономики.

В статье «Конец великой стратегии», опубликованной в июне 2020 года, американские исследователи Дрезнер, Креббс и Швеллер пишут, что мы стали свидетелями того, как в корне изменились возможности

и способы современных государств осуществлять власть, национальные цели и интересы, принципы наделения властью и способы обладания ею. Как результат, появился новый биполярный мир, который разбивается в своей неустойчивости¹.

Государства по-прежнему стремятся контролировать важнейшие ресурсы и доступ к жизненно важной инфраструктуре — транспортным и морским путям. Многие страны стремятся максимизировать свое богатство, влияние, безопасность, престиж и автономию. Но в новом глобальном беспорядке даже страны с сильной экономикой и вооруженными силами не смогут заставить других делать то, что они хотят. Современным государствам, независимо от того, насколько они сильны в военном и политическом отношении, практически невозможно влиять на теневые группы, которые процветают в неуправляемых пространствах или в интернете. Многие из подобных субъектов мотивируются такими деструктивными и разрушительными идеями, как создание Халифата или отдельного государства. Хуже всего то, что насилие само по себе может служить источником определенной социальной сплоченности.

Большие глобальные стратегии не подходят для энтропийного мира. Стратегическое мышление линейно, а современный мир — это мир взаимодействий и непредсказуемых сложностей, в которых самый прямой путь между двумя точками не будет линейным. Либерального интернационального консенсуса также больше не существует. За последние полвека на Западе усилился скептицизм в отношении достоинств наций и даже реальности их существования (о чем свидетельствует концепция «воображаемых сообществ»).

Анализируя современные политические процессы как в США, так и в странах Европы, следует сделать вывод, что популистская политика склоняется к авторитарности. Уничтожая якобы коррумпированные элиты и институты, популистский лидер уничтожает все политические и гражданские силы, стоящие на его пути. Демонстрируя свою идеологию обществу, популистский лидер утверждает, что представляет их интересы лучше, чем любой политический институт. Критики становятся врагами, конституционные ограничения становятся препятствиями для демократии, а тирания большинства становится добродетелью, а не пороком.

У популизма нет большой и глобальной стратегии. Движение вперед без стратегии должно базироваться на двух принципах: децентрализации и инкрементализме. Неопределенность условий требует децентрализованных, но скоординированных сетей для принятия решений. Корпоративный бизнес понимает, что менеджеры должны не контролировать каждое решение, а вместо этого применять новые технологии управления инновациями, формируя среду, в которой возникает демократический выбор. Используя цифровые технологии, современ-

ные корпорации децентрализуют власть и ответственность, побуждают рядовых сотрудников принимать решения в рамках командной работы и неформально подходят к распределению задач и обязанностей. Правительствам следует организовать механизм разработки и реализации глобальных внешнеполитических решений таким же образом.

Перед лицом сколько-нибудь значительного риска командная цепочка в демократическом государстве оказывается в тем большей степени ориентированной на осторожность и «осмотрительное» поведение», чем в большей степени общественное мнение воспринимается как нечто нестабильное.

Большинство целевых задач и стратегий должны разрабатываться с учетом наступления возможных кризисов. Даже стратегии европейского строительства должны строиться таким образом. Предупредить какой-либо кризис значит, прежде всего, принять во внимание его вероятность. Реагировать на удар значит осуществлять (или приспособлять) стратегию, принятую к действию заранее, или же, если этого нет, изобретать еще одну стратегию, имея в виду не допустить появления неконтролируемых цепных реакций².

Чтобы изучить диалектику предупреждения внешних кризисов и реагирования на них в демократических государствах, необходимо уделить особое внимание двум временным измерениям: времени, когда возникают и развиваются сами проблемы, и времени, когда приводятся в действие механизмы по принятию решений. У каждой проблемы свой собственный ритмический рисунок и длительность: от одного до десяти лет для небольших конфликтов, сталкивающих интересы; несколько десятилетий для крупных конфликтов, идеологий и «длительных циклов» в терминах Кондратьева или Шумпетера; несколько веков для ставок, имеющих значимость по отношению к культуре и цивилизации; тысячелетия для некоторых проблем, касающихся биосферы. Общее правило говорит, что степень неопределенности быстро возрастает вместе с временным горизонтом.

Тем не менее понятие о длительном времени вошло в политический лексикон вместе с идеей о сохранении самостоятельности какого-то народа или цивилизации.

Что можно сказать о втором временном изменении, времени, когда приводятся в действие механизмы по принятию решений? Олигополия в принятии решений, инерция в командных цепочках приводят к тому, что временная продолжительность здесь может растянуться на многие годы и даже десятилетия³.

Возрастание взаимозависимости в силу умножения прямых или косвенных взаимных влияний между разными государствами уже достаточно давно привлекает внимание теоретиков «транснационализации». В их ряду имена таких людей, как Роберт О. Кохейн и Джозеф С. Най,

авторы концептуального представления о «комплексной взаимозависимости», должны быть выделены в первую очередь⁴. Сам по себе отмеченный феномен не потрясает природу международных отношений. Но он вынуждает национальные государства приспосабливаться к нему как в том, что касается территориального суверенитета, так и в том, что касается испытывания новых форм кооперирования и сотрудничества с другими государствами.

В глобальном контексте становится особенно важным феномен реакций гражданского общества на глобальные вызовы. Тьерри де Монбриаль пишет, что «современная формула понятия о гражданском обществе» ведет свое происхождение от Гегеля. В работе «Философия права» (1821) Гегель предпринял попытку разделить понятия «гражданской жизни» и «политической жизни» (можно было бы ввести еще и третью категорию — «религиозная жизнь»), что стало следствием промышленной революции и падения Старого режима. Это было сделано подобно тому, как нынешние коренные изменения могут быть истолкованы как последствия революции в информационных технологиях и разрушения советской системы.

В либеральной традиции пространственная протяженность «гражданского общества», где вмешательство государства сведено к минимуму, необходимому для поддержания национального единства, должна быть как можно более широкой. Государство отнюдь не обладает монополией на статус носителя всеобщего интереса. Последний может проявляться также, а нередко и наилучшим образом проявляется через посредство частных организаций, возникновению и утверждению которых государство должно способствовать. Несмотря на широкое распространение — от Франклина Рузвельта до Джимми Картера — *Welfare State*, в Соединенных Штатах ассоциациям и учреждениям всегда отводилось главное место. Неудивительно, что США в культурном отношении — страна, наиболее удачно чувствующая себя в связи с феноменом глобализации, даже до такой степени, что некоторые сторонники теории заговора видят во всем этом военную машину, своего рода троянского коня, придуманного господствующей державой⁵.

Становится очевидным, что феномен глобализации заставляет коренным образом пересмотреть роль государств. Формы политической организации человеческих обществ, взятые в перспективе длительного времени (долговременность Фернана Броделя), как и все живущее, подчинены императиву приспособления. Между тем размах мутационных изменений, вызываемых революцией в науке и в информационных технологиях, представляется гораздо более масштабным, чем это было во время предшествующих промышленных революций, как, например, в ходе революции, совпавшей по времени с подъемом хлопчатобумажной промышленности и особенно созданием паровой машины. Быть

Франс Мазерель. Поцелуй. 1924

может, необходимо добраться до времени изобретения печатания, чтобы иметь возможность отыскать феномен, сравнимый (по размаху своих последствий) с выходом на историческую арену информационных технологий и компьютеров. Печатное дело стало самой главной причиной исчезновения средневековой системы и прогрессивного нарастания значимости, начиная с XV века, государства-нации. Несомненно, что его ожидает весьма долгая жизнь, но и оно, в свою очередь, уже подвергается опасности, и уже перестало быть тем, чем оно было когда-то.

Все чаще встречающееся употребление слова «управление» вместо классического «правление» передает современную неустойчивость понятия о государственной власти. Идея правительства как организации, в исключительные обязанности которой входит отправление общественных дел внутри государства, кажется все более и более неудачной. Дело в том, что возрастание и усложнение отношений взаимозависимости в широком плане лишает привычного смысла слово «руководство». Но это происходит также и потому, что нарастает все увеличивающееся присвоение общественного достояния гражданским обществом, то есть возникает феномен, который, хотя и довольно медленно, тяготеет к тому, чтобы распространиться на территории всей планеты, несмотря на существование нескольких очагов сопротивления.

В современных обществах, в том числе и европейских, общественное благо традиционно отождествлялось с государством. В действительности идея «хорошего правительства» принадлежала в равной мере политической литературе средневекового христианства. Оно отражает патерналистское видение мира, в котором с трудом находятся точки соприкосновения с современностью в том качестве, как она понимается на заре XXI века. В странах с действительно демократическим строем разновидности способов отбора руководителей не гарантируют ни их компетентности, ни честности⁶.

Вместе с тем в наиболее общем плане контролирование ресурсов означает контролирование сетей и, следовательно, их важнейших узлов, включая, разумеется, и то, что относится к их человеческим измерениям. Во времена управления и ослабления власти империализм совсем необязательно исчез, он только замаскировался. Все это не значит, что территориальный инстинкт перестал существовать. Это остается верным даже в том случае, когда неизбежная тенденция к урбанизации, в которой видят самый мощный двигатель глобализации (в 2025 году 62% населения «Юга», вероятно, будет жить в городах вместо 35% в 1995 году), вызывает уничтожение всех корней территориальной привязанности с многочисленными и нередко впечатляющими политическими и социальными последствиями (поиски самоидентификации в национализме, фундаментализме, сектанстве, *New Age* и т.п.)⁷.

Глобализация и многообразные формы разновидностей управления выражаются в пространственном переплетении и «картелизации» властей через процессы нарастающего стирания границ, существующих в качестве линий коренного разделения между государствами, через совмещение суверенитетов. Географические карты должны все больше и больше накладываться друг на друга, чтобы отразить реальную картину.

Глобализация, в соответствии с уточненным определением, приводит не к исчезновению государства, а к необходимости изменения его очертаний. Рост численности и многообразие деятельных образований в планетарном масштабе, количества и разновидностей возможных или мыслимых взаимосвязей между этими образованиями приводят к необходимости пересмотра роли государства после эйфории (по меньшей мере в ретроспективном плане) десятилетий *Welfare State*.

Мировой авторитет в сфере анализа международных отношений Т. Де Монбриаль пишет, что «никакое общество не может поддерживать свое внутреннее единство, если оно целиком и полностью оставит несчастных на милость случайностей индивидуального великодушия. В надписи на титульном листе своей знаменитой книги «Full Employment in a Free Society» («Полная занятость и свободное общество»), написанной в 1944 году, которая считается своеобразным манифестом государства всеобщего благосостояния, покровителя, ее автор Уильям Х. Беверидж приводит такие строки: «Misery generates hate» («Нищета порождает ненависть»)⁸, а ненависть, как известно, «порождает насилие».

Главным принципом демократии является принцип правового государства, которое обладает значимостью лишь в том случае, если имеет *свое воплощение* в определенной культуре. основополагающие характеристики правового государства — три концептуально разделенные «ветви власти», образующие одно из институциональных оснований демократии.

Государство-покровитель должно было занять место патерналистского государства. Его усилия должны были быть направлены на помощь самым обездоленным людям. Граждане должны были вновь усвоить, что не бывает права без ответственности.

В те времена относительной легкости государство-покровитель могло процветать, непрерывно расширяя сферу «общественных благ», в том числе и в области перераспределения доходов, осуществляемого во имя принципа, который по желанию можно квалифицировать как принцип социальной справедливости, единения или взаимной поддержки. Но вполне достаточно было заранее подумать о бесконечном возрастании затрачиваемых на это ресурсов⁹.

Международная конкуренция, однако, стала более жесткой. Ускорение технического прогресса находило выражение в умножении

нововведений, позволяющих вновь остановить систему производства по причине того, что удовлетворение традиционных потребностей постепенно становилось все более и более насыщенным.

В заключение следует отметить, что идет эволюция нового мирового порядка — многополярного мира, состоящего из трех (возможно, четырех мировых центров в зависимости от того, какую динамику развития приобретет Индия) мировых региональных центров, отличающихся друг от друга функционированием экономик, законов, культур и сетевой безопасности. Многополярность современного мира набирает обороты и будет сосредоточена на двух направлениях. Во-первых, полюса в многополярном мире должны быть глобальными с точки зрения экономической, финансовой и геополитической власти и влияния. Во-вторых, суть многополярности заключается не просто в том, что полюса представляют собой большие и мощные центры притяжения, но также в том, что они разрабатывают четкие, демократическим путем согласованные приемы ведения дел. Даже если многополярность основана на растущей дисперсии и регионализации экономического и промышленного потенциала, она может выражаться и другими способами, в частности, военной мощью, политической и цифровой свободой, применяемыми технологиями и уверенностью в культурном прогрессе.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Drezner D.W., Krebs R.R., Schweller R.* The End of Grand Strategy. America Must Think Small // Foreign affairs. 2020. May/June.
- 2 *Де Монбриаль Т.* Действие и система мира. М.: МГИМО; РОС-СПЭН, 2005. С. 188.
- 3 Там же. С. 189.
- 4 *Keohane Robert O., Nye Joseph S.* Transnational Relations and World Politics. Cambridge: Harvard University Press, 1972; Power and Interdependence: World Politics in Transition. Boston: Little Brown, 1977.
- 5 *Де Монбриаль Т.* Указ. соч. С. 301.
- 6 Там же. С. 303.
- 7 *Chesnais J.-C.* Le crepuscule de l' Occident. Demographie et politique. Laffont, 1995; Vers une pression demographique planetaire / Ramses 2000, IFRI/Dunod, 1999. P. 51–63.
- 8 *Де Монбриаль Т.* Указ. соч. С. 317.
- 9 Там же. С. 323.

Наталья Володина — государственный деятель, заслуженный работник культуры Российской Федерации, член Союза журналистов РФ и Союза фотохудожников РФ, в 2013 году награждена медалью ордена «За заслуги перед Чувашской Республикой», имеет благодарности Президента Российской Федерации и Президента Чувашской Республики. Выпускница МШПИ.

«Все силы отдаю Чувашии»*

Вопрос: Наталья Ивановна, некоторые люди всю жизнь трудятся не покладая рук, но так и остаются незамеченными. Другие сделают на копейку, а выдадут за сто рублей. Вы не относитесь ни к первой, ни ко второй категории. И однозначно можно утверждать, что вы — человек, который не может не оставаться незамеченным не потому, что сам того усердно добивается, причина кроется в чем-то другом. В чем?

Ответ: Возможно, дело в перфекционизме, который воспитывал в своих детях мой папа. Он требовал все делать качественно, ответственно и с высоким результатом в достижении конечного результата. Наверное, это заложило основу того, что на любой должности я старалась сделать что-то важное, нужное, современное, полезное сразу большому количеству людей. А может быть, потому, что я испытываю радость и удовлетворение от того, что я делаю, хотя многие вещи, особенно большие, создавались с большими трудностями. Ведь любой проект, в который искренне

вдохнули жизнь, будет долгим и значимым для других людей. Когда я стала взрослой и прочитала много книг, в том числе по эзотерике, я поняла, что интуитивно шла по жизни с пониманием, что самая важная задача человека осознанного — в служении. Как говорится, не место красит человека, а человек место. В любом возрасте мне было все любопытно, интересно, все хотелось научиться делать самой. Конечно, это всегда давало результаты.

В.: Вы прочно вписали свое имя в историю чувашской журналистики. Помимо того что вы медиазвезда, вы — значимая фигура на политическом небосклоне, вас называют непревзойденным политтехнологом. Вы согласны с такими утверждениями?

О.: Не мне давать себе оценку. Но я не проиграла ни одни выборы, которыми занималась. И вопрос не только в административном ресурсе, который мне могут инкриминировать оппоненты. У меня был опыт работы в другом регионе, где никакого адмресурса и даже денег не было в помине. Суще-

* Газета «Хытар». 14 августа 2020 года.

ственным фактором (особенно для последнего десятилетия) является то, что когда я работала во власти, в Чувашии никогда не было нанятых за деньги политехнологов. Они появились, кстати, после моего ухода из политики, — и на республиканских, и на муниципальных выборах. У меня всегда была команда единомышленников — людей увлеченных, верящих в своего кандидата, и работали мы искренне, не за деньги, а ради победы. Базовым моментом в предвыборном процессе была продуманная информационная политика, основанная на системной работе правительства республики. Это была политика не одноразовая, на время предвыборной кампании, она была стратегической с момента создания пресс-службы первого президента Чувашии и всегда давала верные всходы и результаты.

В.: Уроженка сибирского села, вы поехали учиться в Москву. Как вас, совсем юную девицу, отпустили родители за тридевять земель? Или еще в юности вы были не из робкого десятка?

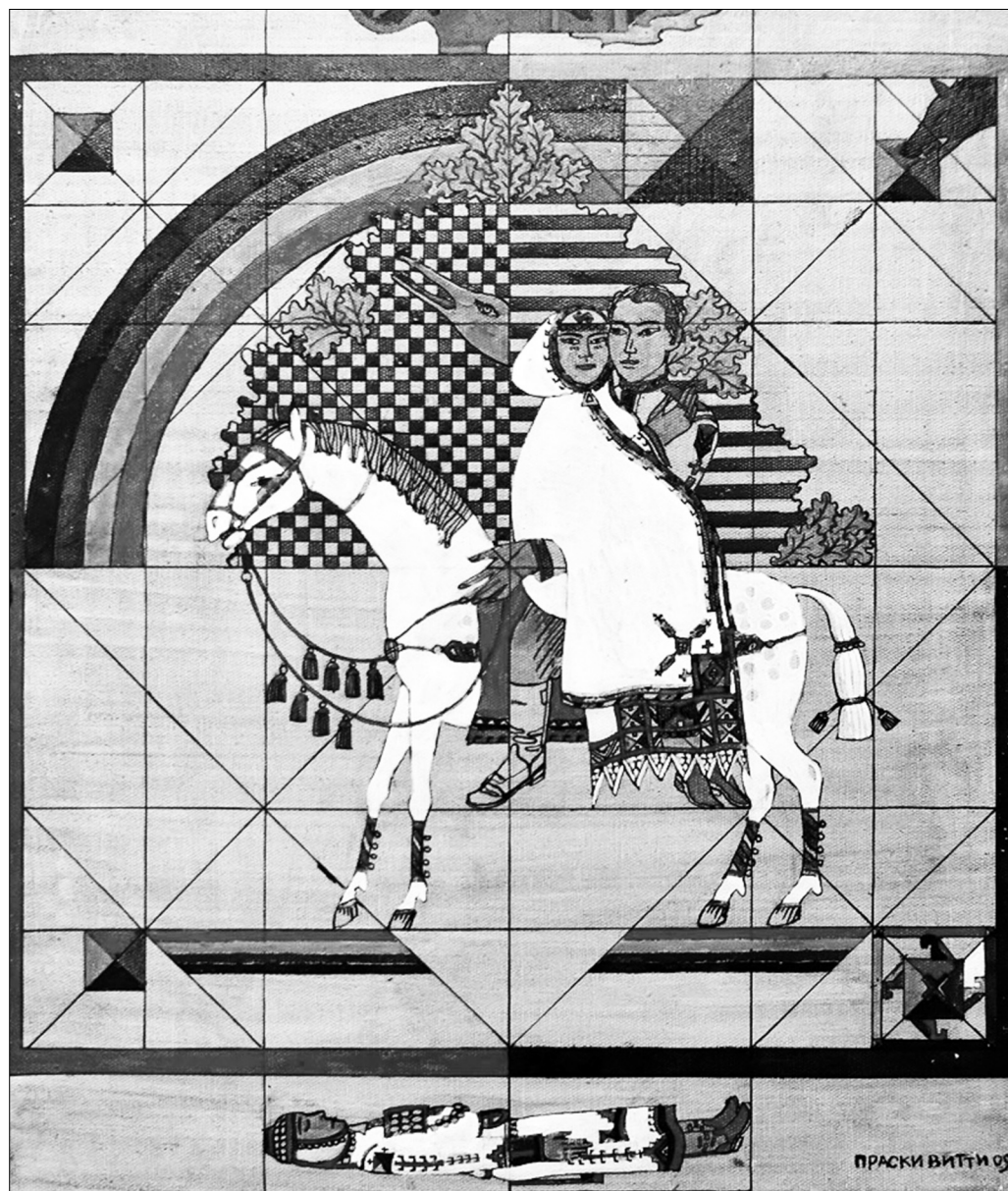
О.: Моим первым, а скорее всего и главным, учителем в жизни был отец. Он уговорил меня поехать поступать в Московский университет — за шесть тысяч километров от дома, и я стала первой выпускницей в нашем районе, граничившем с Монголией, поступившей в МГУ. Впоследствии это разрушило боязнь у других школьников, мне кажется, что это тоже было важной моей ролью для сельских школьников.

Еще с раннего детства папа воспитывал в дочках смелость и учил мечтать. С пятого класса я гоняла на мотоцикле, стреляла из «воздушки» и даже была победителем районного и областного конкурса пахарей и лесников, такие конкурсы проводились в советское

время. Я могла вспахать поле и на гусеничном, и на колесном тракторе — этому нас учили в школе на уроках по производству. Конечно, не каждая моя одноклассница отличилась на этой ниве, но папа настаивал на развитии моих разносторонних способностей. Права тракториста-машиниста широкого профиля хранятся теперь у меня как некая реликвия. Может быть, ему не хватало сына и он развивал во мне многие мужские качества? Но я благодарна ему за это, потому что за длинную и нелегкую жизнь эти качества и свет его любви не раз помогали мне преодолевать многочисленные испытания, не теряя человеческого достоинства.

В.: Вы получили дипломы факультета журналистики Московского государственного университета, экономического факультета Чувашского госуниверситета, учились в Московской школе политических исследований. Можете сказать, какая из высших школ для вас была самой значимой?

О.: Полагаю, что «высшей школой» для меня была все-таки жизнь, работа в разных ипостасях. Но каждый из факультетов дал мне свои специфические знания и навыки, которые потом на любой работе помогали решать поставленные задачи наиболее квалифицированно и эффективно. Журналистику я освоила от А до Я, нет в ней того, что я не умею делать. Экономические знания помогали на всех руководящих должностях — и в ГТРК, и в министерствах. А благодаря МШПИ я общалась с российскими и иностранными лидерами, быстро поняла, что происходит в политике и экономике многих стран. Это давало платформу для принятия решений, для личной позиции по любому вопросу. И все-таки специалистом че-

Праски Витти. Из серии «Чувашские мотивы». 2009

ловека делает не диплом, а упорный труд. Работать приходилось по 72 часа в сутки, мои дети меня почти не видели. Впрочем, как в свое время и я не видела своих родителей, которые были великими трудягами!

В.: Ваша карьера была довольно стремительной. В чем секрет успеха?

О.: Я фаталист и верю в судьбу. Убеждена, что для каждого из нас при рождении предначертана особая стезя, по которой нужно пройти. И важно, чтобы родители почувствовали способности ребенка и направили его в профессию, но еще важнее, чтобы человек сам чувствовал, где его путь, а где — не

его. В детстве я мечтала стать актрисой, потому что имела много задатков для этого — хороший голос, музыкальность, артистизм, много выступала со сцены, но в десятом классе именно папа направил меня в журналистику. И если я так эффективно в этом реализовалась, значит, это было правильным. Видимо, судьба привела меня в Чувашию, как я иногда шучу, для того, чтобы развивать институт президентства. Кто помнит — выборы были трудными, но я рискнула своей карьерой и работой в то непростое время, войдя в команду победившего потом кандидата, который не обладал никаким административным ресурсом. До этого десять лет я работала в ЧГУ и неплохо знала и людей, и состояние республики.

Думаю, что главный секрет моего успеха — мой мощный интеллект, я всегда читала много книг, это было семейной традицией. Большая библиотека была у родителей, у меня огромная библиотека, половину которой я отдала в госархив Чувашской Республики. Все новое я немедленно осваивала: фотографировать научил папа в детстве, в пресс-службе я сразу освоила компьютер, видеокамеру, училась везде, всегда, всему, что позволяло двигаться вперед. И конечно, всегда следила за тем, что происходит в стране и в мире. Часто мысли в посланиях первого президента Чувашии звучали раньше, чем в посланиях президента России, и я этим горжусь. Так что профессионального аналитика я воспитала в себе сама. А квалифицированные люди всегда нужны умным руководителям и политикам. Не я искала карьеру, она призывала меня к себе.

В.: Наталья Ивановна, вы были руководителем пресс-службы и руководи-

телем Администрации Президента Чувашии, возглавляли ГТРК, Министерство печати и информационной политики, Министерство культуры, по делам национальностей, информационной политики и архивного дела республики. А сейчас трудитесь в Республиканском центре медицинской профилактики, лечебной физкультуры и спортивной медицины. Как работается человеку, занимавшему столь высокие посты, в ранге заместителя руководителя учреждения? Ощущаете ли вы себя фениксом, который каждый раз возрождается из пепла?

О.: Мое счастье в том, что я живу не статусами. Я творческий человек, люблю командную работу, люблю видеть результаты своего труда. Не раз уходила с высоких должностей, когда видела, что разногласия мешают делу, когда личные амбиции доминируют над здравым смыслом, когда подковерная борьба слишком нечистоплотна. К сожалению, в политике такое бывает особенно часто. Также отказывалась от высоких должностей, когда понимала, что это не моя команда, а работать ради зарплаты я так и не училась. Ведь на тот свет деньги не унесешь, в новые жизни с тобой уходит только твоя чистая душа и твой прекрасный опыт. Конечно, любой кризис неприятен, и не только когда тебя увольняют, но даже когда ты уходишь сам. Но это хорошие уроки: ты учишься прощать предательства, принимать людей такими, какие они есть, со всеми их достоинствами и слабостями. Не единожды была безработной, это трудно, но не смертельно. Ведь все, что нас не убивает, делает нас сильнее. С фениксом я себя как-то не ассоциирую, потому что почти все, что я сде-

лала, — живо и работает. Я не умею монетизировать свои способности, но я креативный человек, и в моей голове живет множество проектов, которые можно реализовать в разных отраслях. В медицине, где я работаю уже одиннадцать лет, я сделала три очень больших проекта, аналогов которым нет в России, и еще многое могу предложить. Важно, чтобы кому-то это было нужно.

В.: В 2013 году вы удостоились медали ордена «За заслуги перед Чувашской Республикой». Если отбросить скромность, что бы вы в первую очередь назвали в числе заслуг перед республикой и почему?

О.: Мне неловко говорить о заслугах, это все субъективно. Назову то, что делала, во что вложила душу и много сил. Обобщая, можно сказать, что под моим руководством впервые системно была сформирована информационная политика президента и правительства Чувашии и созданы инструменты ее реализации: институт пресс-секретарей в органах власти, Послание президента республики к Государственному совету Чувашии, портал органов государственной и муниципальной власти Чувашской Республики (www.car.ru), который у нас заработал вместо информационного агентства, как в других республиках России. На журфаке МГУ мне даже предлагали написать об этом книгу для распространения чувашского опыта, так как мы были первыми в стране на этом направлении.

Медицинский портал «Здоровая Чувашия» (www.med.car.ru) в 2011 году был признан лучшим интернет-проектом в здравоохранении России и все еще остается единственным с точки

зрения уникальности его конструктора и контента (около двухсот сайтов, в том числе портал главных специалистов Минздрава ЧР, единственный в стране). Третьим моим «ребенком» стал социальный портал Чувашии (www.soc.car.ru) — такого нет в других регионах тоже. В общем, я стояла у истоков, как сейчас говорят, цифровизации Чувашии. По моему предложению президент республики в 2003 году создал первый в России госкомитет по информатизации, мы одни из первых реализовали проект «электронного правительства» Чувашии, участвовали в пятнадцати проектах «Электронной России». С порталом kap.ru на I конкурсе Рунета вошли в первую тройку сайтов госорганов!

В Министерстве печати была также проведена интересная работа по выстраиванию информационной политики, по открытости власти через СМИ, по моей инициативе созданы и выходят до сих пор книжные серии «Замечательные люди Чувашии», «Библиотека Президента Чувашской Республики». В ГТРК был создан городской канал телевидения и «Ваше радио», которые в таком виде сегодня, к сожалению, уже не существуют, но они реформировали национальное ТВ и радио, внесли оживление в кадровый состав, в новостное и программное вещание, особенно для детей, мне удалось «пробить» в Москве увеличение национального вещания на четыре часа. При мне начиналась работа по созданию Национальной кампании радио и телевидения. Мне также удалось убедить Минкультуры России и войти в федеральный проект по строительству зданий для Президентской библиотеки России, что позволило сделать современной и

красивой Национальную библиотеку Чувашии, где в том числе разместилась и НТРК.

Для читателей газеты «Хыпар» может быть важно то, что моими усилиями в столице Чувашии появился проспект имени Николая Никольского, на его могиле в Казани появился надгробный памятник с барельефом. Даже скульптуры двух сехметей у Художественного музея — это мои «риски» как министра. Да трудно все перечислить, но есть люди, которые помнят мои профессиональные заслуги, о которых даже я давно забыла! Например, телевизионный проект «Бумеранг» (более ста программ) не выходит уже более десяти лет, а зрители, встречая меня на улице, все еще говорят, что они его с интересом смотрели и жалеют, что его больше нет. В общем, пять диссертаций можно было бы написать по следам моей работы, и я даже знаю две диссертации, защищенные по моей миссии.

В.: Вы как-то признались: «Чебоксары для меня — город-судьба... Творец определил, что вся энергия и сила моей души будут направлены на процессы развития Чувашии. Так этот край стал моей второй малой родиной, а после рождения внуков, в сердце которых течет и чувашская кровь, республика окончательно стала для меня родной». Ваше мнение не изменилось?

О.: Оно только укрепилось. Я уезжала работать в Москву, но все равно вернулась, ибо мне не нравится ее сутолока, агрессивность ее энергий, частая расчетливость и корысть в отношениях между людьми, отсутствие в них доверия и любви, искреннего

уважения. Приглашали работать в несколько регионов, но даже в родную Читку не поехала. С возрастом особенно остро понимаешь, что твое место там, где любимые люди. А они почти все здесь. В Чувашии у меня много друзей, коллег, наставников и учеников. И мы нужны друг другу. Любовь — это самая главная ценность в жизни любого человека. Когда ее много — ты очень счастлив!

В.: Не скучаете по малой родине, кто там у вас остался, навещаете ли родные места?

О.: Забайкалье прекрасно, я прожила там восемнадцать лет, в Чувашии — более сорока. Мои мама и папа последние десять лет своей жизни были со мной, поэтому уже не езжу в Читку. В Чебоксарах «лежат» мои дед и бабушка, сестра. Ее дочери и внуки со мной в Чувашии. Родственников в республике у меня уже больше, чем в Чите. Там, где я родилась, осталась могила моей прабабушки-казачки с Дона, которая прожила 112 лет нелегкой жизни. Я ее не знала лично, но, возможно, ее генетический код в моем теле и ее дух присутствуют во мне незримо и проявляются в моем решительном беспокойном характере. Мои внуки по крови — чуваша, русские, финны, белорусы, украинцы и, возможно, тюрки — по линии другой бабушки и деда моего отца. Плавильный котел цивилизации не выбирает нас по отдельности, он наполняет нас энергией всех живущих когда-то на планете и в великом Космосе. И иногда я думаю: а может, и я была когда-то сехметью? Ведь даже родилась я в августе и львиные повадки мне хорошо знакомы!

*Андрей Колесников,
журналист, руководитель
программы «Российская
внутренняя политика
и политические институты»
Московского центра Карнеги*

*Всесоюзный ребе**

«Скажите, где можно увидеть старую Одессу? — На кладбище». Михаил Жванецкий был последним мудрецом. Всесоюзным ребе, слушая которого, отводила душу вся страна.

Это была ниша, соседствовавшая со статусом Владимира Высоцкого. Не запрещенный, но какой-то все равно — при всенародной славе — полуподпольный. Владимир Высоцкий пел на неформальных концертах для элиты. И они слушали то, о чем запрещали думать самим себе. А в случае со Жванецким — гомерически хохотали над самими собой, над системой человеческих отношений, которые они построили своими собственными руками. Над двойной жизнью и двойным мышлением.

Ниша Михаила Жванецкого уникальна. Сегодняшние массмедиа, воздавая должное покойному, называют его сатириком, чем-то вроде Задорнова или даже Петросяна.

При всем уважении к эстраде, Михаил Михайлович не сатирик. Это воплощенное, большое (от слова «боль»), ироничное самосознание огромной нации, вместе с которой он прошел все ее последние десятилетия.

Неслучайно тома его собрания сочинений, опубликованные издательством «Время», названы этими временами, которые не выбирают: первый том — «Шестидесятые», второй — «Семидесятые» и так далее.

Жванецкий — выдающийся писатель. Глубокий, очень плодовитый, мудрый, изобретший свой собст-

* Газета.ру. 10 ноября 2020 года.

венный язык, точнее, впитавший его там же, где и Олеша, Бабель, Ильф — в Одессе. Чаще всего его сравнивали с Бабелем. Сравнение неточное: это совершенно разные писатели, выразившие разное время. И даже одесский язык у них разный. Хотя фраза Жванецкого иной раз так же афористична и отполирована, как афористичен и отполирован диалект «Одесских рассказов». Скорее, то, что иногда прорывалось в набросках Жванецкого, похоже на «Записные книжки» Ильфа.

Есть хокку, а есть хохма — в значении еврейская мудрость. Одновременно нравоучительная и ироничная, где пафос снижается иронией. Это один из жанров напитанного Одессой Михаила Михайловича.

Жванецкий — писатель-трагик, показывавший непроходимую безысходность советского абсурда. В том числе абсурда советского социолекта — деревянного казенного языка, которым пыталась изъясняться страна, из последних сил прикрывая рвущийся наружу поток языка неформального. Трагик, смеявшийся и над сегодняшним временем — не зло, а с мудрой горечью.

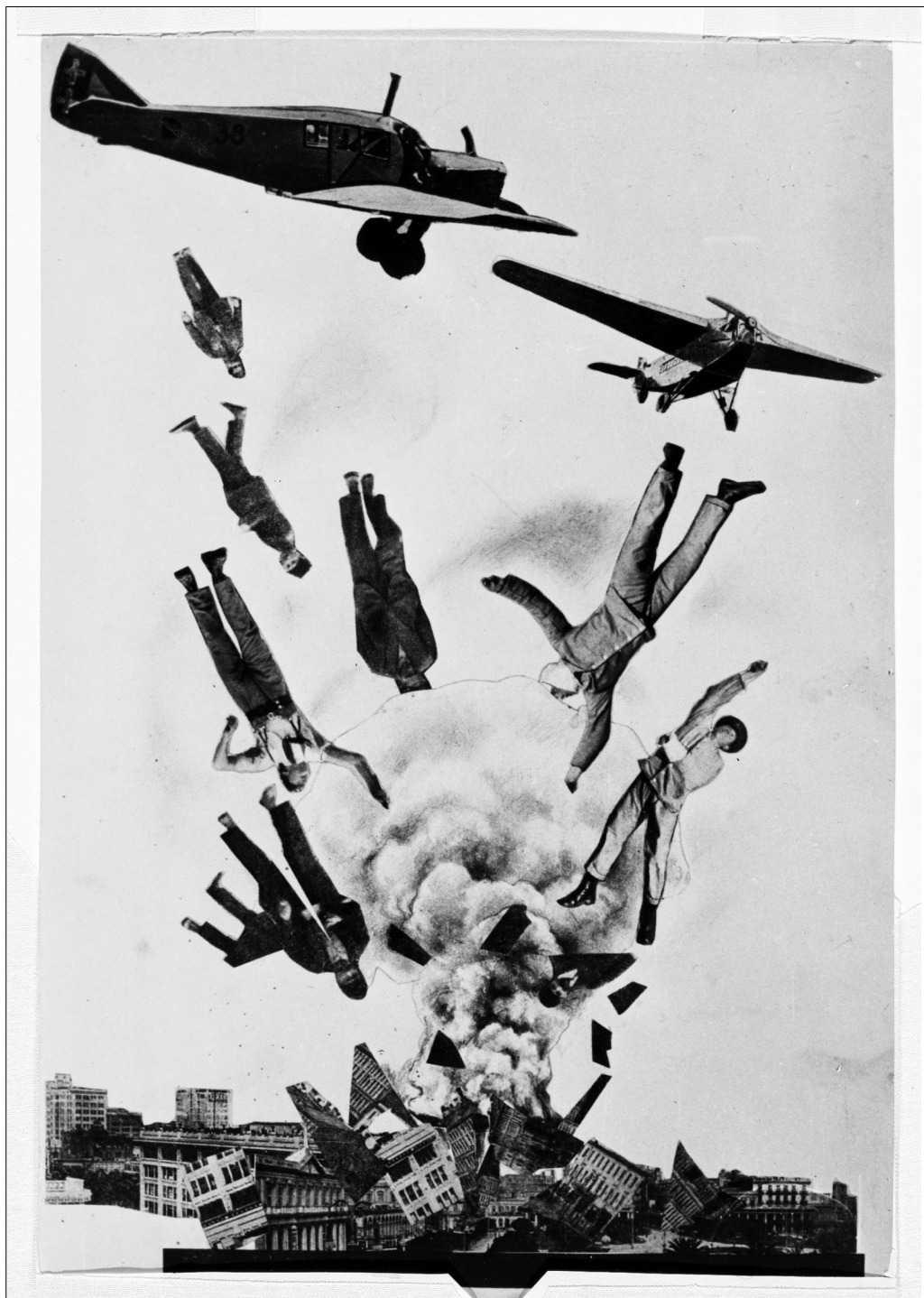
Тексты Жванецкого полны самокопания, недовольства собой, даже разочарования в себе, трагического ощущения мира. Чем старше он становился, тем в большей степени философскими становились его хохмы. Прямо как в жестоком анекдоте о распятом после погрома на дверях синагоги раввине: «Ребе, вам не больно?» — «Да нет, только когда смеюсь».

Михаила Жванецкого можно сравнить с Вуди Алленом — но не с его фильмами, понятными всем. А с его скетчами, смысл и ирония которых очевидны, скорее, только американцам с восточного побережья, жившим тридцать, сорок, пятьдесят лет тому назад. В переводе эти тексты Аллена, в отличие от его пьес и сценариев, непонятны — в чем тут юмор, в чем контексты и подтексты? А представьте себе перевод на английский миниатюр Михаила Михайловича — это же в принципе невозможно, столько там слоев, тройных смыслов, игры слов, намеков, рассчитанных исключительно на советские рецепторы!

Жванецкий — (быто)писатель советского времени. Оно узнавало в его скетчах само себя. Комическое, внешне незлобивое описание реалий обманывало цензуру.

А предрассудки общества забывались самим обществом, не слишком, вообще говоря, добрым: кто, умирая от смеха, вспоминал в то время о том, что миниатюра «Авас» написана евреем и на сцене ее представляют еще два еврея: Аркадий Райкин и Роман Карцев? Это были просто советские люди, демонстрировавшие смешное и абсурдное, вполне себе разрешенное.

Никто лучше Жванецкого не показал, как устроены советская экономика, образование и черный рынок: врач, который шьет костюмы

Александр Родченко. Кризис. 1923

(«Я врач» — «Очень хорошо. Я тоже охранник, я знаю, что такое ОБХСС. Материал у меня с собой»); кладовщик, осчастливливающий снабженца («ставь псису»); выпускник института, учившийся не тому («Забудьте дедукцию-индукцию, давайте продукцию!»). Вероятно, этот жестокий приговор системе проходил по разряду критики отдельных недостатков, потому-то и всесоюзного ребе держали за честного советского сатирика, за киноальманах «Фитиль» на сцене.

Спивавшаяся страна, показанная Жванецким, комична и трагична. Выхода нет — «жаль, что мы так и не услышали начальника транспортного цеха», а все хохочут и не могут остановиться. Безоглядность всеобщего запоя без раздумий о том, как и куда из него выходить.

Мое школьное детство пришлось на 1970-е, я не очень твердо помню, насколько часто показывали Жванецкого по телевизору, скорее, было много Райкина и Ильченко с Карцевым. Но когда после смерти Михаила Михайловича я стал листать ютьюб со старыми записями миниатюр, понял, что знаю их наизусть — до малейшей интонации. В младших классах средней школы никто не мог понимать подлинного смысла абсурдистских диалогов, но его и не нужно было понимать. Фразы и фразочки запоминались в буквальном смысле как слова из шлягеров. Там у них, в мире чистогана, пели со сцены Саймон с Гарфанкелем, а у нас их аналог (они даже внешне похожи!) — дуэт Карцев — Ильченко со сцены разговаривал крылатыми выражениями и бескрылыми недоговоренностями.

Они соответствовали строго своему времени, оно закончилось для них с концом Советского Союза. И в каждом человеке, советском или анти-советском, но жившем в любом возрасте, пусть даже и в полубессознательном, на территории империи в то время, слова Жванецкого, произнесенные им самим, Райкиным, Карцевым, Ильченко, содержатся в химическом составе крови.

«Дай ручку, внучек. Чтоб ты не знал, что я видел». Теперь внучек считает, что там, в «совке», были молочные реки с кисельными берегами...

Однако время Жванецкого не закончилось с концом Союза. Он не переставал грустно иронизировать, хотя скетчи и заметки его уже не шли «в народ». Он занял сторону: оставаясь селебрити, принимаемым в «лучших домах», не переставал быть либералом и демократом. Один из его текстов, полный горечи и даже обиды на его же, Жванецкого, огромную аудиторию, посвящен Егору Гайдару: «Он сделал наш язык переводимым, книги понятными, нас — гражданами мира.

Заплатил очень дорого...»

И здесь же — приговор: «Сегодня идет очень результативная борьба за возвращение прошлого.

За возвращение женщин в литейные цеха.

Хороших новостей в программу „Время“.

И в оборону...

Видимо, низы сошлись с верхами».

Он продолжал высмеивать то, что называл «жлобством».

Один из самых гомерически смешных, безжалостно точных и ошеломляюще печальных его текстов конца 1980-х — «Государство и народ». По этой миниатюре видно, что за более чем три десятка лет в стране изменилось все и не изменилось ничего. А отношения общества и власти воспроизводятся буквально, словно бы социальные матрицы клонируются: «Государство все, что можно, забирает у нас, мы — у государства. Оно родное, и мы родные. У него и у нас ничего вроде уже не осталось. Ну там военное кое-что...»

Фантастический диалог государства и общества, описанный всесоюзным ребе Михаилом Жванецким, продолжается в том же самом виде до сих пор.

Что поделать, эффект колеи: «Они нас окружают. Врагов надо донимать. Друзей надо кормить, иначе никто дружить не будет.

— И чего? Все время?..

— Все время, иначе все разбегутся. И враги не будут враждовать, и друзья не будут дружить. А нам они пока нужны. Обстановка сложная. Ну, иди, корми друзей, врагами я само займусь, и чтоб все понимал. А то стыд. Ни у одного государства такого бестолкового народа нет... Иди. Стой! Ты меня любишь?

— Ага.

— Пошел!..»

Если и случилась «величайшая геополитическая катастрофа», то завершилась она с кончиной последнего нашего мудреца — Михаила Михайловича Жванецкого, описавшего все цвета неопишуемых времен многострадального отечества. Больше пока описывать некому.

«Мы им подносим — они закапывают...»

Удобно экскаваторам, копателям, конторе. Всем, кроме нас.

Как наша жизнь не нужна всем, кроме нас.

Как наша смерть не нужна всем, кроме нас.

Как нас лечат?

Как мы умираем?

Как нас хоронят».

А вы говорите — сатирик...

**Российский путь
цивилизационного развития:
«преемственность
через катастрофы»
(памяти В.М. Межуева)***

*Алексей Кара-Мурза,
главный научный сотрудник,
руководитель сектора
философии российской
истории, Институт
философии*

«**Р**оссийский путь цивилизационного развития» — эта привычная нынче формула, очень взвешенная и мудрая (ибо помогает избежать крайностей, в которые так любят впадать наши шумные «цивилизационщики»), принадлежит Вадиму Михайловичу Межуеву. Так называлась его статья в журнале «Власть» (1996. № 11), которую я, на правах руководителя коллективного научно-издательского проекта, попросил непременно включить в его сборник «избранной социально-философской публицистики», что он с удовольствием и сделал¹.

Говоря о «российском пути», В.М. Межуев (далее просто — В.М.) долгое время сознательно избегал слов «русская» или «российская цивилизация». И в этом он следовал старой отечественной традиции: замечено ведь, что все обобщающие труды о России обходились без понятия «цивилизация» и говорили либо о «*российском государстве*» (Карамзин, Соловьев), либо о «*русском народе*» (Полевой), либо о «*славянском культурно-историческом типе*» (Данилевский).

Что касается В.М., то «цивилизация» была для него слишком ответственным философско-историческим концептом, а сущность, которая за этим концептом предполагалась, — слишком высокой планкой, достойной лишь редких исторических «счастливицев». Всем, знавшим В.М., было хорошо известно, что он, человек, скорее, мизантропического, «лермонтовского», склада, был весьма критичен по отношению к любым проявлениям «исторической России»: от самых древних — до наиновейших.

Но, разумеется, всего более В.М. переживал за ту Россию, которая досталась на долю его и его соотече-

* polylog.jes.su. 2020. Т. 4. № 3.

ственников/современников, мучающих-ся рядом с ним примерно теми же, как он предполагал, вопросами. Если же вдруг его посещало сомнение в этом товарищеском сопереживании, он, заподозрив собеседника в недолжной заинтересованности, любил обострять разговор прямым вопросом: «Ну ты хотя бы понимаешь, что происходит?!» Примерно так же, «с обострениями», В.М. играл в шахматы, и, я — свидетель, очень хорошо. Чего стоит только поразивший меня когда-то пассаж из уже упомянутой «межуевской» статьи о «российском пути»: «Старой России больше нет. Будет ли новая?.. После всех злоключений последнего столетия Россию как бы выбросило в открытый океан, где ей только еще предстоит определиться в координатах своего нового местонахождения. Пока же она плывет „без руля и без ветрил“, смутно осознавая цель своего движения»².

В.М. всю жизнь держался принципа: «культур много — цивилизация одна», и в этом мы с ним, конечно, расходились. Причиной расхождения был, разумеется, разный *background* — как «по времени», так и «по месту». Выпускник послевоенного философского факультета, мыслитель-профессионал до мозга костей, В.М. был знатоком тайн Универсального разума; я же, историк-востоковед по образованию, всегда тяготел к презумпции «культурного плюрализма». В истории человечества В.М. больше занимали обобщения и концепты, а уже во вторую очередь — подтверждающие их факты; меня — ровно наоборот. Но в главном мы с ним были едины: оба терпеть не могли, когда некто (будь то частный индивид или «общество в целом») прикрывал очевидную недо-

цивизованность, а то и откровенное варварство и хамство надуманными рассуждениями о «самобытности».

В артистической натуре В.М. таилась одна слабость: он любил забивать эффектные интеллектуальные «голы» и, при всем таланте к импровизации, не мог отказать себе в удовольствии в очередной раз (пусть даже в сотый) красиво выйти на стандартную, обустроенную и уже проверенную им «голевую позицию». Среди таких излюбленных им «стандартов» было, в частности, одно цивилизационное рассуждение, с которым я — и в текстах его, и в устных выступлениях — встречался многократно. В России, рассуждал В.М., еще не написана и вряд ли будет скоро написана книга (я, как сейчас, слышу этот, с хрипотцой, баритон, который одна восторженная слушательница назвала «национальным достоянием»), аналогичная классическим текстам по истории других стран, — как, например, «История цивилизации во Франции» Франсуа Гизо или «История цивилизации в Англии» Генри Бокля.

О чем это говорит? — веско вопрошал читателей/слушателей В.М., держал эффектную паузу, а потом наносил два убойных удара. Во-первых, говорил он, европейские авторы прекрасно понимали и понимают, что нет никаких отдельных «французской» или «английской» цивилизаций, а есть одна, универсальная *Цивилизация* (с большой буквы), которая может иметь некоторую локальную — ту же французскую или английскую — специфику. Отечественные же товарищи либо не понимают, либо боются признаться...

А во-вторых, добивал аудиторию В.М., отсутствие в России интегральных «цивилизационных» текстов наглядно

свидетельствует и еще об одной простой вещи — о том, что полнокровная «цивилизация» в России попросту *еще не состоялась*...

Эту свою заветную мысль В.М. варьировал и обтачивал постоянно. Вот, по-видимому, аутентичный и наиболее полный вариант — из статьи «Российская цивилизация: утопия или реальность?» (2000): «Вопреки мнению о том, что Россия уже сложилась как особая цивилизация, напрашивается другой вывод: она и по сей день находится в состоянии цивилизационного поиска, то есть поиска своего места в мировой истории.

Поиск этот далеко не закончен, о чем свидетельствует длящийся уже несколько столетий спор о том, чем является Россия — частью Запада или чем-то отличным от него»³.

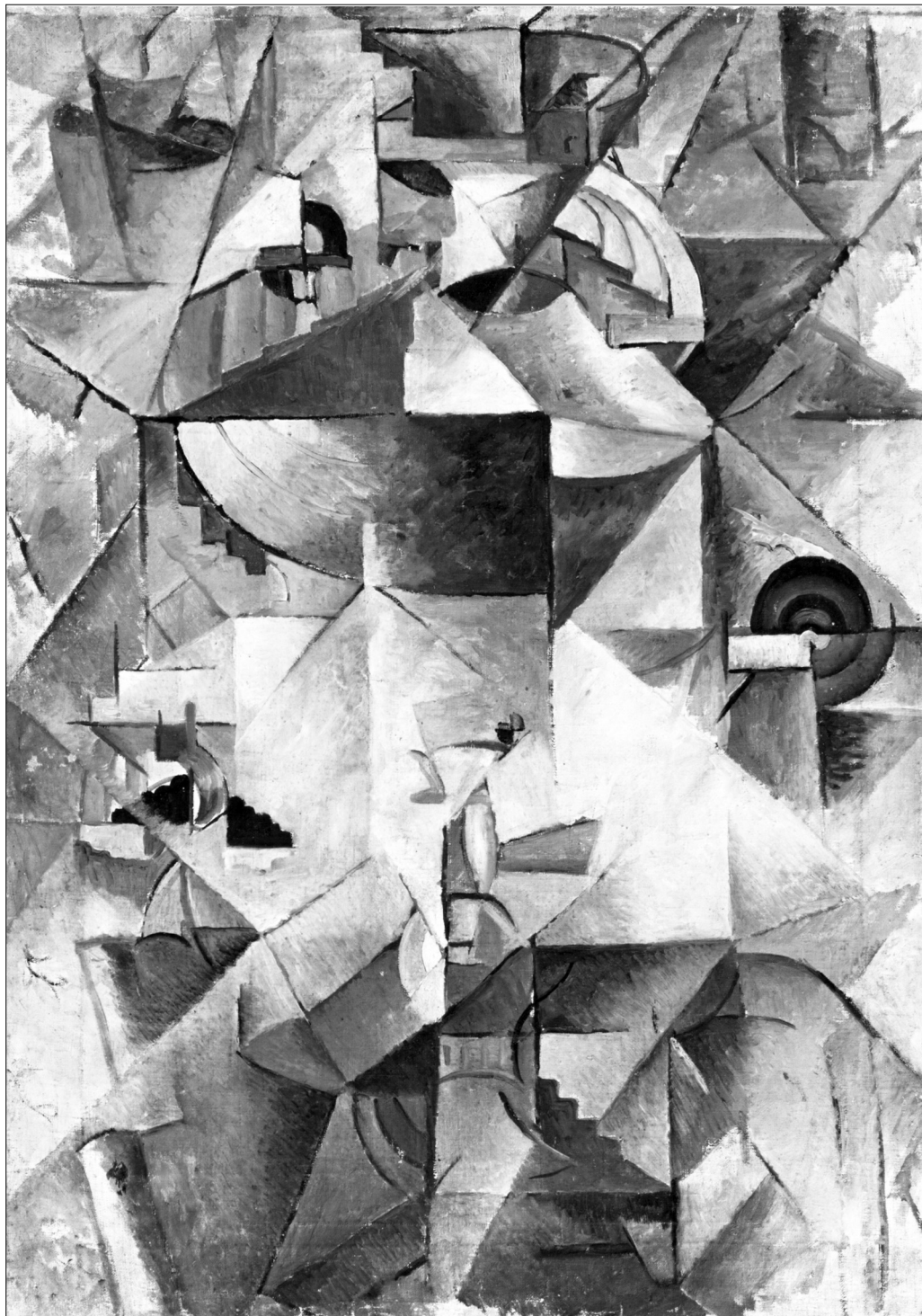
«На отсутствие окончательного решения, — продолжает В.М., — указывает и постоянно возрождающийся интерес к так называемой „русской идее“. Если Запад осознает себя как сложившуюся цивилизацию, то Россия — только как идею (разумеется, по-разному трактуемую), существующую более в голове, чем в реальности. Подобное направление мысли выходит на первый план там, где реальность находится еще в состоянии брожения, не отлилась в законченную форму, не застыла в своей цивилизационной определенности. И в нынешнем своем виде Россия представляет собой пример страны, не столько обретшей, наконец, свою цивилизационную идентичность, сколько в очередной раз осознавшей острую необходимость ее обретения»⁴.

Так вышло, что, несмотря на разницу в возрасте, мои первые и достаточно принципиальные цивилизационные тексты появились примерно в одно время с межуевскими. Он долго упорствовал в верности привычной стадияльно-прогрессивной логике, а я, напротив, был резко

Россия не укладывается целиком в научное ложе, созданное по мерке западного общества, не открываетя полностью принятым там методам анализа и стандартам научного объяснения. Что-то сохраняется в остатке, что затем ломает все расчеты и рушит все ожидания

вброшен в философию напрямую из востоковедения, откуда «цивилизационный подход», собственно, в России и пророс. Ведь наше так называемое россиеведение, в силу понятных причин, дольше всех держалось привычных формационных формул.

В 1994 году я защитил докторскую по теме *соотношения цивилизации и варварства в российской истории* (первую «цивилизационную» диссертацию в Институте философии) и вскоре издал ее в виде книги, получившей довольно широкую известность⁵. В.М. был тогда членом диссовета (под председательством незабвенного Ю.К. Плетникова); работу мою публично поддержал; голосовал, разумеется, за (он всегда, на любых защитах, даже сомнительных, голосовал исключительно за). Но я в те дни, помнится, по общему настроению В.М. понял, что в моей концепции цивилизационного развития России (о постоянной борьбе русской цивилизации с собственным же русским «варварст-

Казимир Малевич. Самовар. Ок. 1913

вом», о преимуществах цивилизационных фаз через катастрофы и т.д.) его многое смущало, если не сказать — раздражало. Мы с В.М. потом неоднократно вспоминали те времена в разных контекстах.

Вообще, наш В.М. — европоцентрист-гегельянец по складу ума и марксист-прогрессист по выучке, поначалу очень придирчиво относился к цивилизационному методу, небезосновательно подозревая в нем стремление закамуфлировать цивилизационные отставания (с их социальной архаикой и несвободой) — под некую «специфику исторической колее». Помню, он весьма скептически встретил на рубеже 1990-х годов известие о создании у нас в институте, на руинах отдела научного коммунизма, нового сектора философии российской истории с «высочайшим» (директора В.С. Степина) наказом мне и моей команде сосредоточиться на входившей тогда в моду проблематике «русской идеи»⁶.

Добавлю, что к этим «фобиям» В.М., порожденным исключительно заботой о чистоте науки, я всегда относился с полным пониманием. Тем более что лично меня, все-таки профессионального востоковеда, не понаслышке знавшего реальное многообразие незападных культур, трудно было заподозрить в конъюнктуре или демагогии.

Приведу аргументацию В.М. из его статьи «Цивилизационная идентичность России». «О „России как цивилизации“, — пишет В.М., — стали писать сравнительно недавно и явно под воздействием происшедших в ней перемен. Попытка характеризовать Россию — в лице СССР — в понятиях формационного членения истории, выведившая ее чуть ли не в авангард мирового развития

(„первая в мире страна победившего социализма“), оказалась несостоятельной ввиду очевидной ее отсталости по сравнению с развитыми странами Запада и Востока»⁷. (В своей горькой иронии В.М. был не одинок. Вот короткая выдержка из статьи другого моего покойного друга, А.С. Ахиезера, открывавшей первый номер «Вопросов философии» за 1993 год: «Историческое поражение нашего общества в борьбе за „идеалы социализма“ — свидетельство краха идеологии, заложенной в основу всей его жизнедеятельности. Ее падение разрушает иллюзию опоры на объективную картину социальной реальности. Кризис порождает соблазн наполнить образовавшуюся пустоту альтернативной идеологией...»⁸)

С другой стороны, продолжает В.М., «явная неудача проводимой экономической реформы (печаталось это, замечу, в 2005 году. — А.К.), задуманной по рецептам западной науки, наводит на мысль о том, что не все в этой науке адекватно срабатывает на российской почве. Россия как бы не укладывается целиком в научное ложе, созданное по мерке западного общества, не открывается полностью принятым там методам анализа и стандартам научного объяснения. Что-то сохраняется в остатке, что затем ломает все расчеты и рушит все ожидания»⁹.

Да, все мы когда-то вышли из марксизма — с большим или меньшим налетом «советизма». Было время, когда и меня тоже вполне устраивало «линейное» понимание истории, например феномена *модернизации* (ключевая тема для исследований стран третьего мира), как просто *переходности* от традиционалистского общества к современному. У такого подхода было немало эвристи-

ческих достоинств: в частности, «судьба России» (этой темой я стал серьезно интересоваться в очень ранней молодости) могла быть не без пользы для ума истолкована как печальный опыт постоянных модернизационных срывов, как своего рода *заблокированная переходность*. В этой логике гипертрофия государственного начала в русской истории оказывалась как бы компенсацией за архаичность, недоразвитость гражданских отношений. И наоборот: сам государственный деспотизм столь же обоснованно мог рассматриваться как главный фактор блокировки социокультурной модернизации.

Поэтому двоичная модель *традиция/современность* вовсе не столь примитивна, как может показаться некоторым ее критикам, — все эти выигрышные стороны стадияльно-формационного подхода наилучшим образом и использовал наш В.М.

Вполне доказано, например, что феномен сталинизма в России вовсе не обязательно сводить, по принципу *или-или*: либо к рецидиву «азиатчины» (то есть традиционности), либо же к вариации на тему «техногенной цивилизации» (то есть все-таки к *modernity*). Гораздо лучше сталинский тоталитаризм «ухватывается» именно концепцией *псевдомодернизации*¹⁰. В стадияльно-формационной парадигме, думаю, и сейчас еще можно плодотворно работать.

В какой-то момент, однако, я отказался от стадияльной логики и стал трактовать проблему модернизации в цивилизационном аспекте. В ряде своих ранних работ я предложил идею, что все человеческое развитие правильнее рассматривать не на стадияльной линейке (как бы изопренно ни наносить на нее формационные деления), а как своего

рода *цивилизационный веер*, развертывающийся в пространстве между «логически очищенными» (идеалтипическими) осями, которые я, за неимением лучшего, назвал *этноистско-общинной* и *индивидуально-собственнической*¹¹.

Я и сейчас уверен, что эта методология более адекватна исторической реальности, ибо исходит из того, что каждый цивилизационный «луч» равноправен в историческом смысле уже *по праву своего бытия*. Подобный взгляд позволяет увидеть и другое: существуют цивилизации, предрасположенные к модернизации, и есть другие, которые генетически запрограммированы на иной тип эволюции и в лучшем случае обречены на «догоняющее развитие», когда уже трудно разобраться, где заимствование, а где имитация¹².

Прошло, однако, еще какое-то время, и я, наконец, понял, что же меня не устраивает и в «стадияльной», и в «цивилизационной» версиях, и даже в моих первичных попытках их совмещения. Ведь все эти подходы способны более или менее удачно типологизировать лишь уже *случившуюся историю*, но к серьезной философии истории имеют косвенное отношение. Все дело в том, что выстраивание оппозиций «традиционность — современность» (в стадияльной логике) или, предположим, «Восток — Запад» (в логике цивилизационной) предлагает выбор из реальных состояний социального *бытия* и, таким образом, как бы предполагает, что историческое бытие нам в любом случае *гарантировано*. Вся же проблема, как мне представляется, состоит как раз в том, что так называемая переходность вовсе не гарантирует социального бытия как такового. Более того, именно эта *переходность* (или модер-

низация) ставит это социальное бытие под вопрос.

Сегодня я уверен: философия истории (в отличие от *просто истории*) должна исходить из презумпции, что *традиция* (в глубинном смысле) вовсе не противостоит *новации*, так же как одна цивилизация не противостоит другой цивилизации. Их радикальное противопоставление — лишь кажимость, абберация политизированного взгляда на историю, следствие идентификационных закономерностей самоопределения через конкретного Другого. На самом деле каждая социальность противостоит в первую очередь *своему собственному небытию*, тенденции к собственной энтропии, самоварваризации, социальному умиранию.

Таким образом, мой тезис состоит в следующем: проблема модернизации, прогресса, чаемой нами *цивилизационной преемственности* является фокусом глубинной экзистенциальной проблемы — проблемы «социальной смерти», и состоит не в том, *каким быть* (традиционным или современным, восточным или западным), а в том, *быть или не быть*¹³.

Невозможно отрицать, что именно в России, где цивилизационная преемственность осуществлялась через ряд катастроф, утрату цивилизационных достижений и начало всякий раз «с нуля», это переживание перспективы «небытия», «идентификационной смерти» особенно сильно. Мне давно представляется (и я неоднократно писал и говорил об этом), что именно тема «гибели», тема «Россия как Ничто» есть глубинное смысловое ядро, стержень всей русской философской и общественной мысли¹⁴.

Думаю, что в нашем товарищеском сближении с В.М. личные симпатии

счастливым образом подкрепились тем обстоятельством, что наши представления об истории и судьбе России, хотя и исходившие из разных методологий (у него — из линейно-прогрессивной; у меня — из веерно-цивилизационной), удачно совместились, органично «смонтировались».

Помню, что плодотворным полем для нашего интеллектуального сближения стала концепция «негативного (дурного) синтеза Востока и Запада», проще говоря, «*Азиопы*» (по выражению П. Милюкова), выдвинутая мной в ряде статей 1990-х годов и сведенная потом воедино в докторской диссертации, а затем и в отдельной книге¹⁵.

В.М., с неизменным интересом, переходящим иной раз в искренний интеллектуальный восторг, встречал каждую мою новую «находку» на сблизившую нас тему «России как негативного синтеза»: «Ни деятельного творчества, ни сонного затишья, а только — толчея» (Аксаков); «Китай в Европе» (Плеханов); «незрелый плод с одной стороны — и сгнивший с другой» (Розанов); «каменная чухонская деревня» (Мережковский)... Но безусловным «чемпионом» по складыванию парадоксальных цивилизационных пазлов на тему «Азиопы» мы всякий раз признавали любимого обоими Александра Герцена. Чего стоит только вот это: «Чингис-хан с пушками Круппа» (!). Или более развернутое: «Бесчеловечное, узкое безобразия немецкого рейтера и мелкая, подлая фигура немецкого бюралиста давно срослись у нас с широкими монгольскими скулами, с звериной безраскаянной жестокостью восточного раба и византийского евнуха...» (!!!)

...Однажды Николай Бердяев, знаток жизни и творчества Вл. Соловьева, за-

метил, что самые известные сочинения гениального философа не столько *раскрывают*, сколько *прикрывают* «иррациональные тайны души» Соловьева¹⁶. Бердяев тогда посоветовал читателям искать «настоящего Соловьева» не в крупных его трудах, а «в отдельных строках и между строк, в отдельных стихах и небольших статьях»¹⁷.

Я вот тоже подумал, что «настоящего» и «лучшего Межуева» надо, во-первых, непременно, — *искать!* (Так мы, совсем недавно, небольшой группой философов, «разыскивали Тинторетто» по бесчисленным венецианским церквям — одно из лучших моих допандемических воспоминаний!)

Я в самом деле очень советую (молодежи в первую очередь) — разыскать и внимательно прочесть то, что, например, написал В.М. для энциклопедии «Теоретическая культурология» (2005). Дело в том, что В.М., как любой высококлассный «мастер» (наука ведь еще и кормящее нас ремесло), нередко, чего греха таить, работал «на заказ». И, как всякий ремесленник высшего разряда, отлично знал: «что, кому и почему»... Для опытного взгляда нетрудно определить, что тексты, отосланные В.М. в ту самую энциклопедию, ставшую сегодня классикой, — это *вещицы* (иногда совсем миниатюрные) особо тщательной и изысканной выделки. Еще бы: в «философской артели», рядом с В.М., работали тогда такие мастера, как Ахутин, Келле, Михайлов, Неретина, Огурцов!

...Где-то на рубеже 2009–2010 годов лучшая из учениц В.М., профессор ВШЭ О.А. Жукова, сама с тех пор ставшая «классиком» философии культуры¹⁸, сказала мне, что, по ее ощущениям, «цивилизационная составляю-

щая» в идеях нашего В.М. в самое ближайшее время резко усилится и обогатится. Это была, конечно, интуитивная догадка, но так оно и случилось.

В середине 2010 года фонд «Либеральная миссия» организовал плотную серию научно-экспертных семинаров «Куда ведет кризис культуры?», которые прошли в узком кругу при виртуозном модерировании И.М. Клямкина. Мне тогда довелось в течение нескольких месяцев регулярно наблюдать В.М. «в полном боевом снаряжении», а несколько раз — и в открытом интеллектуальном «бою». Приведу лишь два примера, учитывая, что подробные стенограммы тех уникальных «мозговых штурмов» опубликованы¹⁹.

На заседании 15 сентября 2010 года известный культуролог А.А. Пелипенко выступил с проблемным докладом «„Русская система“ в культурном измерении»²⁰, вызвавшим оживленную дискуссию. Одним из наиболее горячо обсуждаемых вопросов был такой: «Кого можно назвать *человеком культуры?*»

Получив слово, В.М. произнес тогда блестящий спич (сверяюсь по стенограмме): «Людей, преодолевающих инерцию уже существующего, я и называю людьми культуры. Открытие феномена культуры состояло вовсе не в открытии того, что человек мыслит, обладает речью, верит в богов, способен создавать произведения искусства или полезные для себя вещи. Об этом знали задолго до того, как впервые заговорили о культуре. Культуру открыли гуманисты эпохи Возрождения, осознав, что человек — результат не просто природного или божественного, но и собственного творения. Иными словами, человек — не животное и не

ангел, но существо, наделенное свободой воли, позволяющей ему по собственному выбору либо опуститься до уровня животного, оскотиниться, либо вознестись на ангельскую высоту, стать святым. Культура и есть сфера человеческой свободы, отличная от сферы как природной необходимости, так и божественного предопределения. Она есть «царство человека», где все существует в силу человеческой свободы, а человек является единственным субъектом. Культура и очерчивает собой существование человека в качестве такого

субъекта или свободного существа. Мера свободы, доступная человеку, и есть мера его культуры. Все, что существует в силу природной необходимости или божественного предписания, культурой не является»²¹.

В этом самом месте один из участников семинара (не буду называть имени), не выдержав, воскликнул: «Но божественное, я прошу прощения, это тоже часть культуры!»²² На что тут же получил от В.М. не слишком политкорректную отповедь: «Это только для вас так — для атеистов, а для верующих культура — такое же создание Бога, как и все остальное. Атеисты считают, что религия — часть культуры, а Бог — чисто культурный символ. Для верующих Бог — самая что ни на есть реальность, а культура целиком подвластна Богу»²³. Аудитория, вспоминая, несколько опешила: В.М. разъясняет атеистам существо религии!

А вот другой эпизод. 29 ноября 2010 года с основным докладом в «Либеральной миссии» выступил уже сам

В.М., на тему: «Русская идея и универсальная цивилизация»²⁴. В состоявшемся после доклада обсуждении известный философ и культуролог И.Г. Яковенко, друг и соавтор покойного А.С. Ахиезера, слегка укорил докладчика в том, что тот, называющий

Вы мечтаете о жизни в европейском обществе, считая его для себя нормой, а европейская культура в лице своих поэтов, писателей и мыслителей предельно к этой норме критична, полагая ее далеко отстоящей от подлинной свободы и справедливости

себя «европейцем», в своем докладе о «русской идее» фактически воспроизвел «славянофильскую карикатуру на Запад»²⁵.

На этот, действительно серьезный, «укол», В.М. отреагировал немедленно — и столь же принципиально: «Тот Запад, который нравится мне, вряд ли понравится вам: он самокритичен и лишен всякого самодовольства. Отсутствие самокритики в глазах такого Запада — проявление самой дикой азиатчины... Вы мечтаете о жизни в европейском обществе, считая его для себя нормой, а европейская культура в лице своих поэтов, писателей и мыслителей предельно к этой норме критична, полагая ее далеко отстоящей от подлинной свободы и справедливости. Вот с такой Европой, критичной по отношению к себе, русские интеллектуалы и хотели иметь дело. Европа была ценна для них своей устремленностью в будущее, своей постоянной неудовлетворенностью прошлым и настоящим... Постоянная неудовлетворенность со-

бой, критика наличного бытия — вот что характеризует человека европейской культуры. А вы — европеец лишь до тех пор, пока критикуете российскую действительность. И вы перестаете им быть, когда возводите современную Европу в абсолютную норму»²⁶.

И еще я не могу не вспомнить о наших с В.М. постоянных «боданиях» на темы текущей политики. В.М. как гуманист и верный апологет «единой всечеловеческой цивилизации» с большим пиететом относился к М.С. Горбачеву — говорят, они даже дружили. Я же, повторюсь, признавал и признаю в истории не только наличие «локальных цивилизаций», но — как неизбежное следствие этого — их «конфликты» и «столкновения».

Я хорошо знаю, что любая «цивилизация» формируется (конструируется) за счет «самоидентификации через Другого». Православная цивилизация на Руси сформировалась за счет жесткого оппонирования как западному латинству, так и восточному исламизму. Пришедшая ей на смену «советская цивилизация» безжалостно затоптала все иные религиозно-конфессиональные альтернативы и до самого прихода реформатора-Горбачева поддерживала свою цивилизационную идентичность за счет парадигмального противостояния «империалистическому Западу».

«Перестройка» сломала «западную стену» — В.М. считал это выдающейся заслугой Горбачева. Я же, как исследователь, не мог ограничиться «гражданской солидарностью» и шел в своих рассуждениях дальше, не раз выслушивая от В.М. упреки в «неблагодарности»... Но ведь это — абсолютно другое. Признавая наличие «локальных цивилизаций», я считал и считаю объективной реальностью, что любая «разгерметизация» (а тем более «одностороннее разоружение») локальной цивилизации перед лицом «всемирного человечества» — для нее губительно. Максимально деликатно указывая В.М. на риски «всечеловечности» Горбачева, я пытался доказать ему, что я столь же принципиально критичен по отношению к любым другим *всечеловекам*, которые, например, продолжая по инерции «советское» оппонирование Западу, полностью распахнули свои сердца перед амбициями с Востока. А ведь за окном, как верно замечено, уже не биполярный, а многополярный мир... И потенциальные угрозы от набирающих силу китайской или исламской цивилизаций сегодня на порядок серьезнее. Поэтому знаменитый вопрос либерала-государственника Павла Милокова «Это глупость — или измена?» поздно адресовать Горбачеву...

Вот в этой точке наших с В.М. «диалогов о современности» мы обычно снова сходились. И наша дружба с ним, выдержав очередное испытание, продолжалась и крепла... Он искренне любил и защищал Европу — а я хорошо знал Восток, не требующий моей защиты... Конечно, Вадима Михайловича Межуева очень не хватает — и в секторе, где висит его большой портрет, и в институте, и в жизни в целом. Но я наблюдаю и в характерах, и в научных повадках многих моих коллег отчетливые следы благотворного влияния В.М. Горько, конечно, сознавать, что эта человеческая, душевная, научная эстафета — это *преemptивность через катастрофу*, катастрофу утраты близкого человека.

Очень русская тема...

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Межуев В.М.* Российский путь цивилизационного развития // Межуев В.М. Между прошлым и будущим. Избранная социально-философская публицистика. М., 1996. С. 128–150. В этой же серии со своими подборками «избранной публицистики» выступили А.А. Гусейнов, А.А. Кара-Мурза, А.С. Панарин, Л.В. Поляков и В.С. Степин.
- 2 *Межуев В.М.* Российский путь цивилизационного развития. С. 128.
- 3 *Межуев В.М.* Российская цивилизация: утопия или реальность? // Россия XXI. 2000. № 1. С. 5.
- 4 Там же. См. также: *Межуев В.М.* О национальной идее // Вопросы философии. 1997. № 2. С. 3–15; *Межуев В.М.* Россия в диалоге с Европой: генезис взглядов на становление российской цивилизационной идентичности // Социология власти. 2007. № 1. С. 5–34.
- 5 *Кара-Мурза А.А.* Новое варварство как проблема российской цивилизации. М.: ИФ РАН, 1995.
- 6 См.: Философия «русской идеи»: Россия и Европа (участники «круглого стола»: А.А. Кара-Мурза, Н.В. Любомирова, В.С. Малахов, В.П. Перевалов, Л.В. Поляков) // Общественные науки и современность. 1991. № 5. С. 143–154.
- 7 *Межуев В.М.* Цивилизационная идентичность России // Теоретическая культурология. М.: Академический проект, 2005. С. 196.
- 8 *Ахиезер А.С.* Россия как большое общество // Вопросы философии. 1993. № 1. С. 3.
- 9 *Межуев В.М.* Цивилизационная идентичность России. С. 196–197.
- 10 См.: Тоталитаризм как исторический феномен / Ред. А.А. Кара-Мурза, А.К. Воскресенский. М.: ФО СССР, 1989.
- 11 *Кара-Мурза А.А.* Общее и особенное в цивилизационно-формационном развитии человечества (проблемы методологии) // Цивилизация: теория, история и современность. М., 1989. С. 105–118.
- 12 *Кара-Мурза А.А.* Непродуктивная индивидуальность и продуктивная корпоративность // Народы Азии и Африки. 1990. № 4. С. 72–77.
- 13 См.: *Кара-Мурза А.А.* Свобода и порядок. Из истории русской политической мысли XIX–XX вв. М.: МШПИ, 2009.
- 14 Из недавних обобщающих работ на эту тему см.: *Кара-Мурза А.А.* Проблема «саморазрушения цивилизации» в работах мыслителей русского Серебряного века // Россия в архитектуре глобального мира: цивилизационное измерение / Ред. А.В. Смирнов. М., 2015. С. 113–166.
- 15 *Кара-Мурза А.А.* Между Евразией и Азией. М.: Аргус, 1995.
- 16 *Бердяев Н.* Проблема Востока и Запада в религиозном сознании Вл. Соловьева // Книга о Владимире Соловьеве. М., 1991. С. 355.
- 17 Там же.
- 18 Из последних фундаментальных работ см.: *Жукова О.А.* Философия русской культуры. Метафизическая перспектива человека и истории. М.: Согласие, 2017; *Жукова О.А.* Опыт о русской культуре. Философия истории, литературы и искусства. М.: Согласие, 2019.
- 19 Куда ведет кризис культуры? Опыт междисциплинарных диалогов / Ред. И.М. Клямкин. М.: Новое издательство, 2011.
- 20 *Пелипенко А.А.* «Русская идея» в культурном измерении // Куда ведет кризис культуры? С. 57–69.
- 21 Куда ведет кризис культуры? С. 86.
- 22 Там же.
- 23 Там же.
- 24 Там же. С. 460.
- 25 Там же.
- 26 Там же.

В конце 2020 года в издательстве «Новое литературное обозрение» в серии «Библиотека журнала „Неприкосновенный запас“» вышла книга Н.В. Эппле «Неудобное прошлое. Память о государственных преступлениях в России и других странах».

Память о преступлениях, пишет автор, в которых виноваты не внешние силы, а твое собственное государство, вовсе не случайно принято именовать памятью о «трудном прошлом». Признавать собственную ответственность, не перекладывая ее на внешних или внутренних врагов, время и обстоятельства, — невероятно трудно и психологически, и политически, и юридически. Книга посвящена сравнению отечественной проработки прошлого с опытом других стран — Германии, Аргентины, Польши, ЮАР, Японии — в целях наметить общие принципы такой работы для успешного изживания коллективной травмы и достижения гражданского мира в России.

С любезного разрешения издательства и автора публикуем главу из книги.

Николай Эппле,
филолог, переводчик,
журналист

Примирение сверху: равновесие без вины и ответственности

В 2007 году мало что в официальной риторике напоминало о том, что это был 90-й после Октябрьской революции и 70-й с начала Большого террора. У власти явно не было отчетливого представления, какие сигналы следует посылать обществу в связи с этими датами, внятного нарратива памяти о 1917-м и 1937-м не существовало. Октябрьская революция неявно и глухо ассоциировалась для власти с событиями скорее трагическими, с разрывом преемственности с имперской Россией и в целом была для нее неудобна, напоминая о периоде слабости царского политического режима, о распаде государства, о междоусобицах и распрях. Большой террор тоже упоминался политическими лидерами как событие трагическое, но дальнейших его оценок власти старались избегать.

30 октября 2007 года, в День памяти жертв политических репрессий, Путин вместе с патриархом Алексием II посетили созданный при участии РПЦ мемориал на расстрельном полигоне в Бутово. Официальная речь была заменена «подходом к прессе», активный «меседж» — реактивным подобием «экспромта». С учетом сказанного о памяти новомучеников представляется совсем не случайным, что для такого высказывания было выбрано именно Бутово. Не имея собственного внятного языка описания Большого террора, государство пред-

почло «примкнуть» к инфраструктуре памяти о терроре, разработанной церковью. Этот «экспромт» оказался самым отчетливым осуждением государственного террора, когда-либо звучавшим из уст Владимира Путина: «Мы собрались действительно для того, чтобы почтить память жертв политических репрессий 30–50-х годов прошлого века. Но все мы хорошо знаем, что 1937 год считается пиком репрессий, но он (этот 1937 год) был хорошо подготовлен предыдущими годами жестокости. Достаточно вспомнить расстрелы заложников во время Гражданской войны, уничтожение целых сословий, духовенства, раскулачивание крестьянства, уничтожение казачества. Такие трагедии повторялись в истории человечества не однажды. И всегда это случалось тогда, когда привлекательные на первый взгляд, но пустые на поверку идеалы ставились выше основной ценности — ценности человеческой жизни, выше прав и свобод человека. Для нашей страны это особая трагедия. Потому что масштаб колоссальный. Ведь уничтожены были, сосланы в лагеря, расстреляны, замучены сотни тысяч, миллионы человек. Причем это, как правило, люди со своим собственным мнением. Это люди, которые не боялись его высказывать. Это наиболее эффективные люди. Это цвет нации. И, конечно, мы долгие годы до сих пор ощущаем эту трагедию на себе. Много нужно сделать для того, чтобы это никогда не забывалось. Для того чтобы мы всегда помнили об этой трагедии. Но эта память нужна не сама по себе. Эта память нужна для того, чтобы мы понимали: для развития страны, для выбора наиболее эффективных путей решения проблем, перед которыми стоит страна сегодня, будет стоять в будущем, конечно, нужны политические споры и баталии, нужна борьба мнений; но для того, чтобы этот процесс был не разрушительным, для того, чтобы он был созидательным — эти споры, эта политическая борьба не должны проходить вне рамок культурного, образовательного пространства. И, храня память о трагедиях прошлого, мы должны опираться на все самое лучшее, что есть у нашего народа. И мы должны объединять свои усилия для развития страны. У нас для этого все есть»¹.

Спустя десять лет отсутствовавший прежде нарратив появился. Уже за несколько лет до столетия революции и 80-летия Большого террора те, кто формировал или хотел бы формировать государственную идеологию, заговорили о грядущей годовщине как о важной исторической вехе, которой надлежит стать символом примирения и подведения черты под прошлым.

Модель Владимира Мединского

Наиболее заметным сторонником такого примирения выступал профессиональный пиарщик и идеолог-пропагандист, а с 2012 года министр культуры Владимир Мединский. В программной лекции «Мифы

о революции и гражданской войне», прочитанной в МГИМО в ноябре 2015-го, он говорит о приближающемся столетии революции 1917 года в связи с темой примирения². Остается, впрочем, не ясным, кто именно видится лектору субъектами примирения. Ведь речь у него идет о сторонах противостояния в годы Гражданской войны. Упоминание современности проскальзывает только в одной фразе и маркируется как нечто надуманное, не имеющее отношения к реальному примирению: «Если уж мы говорим о примирении сторон, прежде всего, речь идет о примирении в наших головах. Трудность вопроса определяется сегодня трактовками, которые диктуются *современным идеологическим противостоянием* (курсив мой. — Н.Э.). К реальной истории страны эти спекуляции имеют крайне отдаленное отношение»³.

Такая бессубъектность неслучайна. Вывод, к которому приходит Мединский в своей лекции, состоит в том, что подлинное примирение уже состоялось, и случилось это в момент триумфа 1945 года:

«Единое Российское государство стало называться СССР и осталось почти в тех же границах. А спустя 30 лет после гибели Российской империи совершенно неожиданно Россия оказалась на вершине своего военного триумфа в 1945 году. Таким образом, в Гражданской войне в результате победила третья сила, которая в этой войне не участвовала. Победила историческая Россия, которая возродилась из пепла!»

Модель примирения, предлагаемая Мединским, примечательным образом выключена из настоящего, это историко-политическое конструирование. Механически присоединяя концепт победы в Великой Отечественной как высшей точки развития «советского проекта» с концептом «исторической России», представляющим собой некое «наименьшее общее кратное» всех эпох российской государственности, Мединский приходит к бесконфликтному выводу о победе в Гражданской войне «третьей силы».

Представление о победе в Великой Отечественной как новом учредительном мифе Российского государства звучит уже в 2007 году. Так, для историка Натальи Нарочницкой революция «была сознательным чудовищным погромом русской государственности „до основания“». Но «дух Мая 1945-го <...> в значительной мере обезвредил разрушительный и антирусский пафос ниспровержения. Великая Отечественная война востребовала национальное чувство, подорванное „пролетарским интернационализмом“, и восстановила, казалось бы, навек разорванную нить русской и советской истории»⁴.

Если разделение, трактуемое именно как разделение 1917 года, преодолено в 1945-м, то вопрос примирения, тем более примирения сегодняшнего общества, оказывается чисто символическим, легко разрешаемым при помощи установления соответствующего памятника, например памятника примирению белых и красных в Крыму. Так понимаемое примирение крайне удобно для российских властей по нескольким причинам.

Во-первых, оно крайне выгодным для государства образом подменяет причину следствием: оказывается, что это революция спровоцировала раскол общества, а не власть Российской империи довела страну до раскола, на котором затем удачно и цинично сыграли большевики в борьбе за власть. Во-вторых, оно позволяет уйти от разговора о государственном терроре, развернувшемся в полную силу уже после Гражданской войны.

В-третьих, даже в случае примирения красных и белых желаемое выдается за действительное. Колоритнее всего разница между мнимым и реальным примирением выглядит на примере памятника в Крыму, установить который задумало Российское военно-историческое общество, посвятив его исходу русской армии во главе с Петром Врангелем в ноябре 1920 года. В неприятии памятника примирению неожиданно оказались единодушны и коммунисты, и сторонники Белого движения. Первые увидели в нем оскорбление ветеранов и «плевок в сева-стопольцев»: члены движения «Суть времени» вышли на митинг с лозунгами «Нет Покаянию! За исторический выбор русского народа» и «Великая Победа объединяет, „примирение“ разобщает». Вторые назвали оскорбительными попытки говорить о примирении, не осудив преступления большевиков, чьи имена до сих пор носят улицы Севастополя⁵.

Модель Тихона Шевкунова

Более грамотной и удачной с политтехнологической точки зрения выглядит модель примирения, предложенная другим опытным и талантливым пиарщиком, епископом РПЦ Тихоном (Шевкуновым). 4 ноября 2015 года, в день между светским Днем народного единства и церковным праздником Казанской иконы Божьей Матери, в Манеже была открыта выставка «Моя история. XX век. 1914–1945. От великих потрясений к Великой Победе». Ее идеологом стал на тот момент епископ, а ныне митрополит Тихон (Шевкунов).

Его личность заслуживает отдельного внимания. Сретенский монастырь, наместником которого он был в 1996–2018 годах, за эти годы стал важным церковно-политическим образованием. При нем работает одно из самых крупных в России православных издательств и сайт «Православие.ru», один из наиболее посещаемых религиозных ресурсов рунета. В 2008 году Шевкунов выпускает «публицистический фильм» «Гибель империи. Византийский урок», декларирующий на основе параллелей между византийской и российской историей необходимость сильного государства для выживания современной России. В 2011-м выходит сборник рассказов Шевкунова «Несвятые святые», который журналист и религиовед Сергей Чапнин назвал

Чарльз Демут. Крыши и шпиль. 1921

«идеологически выверенными сказками с правильной моралью»⁶. Эта книга стала самым успешно продающимся религиозным изданием в России последних лет (суммарный тираж на начало 2019 года 3 млн экземпляров).

Выставка в Манеже стала третьим проектом серии «Моя история», организованной по инициативе Патриаршего совета по культуре и при поддержке правительства Москвы и Фонда гуманитарных проектов⁷. Ей предшествовали выставки «Романовы» (2013) и «Рюриковичи» (2014). На выставке, посвященной XX веку, была представлена своеобразная «формула согласия», модель примирения памяти о XX веке. В истории России и СССР, говорит она, были и «трагедии» (Гражданская война, революции, сталинские репрессии), и «успехи» (индустриализация, подъем экономики, победа в Великой Отечественной войне). Авторы экспозиции подчеркивают, что не выносят оценок. Их подход намеренно нейтрален: рассказать и о трагедиях, и об успехах. И эта нейтральность — важнейшая новация выставки. Главная кровоточащая рана советской истории, ГУЛАГ, деятельного осуждения которого не произошло, оказывается лишь одним из череды «испытаний» и вписывается в ряд «противоречивых» явлений вроде красного и белого террора.

Следствием такого настойчивого нейтралитета оказывается, во-первых, нормализация советского террора, а во-вторых — сквозящая в экспозиции концепция уравнивания испытаний успехами. Именно об этом на открытии выставки сказал патриарх Кирилл, и именно в его устах, председателя церкви, страшно пострадавшей от большевистского насилия, виднее всего искусственность этого «нейтралитета» и «уравнивания»:

«Выставка посвящена трудным страницам нашей истории. Все мы знаем, что послереволюционное время было временем хаоса, столкновения классовых, социальных, политических, экономических интересов, попыток разрушить страну; было пролито много крови, миллионы были изгнаны из пределов нашего Отечества. Мы знаем, что непростыми были и 30-е годы — много крови, много несправедливости, и все это никогда не должно уйти из нашей памяти, как нельзя минимизировать эти страдания. Но ведь не было бы современной России, если бы не было подвига предшествующих поколений, которые в 20-е и 30-е годы не просто пахали землю — хотя и это очень важно, — но создавали промышленность, науку, оборонную мощь страны. *Успехи того или иного государственного руководителя, который стоял у истоков возрождения и модернизации страны, нельзя подвергать сомнению, даже если этот руководитель отличился злодействами* (курсив мой. — Н.Э.). Там, где проявлялись воля, сила, интеллект, политическая решимость, — мы говорим: „да, несомненные успехи“, как и в случае с победой в Великой Отечественной войне. А там, где были

кровь, несправедливость, страдания, мы говорим, что это неприемлемо для нас, людей XXI века. Мы отдаем исторические персонажи на суд Божий. Но никогда отрицательные стороны не должны давать права исключать все то положительное, что было сделано. Как и наоборот, то положительное, что было сделано теми или иными людьми, не должно исключать критического отношения к преступлениям, которые были совершены ими же»⁸.

Концепция уравнивания преступлений успехами — крайне удачная для современной российской власти модель. В ситуации, когда невозможно как молчать о советском терроре, так и деятельно и реально его осуждать, уравнивание преступлений успехами позволяет законсервировать потенциально взрывоопасный конфликт. Тем самым вопрос об ответственности за преступления, об осуждении их и их виновников, осмыслении всех связанных с ними практик просто снимается: точнее, от него уходят.

Представленный организаторами выставки «уравнивающий подход» был стремительно взят на вооружение государством. В декабре 2015 года в одном из павильонов ВДНХ был открыт постоянно действующий исторический парк «Россия — моя история», объединивший экспозиции трех выставок в Манеже. Тогда же появилась идея расширить этот опыт на всю Россию, открыв в регионах 25 подобных выставок и, по возможности, приурочив это к столетию Октябрьской революции. В 2017 году постоянные выставки «Россия — моя история» открылись в Уфе, Екатеринбурге, Ставрополе, Волгограде, Перми, Якутске, Махачкале, Казани, Тюмени, Нижнем Новгороде, Южно-Сахалинске, Самаре, Новосибирске, Омске и Санкт-Петербурге, в 2018 году — в Саратове и Ростове-на-Дону, в 2019-м — в Челябинске и Сургуте.

Модели Мединского и Шевкунова, сведение разговора о трагическом прошлом XX века к давно преодоленному конфликту «красных» и «белых» и стремление «законсервировать» опасный разговор, уравнивая преступления государства его успехами, роднит уход от темы ответственности. В полной мере этот подход дает о себе знать в год 100-летия революции и 80-летия Большого террора, когда тема примирения выходит в официальной риторике на первый план.

Призрак примирения

Еще один проект Тихона Шевкунова — возведение на территории Сретенского монастыря монументального Храма новомучеников и исповедников российских на Лубянке. Он располагается там, где в советские годы было общежитие сотрудников НКВД. Храм был освящен 25 мая 2017 года патриархом Кириллом в присутствии Владимира

Путина, назвавшего это событие значимым для всего российского общества. Ведь храм, посвященный памяти пострадавших в годы репрессий, «олицетворяет примирение»:

«Глубоко символично, что новый храм открывается в год 100-летия Февральской и Октябрьской революций, ставших отправной точкой для очень многих из тех тяжелейших испытаний, через которые пришлось пройти нашей стране в XX веке.

Мы должны помнить и светлые, и трагические страницы истории, учиться воспринимать ее целиком, объективно, ничего не замалчивая. Только так возможно в полной мере понять и осмыслить уроки, которые нам преподносит прошлое»⁹.

*В ситуации, когда невозможно
как молчать о советском террофе,
так и деятельно и реально его осуждать,
уравновешивание преступлений успехами
позволяет законсервировать
потенциально взрывоопасный конфликт*

Как обычно в таких случаях, не уточняется, кто, с кем и по какому поводу примиряется. Из контекста понятно, что речь идет о примирении тех, кто принял октябрьскую революцию, и тех, кто ее не принял. То есть снова о «белых» и «красных». Анализируя это событие, Максим Трудолюбов обращает внимание на комфортность такого концепта примирения для сегодняшней российской власти:

«Из всех разделений российского общества — проявленных и непроявленных — это, наверное, самое комфортное для российской элиты, особенно той, которая склонна тихонько считать себя аристократией. Времени прошло удобно много, свидетелей не осталось — осталась давняя, почти абстрактная история. Объявленное «примирение» оказывается чем-то больше похожим на дополнительную легитимацию нынешней власти. Нынешнее государство, у которого родовые травмы и моральные проблемы связаны и с происхождением, и с советским ограблением российского наследства, и с постсоветским ограблением советского наследства, получает таким образом крайне дефицитную нематериальную поддержку (с материальной поддержкой у него и так все хорошо).

Сложность, конечно, в том, что конфликт красных и белых не единственный и не главный для российского общества. Тот конфликт, который в отличие от красно-белого жив до сих пор, нуждается хотя бы в том, чтобы его проговорить. Этот конфликт жив, потому что каждый день люди становятся жертвами системы, предпочитающей самовольно писать себе законы и отчитываться в их исполнении или неисполнении только перед собой. В его основе лежит и наследие российского имперского государства, и институты, заложенные сталинским государством, которое убивало своих граждан в годы существования СССР.

Конфликт между элитой, ставящей себя выше закона, и обществом, которому элита диктует закон, не преодолен. Наследники сталинского государства, включая и священноначалие нынешней Русской православной церкви, строящие храм в честь воображаемого примирения, всех нас обманывают»¹⁰.

Такая трактовка примирения — вполне логичное развитие «доктрины тотальной преемственности» 2000-х, позволяющее выглядеть патриотами, а то и аристократами, и близким к власти идеологам вроде Никиты Михалкова, и гордо чтущим преемственность по отношению к ЧК — НКВД — КГБ «новым дворянам» из силовых структур¹¹.

30 октября 2017 года на проспекте Сахарова в Москве Владимир Путин открыл Мемориал памяти жертв политических репрессий. С учетом того, что открытие государством такого мемориала было частью реализации программы «Об увековечении памяти жертв политических репрессий», что на нем присутствовали правозащитники, руководство Государственного музея истории ГУЛАГа и вдова Александра Солженицына, это могло выглядеть как предпочтение государством позиции «либерально-демократической общественности». Однако если прислушаться к произнесенным в связи с открытием мемориала речам и приглядеться к общему контексту госполитики памяти, приходится делать прямо противоположные выводы.

В выступлении на заседании Совета по правам человека накануне Дня памяти жертв политических репрессий Владимир Путин предложил воспринимать открытие Стены скорби в годовщину революции (о годовщине Большого террора сказано не было) как «подведение черты под драматическими событиями, которые разделили страну и народ», как «символ преодоления этого раскола и взаимного прощения» и «принятие отечественной истории такой, какая она есть»¹². Концепт подведения черты под трудным прошлым, прощение и принятие — действительно, важные элементы политики его проработки, но только при условии принятия ответственности за преступления прошлого. В противном случае это не более чем техники отгораживания от него, только отодвигающие решение проблемы. В данном случае разговор об ответственности как раз последовательно вытесняется.

Отчетливой иллюстрацией того, как «примирительно-всеохватывающий подход» оборачивается пронзительным «умолчанием о проблемах и ответственности», было слово патриарха Кирилла на открытии Стены скорби. Патриарх неоднократно упоминал «трагические события» и даже «террор», но по сложившейся традиции не конкретизировал, что имеется в виду. Впрочем, далее по тексту выясняется, что речь идет не об уничтожении государством собственных граждан, не о возведенном в систему попрания права и человеческого достоин-

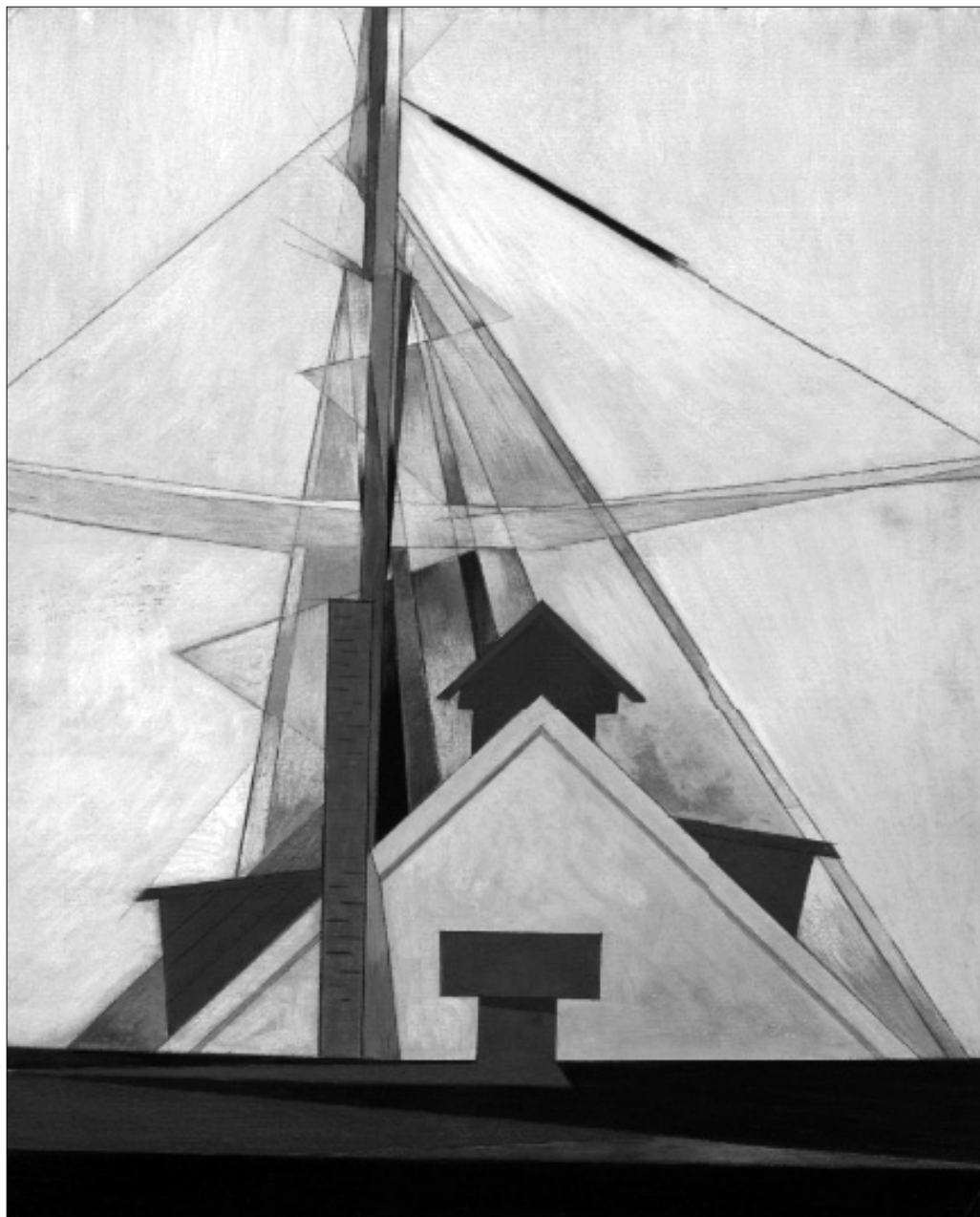
ства, а о ситуации, когда «жители одной страны, соседи и сослуживцы преследовали и убивали друг друга»¹³.

К «крови и беззаконию», по мнению председателя РПЦ, привела «грандиозная идея построить мир свободным и справедливым». «В чем была ошибка? — вопрошает патриарх. — *Не в том ли, что люди стремились построить гуманное и справедливое общество* (курсив мой. — Н.Э.), отвергнув духовные основы человеческой жизни и поставив нравственность в положение, подчиненное идеологии, что привело к оправданию несправедливости и к жестокости на пути построения „светлого будущего“?»

Урок, который председатель РПЦ предлагает извлечь из произошедшего, состоит в том, что «никакого светлого будущего не будет, если вновь в стремлении к таковому будущему уже под влиянием новых идеологий станет разрушаться нравственная и духовная основа человеческого бытия». В заключение речи традиционно прозвучал абстрактный примирительный мотив: «Трагические страницы нашего прошлого не должны быть поводом для разжигания ненависти и усиления напряженности, а осуждение террора не должно из нравственного акта превращаться в политический ритуал». Примечательно, что первоиерарх церкви, в основании этического учения которой лежит призыв к покаянию и обличению греха, ни слова не говорит в этой чрезвычайно важной для его паствы речи ни о том ни о другом.

Но еще более красноречив общественно-политический контекст, в котором происходило открытие мемориала. В 2017 году доля россиян, положительно относящихся к Сталину, достигла максимума за все время наблюдений: 46%. Как уже было сказано, эти оценки напрямую связаны с пониманием гражданами трендов государственной политики. К моменту открытия Стены скорби общество «Мемориал», наиболее известная и авторитетная в России и за ее пределами структура, изучающая и сохраняющая историю советского государственного террора, была объявлена «иностранным агентом». В Карелии уже год ожидал в СИЗО приговора по политически инспирированным обвинениям историк Юрий Дмитриев, обнаруживший одно из крупнейших захоронений советского террора. Число уголовных и административных дел против инакомыслящих стабильно росло, ужесточалось законодательство, ограничивающее свободу слова, вероисповедания и политический протест.

К концу 2010-х годов российская государственная политика памяти о советском терроре — главным символическим событием которой стал запуск «франшизы» «Россия — моя история» и открытие Стены скорби в Москве — представляет собой стремление законсервировать крайне токсичную и опасную для государства тему символического и институционального осуждения этого террора, используя внутреннюю логику уравнивания преступлений успехами и риторiku «примирения» без обращения к теме ответственности.

Чарльз Демут. Мачты. 1919

Примирение снизу: возвращение имен

Одновременно с увеличением числа апелляций к Сталину в окологосударственной риторике с начала 2010-х в обществе нарастает число инициатив, призванных сохранить память о жертвах советского государственного террора и напомнить об ответственности виновных.

Особенно заметный всплеск «контрпамяти» обозначается с 2014 года, когда «крымская мобилизация» вынесла «сталинский комплекс» на гребень общественно-политических настроений.

Несмотря на потерю заинтересованности государства темой сохранения памяти о репрессиях (в 1990-е годы сотрудники МВД и ФСБ нередко сотрудничали с тем же «Мемориалом», в частности в поисках мест массовых захоронений), число общественных инициатив в этой сфере не сократилось, а значительно выросло. Если в середине 2000-х в Москве и Петербурге 29–30 октября проходили по 2–3 акции такого рода, во второй половине 2010-х их число стабильно переваливает за два десятка.

Акция «Возвращение имен» впервые проведена «Мемориалом» в сквере у Соловецкого камня в 2007 году. В первые годы она собирала по несколько сот человек. В 2016 году в ней приняли участие больше четырех, а в 2017-м — более пяти тысяч человек. При этом технология проведения акции позволяет подойти к микрофону немногим более тысячи человек. С 2016 года акция проводится не на средства, привлеченные «Мемориалом», а на пожертвования граждан. Раньше такое было невозможно, а сегодня стало естественным и привычным. Стремительно расширяется география акции. В 2016 году она проходила, помимо Москвы, еще в 16 городах России, а в 2018-м — в 32 городах. К чтению имен подключаются все больше мировых столиц — Лондон, Варшава, Вашингтон, Минск, Прага, Рига, Вильнюс. С 2010 года православные верующие организуют акцию «Молитва памяти»¹⁴ вдохновленную «Возвращением имен». В последние годы в ней участвуют почти 30 городов в России и за границей.

В 2014 году в Москве начал работу общественный проект «Последний адрес», призванный не только увековечить память о репрессированных, но и сделать ее частью повседневной материальной культуры российских городов. На домах, где жили репрессированные, устанавливаются типовые памятные таблички. Неполитический «формат» проекта и его безусловный этический посыл располагают к нему все большее число людей. К февралю 2020 года на территории России было установлено 1000 табличек «Последнего адреса». Таблички уже появились в 10 городах России, еще столько же городов ждут своей очереди. Проект или его аналоги существуют в Украине, Грузии, Молдавии, Чехии, рассматриваются заявки из Польши, Германии, Латвии, Беларуси, Румынии. Каждое открытие таблички оказывается событием, работающим на выстраивание местного мемориального сообщества.

Тема памяти о советском терроре все заметнее выплескивается за пределы сравнительно узкого круга людей специально ею интересующихся.

«Возвращение имен» и «Последний адрес» все чаще фигурируют в государственных и независимых СМИ, а публикации, посвященные ГУЛАГу,

вызывают все более широкий интерес. Одним из самых популярных материалов деловой газеты «Ведомости» за весну — лето 2017 года стала историческая статья Олега Хлевнюка о Большом терроре¹⁵, а премию «Редколлегия» за лучший журналистский материал в 2017 году получили сразу три публикации, посвященные истории репрессии («Дело Хоттабыча» Шуры Буртина, история о Новочеркасском расстреле Даниила Туровского и о попытке сфальсифицировать историю Сандармоха Анны Яровой¹⁶). Первый же опыт совместного мозгового штурма нескольких СМИ и «Мемориала» в 2017 году обернулся двумя десятками сильных публикаций о сталинских репрессиях и о памяти. Они заметно поколебали «официальную» информационную повестку¹⁷. Всплеск интереса к памяти одни трактуют как реакцию на посткрымскую активизацию «сталинского комплекса», другие — как одну из немногих форм гражданского протеста, оставшихся у людей после ужесточения закона о митингах. Так или иначе, динамика этих акций впечатляет. «Что-то происходит, люди ищут опору», — говорил автору этих строк в 2016 году у Соловецкого камня руководитель и один из основателей «Мемориала» Арсений Рогинский.

В отличие от государственной риторики примирения, акции, подобные «Возвращению имен», отвечают не только на абстрактный для многих запрос о преодолении разделений вековой давности, но и на конкретное и насущное стремление разобраться с собственной «идентичностью». Они имеют отношение не к прошлому, а к настоящему.

...Если считать «Возвращение имен» ритуалом гражданской религии (в России таковая фактически отсутствует, поэтому на этом поле вовсю играют религия и политика), то основополагающие ценности участников акции — это своего рода «гражданская теология». Ее основной «догмат» — представление о безусловной ценности человеческой жизни. Чтение имен убитых под окнами сегодняшней Лубянки — акция далеко не только мемориальная. Поэтому слова уполномоченного по правам человека Татьяны Москальковой на открытии акции 2016 года (сколь бы скептически они ни воспринимались) о необходимости «государственного покаяния» за преступления Большого террора и о том, что «Возвращение имен» — это напоминание «молодым сотрудникам правоохранительных органов, что никогда неправда и отступление от закона и совести не проходит даром»¹⁸, важны именно как фиксация обращенности таких акций в настоящее.

Заложенная в 2007 году у Соловецкого камня традиция чтения имен жертв советского террора — не локальный и частный случай обретения исторической памяти. При попытке анализа происходящего в сквере на Лубянке поднимаются темы связи памяти и идентичности, взаимоотношения эксклюзивной и инклюзивной моделей исторической памяти, осознание советского террора как ключевого события новейшей истории России, требующего этической и юридической оценки. Эти

темы с удивительной точностью повторяют вопросы, встававшие перед Европой в рамках так называемого «бума памяти», который начался в общественных науках на Западе в 1990-х, а в 2000-е стал общественным феноменом, обозначив поворот от героической памяти к трагической¹⁹. Именно тогда стало понятно, что вопросы, которые ставят такие трагедии, как Холокост, не разрешаются исторической наукой. Необходимо обращение к психологии, этике, внимание к точке зрения жертв, к проблематике травмы, ответственности, частной и семейной памяти.

В рамках этого поворота речь идет о переосмыслении национальной политики не на основании общих побед и общей гордости, а на основании общих поражений и общей боли. Главной ценностью, на которой держится новый порядок вещей, оказывается человеческая жизнь, а не величие государства; его универсальным языком служат права человека, а центральным событием, собирающим горизонт этики и права, оказывается трагедия европейского еврейства²⁰. Очевидно, в России полноценный поворот такого рода невозможен без отчетливой оценки репрессий на государственном уровне.

И травма советского террора, и способы ее проработки во многом отличны от европейской травмы Холокоста и ее осмысления. Но совпадение контекстов (при всем различии политической и исторической ситуации России и Европы) свидетельствует о существовании общей системы координат. Это означает, что опыт других стран по переосмыслению трудного прошлого применим и к России, пусть с важными поправками. Поняв это, легче определить, в каком направлении стоит действовать уже сегодня, не дожидаясь смены эпох и исторических формаций.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Подход к прессе после посещения Бутовского мемориального комплекса // Официальный сайт президента России. 2007. 30 октября. kremlin.ru/events/president/transcripts/24627.

2 *Мединский В.* Мифы о революции и гражданской войне // История.рф. histrf.ru/biblioteka/b/mify-o-rievoliutsii-i-grazhdanskoi-voinie.

3 Говоря о монументах примирению после гражданских войн в разных странах, Мединский упоминает только испанский.

4 Революция: до основанья, а зачем? Интервью Б. Кроткова с Н. Нарочницкой // Российская газета (Неделя). 2007. 1 ноября. rg.ru/2007/11/01/revolucia.html. Подробнее об этом см.: *Малинова О.* Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Политическая энциклопедия, 2015. С. 81–83.

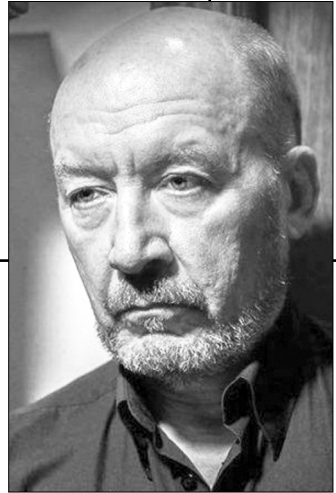
5 Белые и красные объединились против «Примирения» в Севастополе // Примечания. 2017. 10 августа. primechaniya.ru/sevastopol/stati/belye_i_krasnye_obedinilis_protiv_primireniya_v_sevastopole.

- 6 Чаннин С. Царские останки: обратный отсчет // Colta. 2017. 18 июля. www.colta.ru/articles/media/15442-tsarskie-ostanki-obratnyu-otschet.
- 7 Ответственный секретарь Патриаршего совета по культуре, а с 2016 года председатель — епископ Тихон Шевкунов; Шевкунов же возглавляет экспертный совет Фонда гуманитарных проектов, а одним из его главных партнеров является компания «Газпром».
- 8 Глава государства и Предстоятель Русской Православной Церкви открыли выставку «Православная Русь» в Москве // Официальный сайт Московского Патриархата. 2015. 4 ноября. www.patriarchia.ru/db/text/4263139.html.
- 9 Посещение Сретенского монастыря // Официальный сайт президента России. 2017. 25 мая. kremlin.ru/events/president/news/54573.
- 10 *Трудилюбов М.* Ложное примирение // Ведомости. 2017. 25 мая. www.vedomosti.ru/opinion/columns/2017/05/26/691580-lozhnoe-primirenie.
- 11 *Аптекарь П.* Красно-белая революция // Ведомости. 2016. 21 декабря. www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/12/22/670688-krasno-belaya-revoljutsiya.
- 12 Заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека // Официальный сайт президента России. 2017. 30 октября. kremlin.ru/events/president/news/55947.
- 13 Слово Святейшего Патриарха Кирилла на церемонии открытия мемориала памяти жертв политических репрессий «Стена скорби» // Официальный сайт Московского Патриархата. 2017. 30 октября. www.patriarchia.ru/db/text/5050963.html.
- 14 Акция проводится по инициативе Преображенского содружества православных братств и при поддержке Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ. Сайт акции — molitvaramyaty.ru.
- 15 *Хлевнюк О.* Феномен «большого террора» и Причины «большого террора» // Ведомости. 2017. 29 июня; 6 июля. www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/06/29/701835-fenomen-terrora; www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/07/06/712528-bolshogo-terrora.
- 16 *Буртин Ш.* Дело Хоттабыча: Какова плата за попытку ворошить прошлое // Les. 2017. 30 мая. les.media/articles/406627-delo-khottabycha; *Туровский Д.* Вторая Катынь: Как советские власти расстреляли мирную демонстрацию в Новочеркасске — и кто сохранил память об этих событиях // Meduza. 2017. 26 октября. meduza.io/feature/2017/10/26/vtoraya-katyn; *Яровая А.* Переписать Сандармох: Кто и зачем пытается изменить историю расстрелов и захоронений в Карелии // 7x7. Горизонтальная Россия. 2017. 13 декабря. 7x7-journal.ru/articles/2017/12/13/perepisat-sandarmoh-kto-i-zachem-pytaetsya-izmenit-istoriyu-rasstrelov-i-zahoronenij-v-karelii.
- 17 Неполный список публикаций на сайте «Мемориала»: www.memo.ru/ru-ru/projects/memomedia.
- 18 Москалькова, Федотов и Лукин приняли участие в акции «Возвращение имен» // ТАСС. 2016. 29 октября. tass.ru/obschestvo/3744605.
- 19 См., например: *Nora P.* Reasons for the Current Upsurge in Memory // Transit. 2002. 22. P. 1–8; *Rouso H.* Das Dilemma eines europäischen Gedächtnisses // Zeithistorische Forschungen. 2004. № 3. S. 363–378; *Olick J.K.* The Politics of Regret: On Collective Memory and Historical Responsibility. New York: Routledge, 2007.
- 20 Подробнее об этом см.: *Levy D., Sznajder N.* The Holocaust and Memory in the Global Age. Philadelphia: Temple University Press, 2006.

Уроки Михаила Горбачева

*Он человек был, человек во всем:
ему подобных мне уже не встретить...*

У. Шекспир. Гамлет

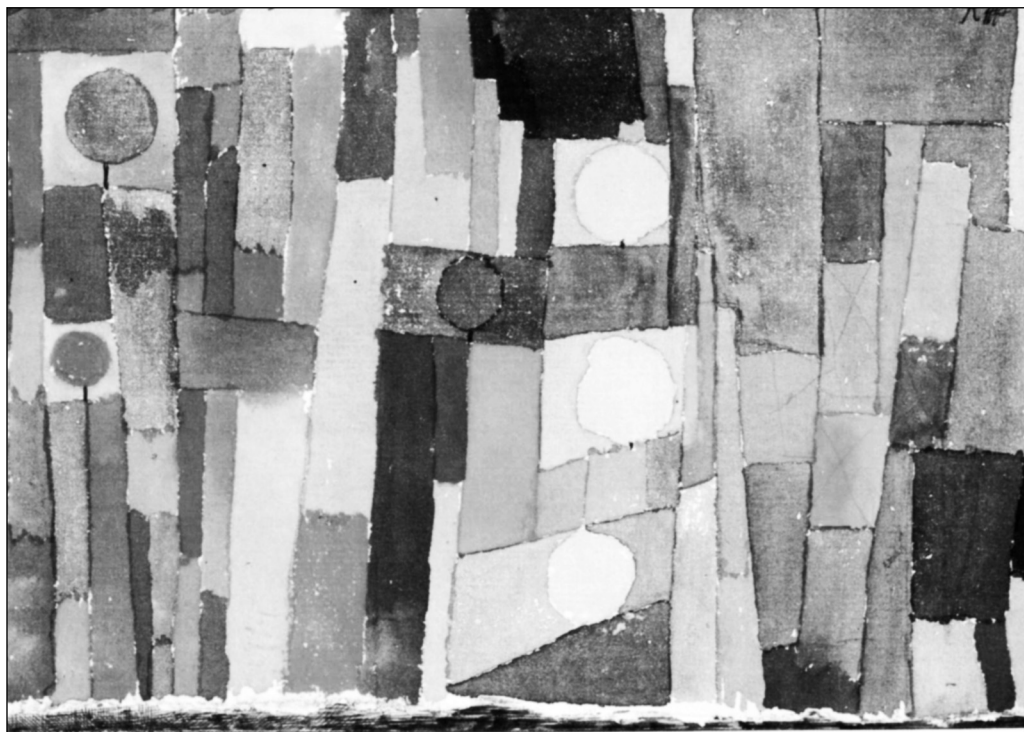
*Виктор Мироненко,
первый секретарь ЦК ВЛКСМ
(1986–1990), руководитель
предвыборного штаба
кандидата в президенты РФ
М. Горбачева, советник
президента Горбачев-Фонда*

Незадолго до 90-летия М.С. Горбачева обстоятельства привели меня в здание Горбачев-Фонда, что на Ленинградском проспекте в Москве. Построено оно было на личные средства Горбачева и на средства людей, понимавших значение сохранения его интеллектуального и политического наследия для России, да и для всего мира, после того как у первого и последнего президента Союза ССР отобрали ранее предоставленное ему под создание фонда здание.

Я хорошо помню день его открытия, надежды на то, что общими усилиями — самого М. Горбачева и оставшихся с ним соратников и единомышленников в России и в мире, а их было и остается немало, удастся объяснить его миссию и продолжить начатое им и несколькими другими мировыми лидерами того времени дело.

Отчасти это сделать удалось. Об этом свидетельствует хотя бы реакция на его юбилей. Так, например, по инициативе члена-корреспондента РАН Р. Гринберга были подготовлены и вышли в свет специальный номер журнала «Мир перемен» и книга в московском издательстве «Весь мир», где знавшие М. Горбачева люди поделились своими мыслями и о нем, и о его миссии.

Но в тот февральский вечер, когда я пришел в фонд, меня поразила камерность обстановки, теплой и уютной как всегда, располагающей к размышлениям и к откровенному разговору, но с очевидным для каждого несоответствием между масштабами наследия этого человека и ролью, которую ему довелось

Пауль Клее. В стиле Кайруана. 1914

сыграть в судьбе и своей страны, и всего мира, с одной стороны, и возможностями, несмотря на самоотверженность немногочисленных его сотрудников, центра его изучения и разъяснения, с другой. Невольно напрашивалось нелестное для всех нас — россиян — сравнение с помпезным, но бедным содержанием центром Бориса Ельцина в Екатеринбурге.

В этом я вижу одну из главных, если не главную причину того плачевного, прямо скажем, состояния, в котором находится наша страна и ее отношения с окружающим миром. Горбачевым и о Горбачеве написано столько, что я не берусь что-либо к этому добавить. Разве что несколько эпизодов и неожиданных для меня аллюзий. Предложенный редакцией жанр эссе для этого как нельзя лучше подходит.

Пойди и посмотри

Увидев же звезду, они возрадовались радостью весьма великою.
(Мф. 2: 10)

Но Нафаил сказал ему: из Назарета может ли быть что доброе? Филипп говорит ему: пойди и посмотри.

(Ин. 1: 46)

В одной из своих последних книг воспоминаний Михаил Горбачев описал известные мне и ранее обстоятельства своего рождения.

«Спустя много лет мать, — пишет он, — рассказала Ирине — своей первой внучке, — как я появился на свет. Когда начались роды, ее переместили в хозяйственную часть (дома в селе Привольное на Ставрополье, где жили родители

Михаила Сергеевича. — В.М.). Положили солому. Постелили постель. Вот так — между жилой частью дома и хлебом — я и родился. Ирина, став взрослой, как-то, вспоминая эту историю, сказала:

— Послушай, папа, ты родился как Иисус Христос.

— Да, ты это имей в виду... Но больше никому не говори, — сказал он и перевел разговор в шутку¹. Шутки шутками, но, да простится мне эта аллюзия, волхвы на этот раз событие пропустили и звезду не заметили.

Много позже в этой роли выступила премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер. После встречи с М. Горбачевым она сказала: «Я определенно нахожу, что он является человеком, с которым можно иметь дело...»² Через несколько дней после этой встречи М. Тэтчер вылетела в Кэмп-Дэвид, чтобы убедить в этом президента США Рональда Рейгана. И ей это удалось, но не до конца.

Когда летом 1991 года лидеры семерки фактически отказали М. Горбачеву в финансовой поддержке, М. Тэтчер, вспоминает П. Палажченко, пришла в советское посольство в Лондоне и в очень эмоциональной форме заявила о своем отношении к этому. «Она <...> попросила о встрече с ним <...> Переводил я, больше никого не было. „Что они наделали! — без предисловий начала разговор Тэтчер. — Сейчас, в самый трудный для вас момент, ограничились риторикой, словесной поддержкой. Этим политикам грош цена! Они ни на что не способны, они подвели вас!“»³ Что ж, действительно, как говорят англичане, «we rarely miss an opportunity to miss an opportunity» (мы редко упускаем возможность упустить возможность).

«В США в заслугу Рейгану обычно ставят то, что он одержал победу в холодной войне, — писал позже Джефри Сакс. — Если Горбачева и упоминают, то в связи с тем, что он сдался под давлением гонки вооружений, которую наращивал Рейган. Однако ключевым моментом в мирном окончании холодной войны стала не гонка вооружений в 1980-е годы и даже не усиливавшееся техническое и технологическое превосходство США. В обычных обстоятельствах упадок Советского Союза мог привести к насилию и к военным авантюрам. Советский Союз прекратил свое существование добровольно, несмотря на имевшиеся у него десятки тысяч ядерных боезарядов <...> решающее значение имела личная преданность Горбачева делу мира и демократии. Нравственное лидерство стало причиной мирной кончины безнравственной системы. Запад мог сделать намного больше для поддержания демократических реформ Горбачева»⁴.

В этом я с Саксом полностью согласен. Запад этого не сделал. Трудно сказать, чего в поведении западных лидеров было больше: искреннего недоверия или скрытого умысла. С одной стороны, их можно понять. После десятилетий холодной войны им действительно трудно было свыкнуться с мыслью о том, что из Москвы, из Кремля «может ли быть что-то доброе». Но, я бы не исключал желание предстать победителями в войне, которой не было. Но то, что поверь они тогда М. Горбачеву и окажи ему помощь, мы бы жили сегодня в совершенно другом мире, очевидно. Во всяком случае я в этом совершенно убежден.

Не от мира сего

*Царство Мое не от мира сего
<...> ныне*

Царство Мое не отсюда.
(Ин. 18: 36)

В Михаиле Сергеевиче меня всегда поражало несоответствие его поведения тем представлениям о главе государства, вожде, которые были сформированы во мне моим воспитанием.

«Первые дни после избрания генсеком, — пишет он, — Раиса снова и снова спрашивала меня:

— Что делать? Как себя вести?

— Мы не будем ничего менять. Как мы вели себя, так и будем вести дальше. Как поступали, так и будем поступать»⁵.

Так они себя с женой и вели. Как-то он назвал это принятое на традиционной их вечерней прогулке с женой в день его избрания генеральным секретарем решение самым важным решением в своей жизни. И я думаю, он прав. Потому что главное, чего нам не хватало, не хватало нашему «реальному социализму», — это уважения к этой, а не какой-то будущей жизни, грешной и праведной, своей и единственной у каждого человека. Нам никак не удавалось представить себе главу государства или правительства человеком, на которого волею судеб и его соотечественников возложена тяжелая работа по разумной организации общего жизненного пространства, заслуживающего поэтому внимания и уважения, но не более того.

Если вести речь о Горбачеве в жизни, не могу не вспомнить прочно засевший в моей памяти эпизод поездки в Мюнстер в начале сентября 1999 года, где в клинике находились Михаил Сергеевич и Раиса Максимовна. Кто-то

из обслуживающего персонала больницы, приняв меня, по видимому, за родственника (мы тогда долго гуляли по берегу реки, где немцы, узнавая его, здоровались и выражали свое сочувствие его беде), обратился ко мне с просьбой уговорить Михаила Сергеевича хотя бы ненадолго выходить из палаты жены, чтобы они могли произвести какие-то неотложные процедуры. Да, человеческого в Горбачеве было много, непозволительно много для человека в его положении.

Познакомившись позднее со вторым украинским президентом Леонидом Кучмой и поближе узнав его, я пришел к убеждению, что у них с Горбачевым есть нечто общее, что предопределило их поведение в критических ситуациях. И того и другого обвиняли в том, что они не использовали в полной мере силу — один в 1990–1991 годах, другой в 2004 году. А они не могли! Оба выросли в деревне, где трудно что-то скрыть и где даже одно отступление от общечеловеческих норм, как их там представляют, может навсегда сформировать твой образ, похоронить тебя в глазах односельчан. У человека, выросшего в таких условиях, не могут, мне кажется, не сформироваться табу, нравственные границы, через которые невозможно переступить, не разорвав своего сердца, или как волку в загоне пересечь линию флажков.

Тогда в Мюнстере, чтобы как-то отвлечь его, я попросил подписать обращение к студентам Московского института молодежи — бывшей Высшей комсомольской школы, где я тогда работал. Он согласился и написал: «Теперь нам понятно, что ненависть, насилие и война коренятся глубже политики — в сознании миллионов

людей, как властвующих, так и страдающих от злоупотреблений властью, ведущих не по своей вине жизнь, унижающую достоинство Человека, наполненную страданием, страхом и ненавистью». Что тут еще добавить? Не от мира сего было его «царство».

Откровение

...Нет ни Еллина, ни Иудея.
(Гал. 3: 28)

Моя первая встреча с М. Горбачевым случилась в 1984 году. По случаю отмечавшегося 60-летия присвоения комсомолу имени В. Ульянова (Ленина) в Колонном зале Дома Союзов в Москве состоялось торжественное собрание.

Мероприятие посетили секретарь ЦК КПСС М. Горбачев и первый секретарь Московского горкома КПСС В. Гришин. Было оно, как водится, долгим и скучным. Я наблюдал за президиумом. В. Гришин просидел все собрание неподвижно, как монумент. Ни одной эмоции на лице, никакой реакции на происходящее. Поведение М. Горбачева разительно отличалось. Он реагировал на происходившее. Провожал глазами комсомонок. О чем-то спрашивал сидевших рядом с ним в президиуме молодых людей. Он не выступал, но этого и не требовалось. Он все сказал своим поведением. На фоне прочно утвердившегося официоза в условиях «междоусобицы» оно выглядело одновременно вызывающим и обнадеживающим.

Я не знаю, что происходило в сознании нового молодого генерального секретаря, принадлежавшего уже к совершенно другому, чем ранее, поколению советских людей, но в моем сознании он про-

извел переворот, то, что иногда называют поворотом Коперника. 22 октября 1986 года в газете «Правда» был опубликован краткий комментарий встречи М. Горбачева с участниками организованного писателем Ч. Айтматовым Исык-Кульского форума. На ней М. Горбачев заявил о смене политических приоритетов с узко классовых на общечеловеческие. Для меня, как и для многих других молодых людей, воспитанных на ленинской («в общечеловеческую мораль мы не верим») мысли о том, что есть интересы более высокого порядка, чем классовые, это было почти святотатством.

Предательство

*...Прежде нежели пропоет петух,
трижды отречешься от Меня.*
(Мф. 26: 34, 75)

Я помню, с каким восторгом советская интеллигенция, включая и тех, кто сегодня любит порассуждать о его недостатках и ошибках, «похлопать, — как сам Михаил Сергеевич однажды заметил, — его по лысине», встретила приход и поведение М. Горбачева. Будучи делегатом XXVII съезда КПСС, я видел, как секретари партийных комитетов разного уровня ели его глазами, пытались хотя бы прикоснуться к полам его пиджака и как цыплята за курицей ходили за ним в кулуарах съезда. Все они, все, без исключения, тогда были «горбачевцами».

До определенного момента. «До какого?» — спросите вы. До того, когда он честно, как это почти всегда делал, сказал, что он не может дать им всем и сразу все, чего они хотели. Нет у него

Пауль Клее. Белые и красные купола. 1914

такой волшебной палочки! В том, что касается интеллигенции, да простит она меня, большинство ее у нас всегда хочет всего и сразу. «Чего-то хотелось: не то конституции, — писал известный знаток русской души Салтыков-Щедрин в 1876 году, — не то севрюжины с хреном». С творческой интеллигенцией все более-менее ясно. При всем уважении и даже любви к ней, ее политическая ин-

фантильность и безответственность — и не только у нас — давно стала «притчей во языцех». Сложнее дело обстоит с той ее частью, на которую Горбачев, как мне представляется, возлагал большие надежды.

Было у М. Горбачева одно качество, сформированное, по-видимому, его образованием (оно у него отличалось от всех его предшественников — юриди-

ческий факультет Московского университета, и не «по благу»!). Он уважал науку, испытывал пиетет к научным степеням и званиям, любил и умел слушать ученых. Говорить он тоже умел и любил. До какого-то момента ему удавалось заговорить даже ту часть «партийно-государственной номенклатуры» (по М. Джиласу), которая вполне обоснованно боялась перемен и ни о какой свободе слышать не хотела. Но Горбачев умел и слушать. Я неоднократно был свидетелем того, как он собирал именитых ученых — экономистов, юристов, историков и даже появившихся наконец и у нас благодаря ему политологов и часами выслушивал их. Говорили они много и хорошо, но либо останавливались ровно у той черты, за которой начиналась ответственность, либо советовали что-то диаметрально противоположное, что даже при пресловутой гибкости Михаила Сергеевича практически использовать было невозможно.

В этой связи мне вспоминается анекдот, услышанный мной в США в те годы. У Р. Рейгана и М. Горбачева, — говорилось в нем, — есть общая проблема. Первый знает, что в его охрану внедрен террорист, которому поручено его убить, но он не может вычислить его среди своих многочисленных охранников. А второй полагает, что среди множества советских экономистов есть один экономист, но не знает, кто именно.

Сегодня любят ставить в пример М. Горбачеву Дэн Сяопина и Си Цзиньпина, наваливать китайский опыт. Даже не принимая в расчет его моральное измерение, стоит отметить, что они начисто забывают (или делают вид, что забыли), с чего предлагал Горбачев тридцать пять лет тому назад на XXVII съезде КПСС

начать долгий путь к свободе. А начать он предлагал с «ускорения социально-экономического развития». То есть, попросту говоря, вначале хорошо бы «соломку подстелить», а уж потом прыгать в демократию и рынок. Что ж, жизнь показала, что «комбайнер», как любят называть М. Горбачева его «высоколобые» критики, оказался намного умнее их. Но тогда это не было так очевидно, и большинство из них очень быстро перебежали к тем, кто либо обещал все и сразу, либо предлагал ничего не менять вообще.

Коммунистическая партия, которую Горбачев безуспешно пытался вернуть к реальности и к нравственно-интеллектуальным гуманистическим корням, его не только не поддержала, а хуже того — предала. То, что от нее осталось сегодня, неоспоримо, на мой взгляд, свидетельствует о совершенном ею тогда политическом самоубийстве. В те годы некоторые наиболее «убежденные» ее члены иронизировали: «В нашей истории бывали случаи, когда лидер не оправдывал доверие партии, но впервые партия не оправдала доверие лидера». Если бы они только могли понять, как они были правы!

Вместо послесловия

Возлюби ближнего твоего, как самого себя.

(Мф. 22: 39)

Я часто думаю о том, какие уроки преподал этот неординарный человек, и вижу их несколько.

Во-первых, это урок любви. Любви к жизни и ее простым радостям, к жене,

дочери, внукам и правнукам, к своей Родине — большой и малой, к людям, наконец. Я никогда не слышал от него ни одного плохого слова ни о людях вообще, ни о русском народе, который, как говорят, от него отвернулся. Я не верю в то, что он от него отвернулся. Скорее, он его не понял не без «помощи» тех, кто привык его обманывать и паразитировать на нем.

Во-вторых, урок человечности. У нас в России глава государства может быть (и бывали) либо палачом, либо мессией, а чаще всего и тем и другим одновременно. Человеком со всеми присущими человеку качествами, достоинствами и недостатками, прозрениями и ошибками он у нас быть не может. Горбачев, посоветовавшись, как у них это было заведено, в день своего избрания со своей женой, о чем мы уже вспоминали, решил им оставаться. И заплатил за это. Но он об этом, насколько я знаю, не жалеет. За одним-единственным исключением. О том, что Раиса Максимовна этого выдержать и пережить не смогла. Об этом, кстати, очень искренне и эмоционально сказала Людмила Путина на встрече в Горбачев-Фонде в первую годовщину ее ухода.

И в-третьих, урок политики и политикам — сушим и грядущим. В политике нет и не может быть единственно верных и окончательных решений. Политика по природе своей вариативна. В политике можно почти все, нельзя только путать цель и средство. Обретение власти и ее удержание не являются целью политики, это лишь средство достижения цели. Горбачев отказался от власти, когда цель, как ему показалось, была отвергнута. Но продолжал служить ей в меру своих возможностей и сил и после того, как власти лишился.

А о цели, как я ее понимаю, я высказался в его и его жены присутствии еще в 1988 году на встрече его и В. Ярузельского с польской молодежью в Вавельском замке в Кракове:

*До гор болото, воздух заражая,
Стоит, весь труд испортить угрожая.*

*Прочь отвести гнилой воды застою —
Вот высший и последний подвиг мой!
Я целый край создам обширный, новый,
И пусть миллионы здесь людей живут,
Всю жизнь ввиду опасности суровой,
Надеясь лишь на свой свободный труд.*

(И.В. Гете. Фауст)

Судьба подарила мне тридцать лет общения с Михаилом Горбачевым. Я благодарен ей за это. А ему за то, что я могу говорить, что думаю, делать то, что считаю правильным и должным. А правильным и должным я считаю помогать ему всем, чем я могу, в его миссии и пытаться ее завершить — «для нас и для всего мира».

Россия. Москва. Февраль 2021 года

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Горбачев М.С.* Наедине с собой. М.: Грин Стрит, 2012. С. 31.

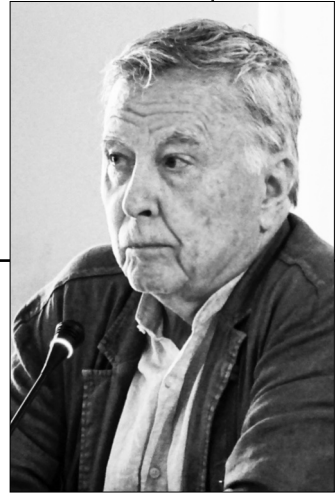
2 *Уэйн Ли.* Тэтчер о Горбачеве: «Он готов слушать». Голос Америки. 03.01.2014. www.golosameriki.com/a/thatcher-gorbachev/1822581.html.

3 Павел Палажченко. Публикация на Facebook // www.facebook.com/pavel.palazhchenko/posts/359742860812329.

4 *Джеффри Сакс.* Горбачев и борьба за демократию // [Huffington Post](https://www.huffingtonpost.com/2011/12/27/181436357.html). 27.12.2011. www.inosmi.ru/history/20111227/181436357.html.

5 *Горбачев М.С.* Наедине с собой. С. 397.

Солженицын и Горбачев. Прошлое и настоящее России*

Юрий Сенокосов,
главный редактор журнала
«Общая тетрадь»

Два заметных события последнего времени — публикация в центральных газетах статьи — послания А.И. Солженицына «Как нам обустроить Россию?»** и последовавшая вскоре реакция на это послание президента страны М.С. Горбачева на заседании Верховного Совета СССР — примечательны, на мой взгляд, тем, что позволяют лучше увидеть суть той проблемы, которая является сегодня не менее важной, чем положение в экономике. Я имею в виду наше отношение к прошлому. Хотя М.С. Горбачев заявил, что ему «чужды политические взгляды» писателя, поскольку «он весь в прошлом», сам президент, защищая свою позицию «радикального демократа» — и это невольно бросается в глаза, — фактически апеллирует к тому же прошлому. «Мы все такие, — говорит он, — потому что наша страна через века прошла... И поэтому ходить по человеческим судьбам, по этой земле с какими-то моделями... недопустимое заблуждение».

Так кто же прав? Президент или писатель, если прошлое и в самом деле определяет во многом нашу судьбу?

Оказавшись перед выбором — «Российский Союз» (Солженицын) или «Обновленный союз суверенных государств» (Горбачев), скажу, что мне лично ближе при таком раскладе позиция Горбачева, поскольку, будучи русским, и я, подобно ему, связываю ответственность за выход из кризиса, переживаемого сегодня всей страной, прежде всего с народом и хотел бы надеяться, что ее готовы разделить и другие народы,

* Текст был написан в октябре 1990 года. Публикуется впервые.

** Статья была опубликована 18 сентября 1990 года одновременно в «Литературной газете» и «Комсомольской правде».

вставшие на путь самоопределения и поиска независимости. Но дело не только в этом, а в том прошлом, из которого исходят, каждый по-своему, Горбачев и Солженицын и которое имеет еще одно измерение, на что я и хотел бы обратить внимание.

Для меня очевидно, что русское прошлое, начиная с XVI века, распадается на две эпохи. До акта отмены крепостного права (1861), когда шел процесс складывания и утверждения в стране системы самодержавной власти и подавления государством любых форм свободомыслия и самостоятельности. И после отмены, сопровождавшейся, как известно, становлением гражданского общества и бурным развитием промышленности, торговли, науки и т.д. То есть я хочу тем самым сказать, что во время революции семнадцатого года, подготовленной именно этим развитием, на весах истории, склонившей ее в сторону диктатуры, решающим оказалось соотношение *веков* и *десятилетий*. А точнее, то наследие и социальный опыт, в рамках которого формировался характер народа: его психология, язык, жизненные представления и т.д. И разорвать нашу зависимость от этого наследия и опыта прошлого, связанного не просто с насилием и деспотизмом, а с тем, что осело при этом в наших душах в виде предрассудков, верований, привычек, и по сей день, после «второй отмены» крепостного права, невероятно трудно.

И все же, поскольку мы не начинаем сегодня с нуля, так как в нашей истории была целая полоса относительно свободного развития, мы можем опираться, прежде всего, на эту историю, на уже существовавший дореволюционный опыт. И Солженицын прав, когда он обращает внимание именно на этот опыт «наших лучших, — как он пишет, — практических деятелей и умов, соединенный с моей посильной разработкой». Хотя, с другой стороны, и в данном случае позиция Горбачева с его уверенностью в том, что в каждом из нас уже «заложено восприятие своей страны во всей ее масштабности», мне кажется предпочтительней. Причем не только потому, что за годы перестройки прошлое вошло в нашу жизнь и обрело черты настоящего, а исходя из самой сути этого развивающегося процесса и отношения к нему президента.

В свое время известный русский мыслитель и общественный деятель Ю.Ф. Самарин как-то заметил, что «Христос и апостолы дали нам учение об отношении человека к Богу, но они не создавали государственных форм и не писали конституций». Это различие юридической и духовно-нравственной сторон в общественной жизни имеет, на мой взгляд, принципиальное значение при подходе к проблеме «обустройства» России. Ведь в самом деле, если человек или народ оскорблен или унижен, то защитить себя он может и с помощью «конституций», то есть формализуя свои отношения с другими на уровне права. Но «защитить себя» от себя же, от своих переживаний перед лицом соци-

ального хаоса, смерти, страданий человек действительно способен, выражаясь словами Самарина, только на уровне «отношения к Богу». И нужно сказать, что это отношение в качестве нравственного постулата традиционно интересовало философов в России. Однако продолжать думать при этом, что сфера нравственных отношений «выше» сферы права (а именно так думает Солженицын), значит явно заблуждаться.

Разумеется, о любой системе права, или «юрократии» (Солженицын), можно сказать, что она несостоятельна, и полагаться в таком случае либо на волю Бога, либо на власть царя. То есть в конечном счете на веру в некое абсолютное добро и его окончательную победу на земле. Но человеческая жизнь полна несовершенства и, следовательно, гораздо реалистичней не мечтать об искоренении зла, а стремиться к его *ограничению*, на что несомненно и рассчитывали европейцы, когда они впервые стали использовать право в виде юридических законов для регулирования социальных и экономических отношений между людьми.

И еще. Форма регуляции человеческих взаимоотношений на основе религиозных максим и заповедей, как показывает исторический опыт, вполне эффективна в рамках семьи или «братской общины», но отнюдь не общества в целом. Ибо свобода и демократия, о чем свидетельствует тот же опыт, нуждаются в иных, гражданских институтах и формах для их поддержания и защиты.

Поэтому я считаю, что строительство гражданского общества в нашей стране должно в равной мере опираться на весь этот опыт. Без противопоставления, как это сквозит в послании Солженицына, этики экономике, морали политике и т.д. Все это трагические последствия той долгой исторической несвободы, в которой жила Россия.

Когда мы сетуем сегодня на упадок нравственности и уповаем при этом на силу законов и права, то это столь же наивно, как и надежды на восстановление правопорядка с помощью религии и морали. Ибо на самом деле нравственность может быть восстановлена с появлением в стране новых форм воспитания, а правопорядок — благодаря неукоснительному соблюдению законов.

Теперь, когда прошлое приблизилось к нам и стало реальностью, его возможный реванш, на мой взгляд, не менее опасен для общества, чем его слепое отрицание в нашей недавней истории.

*Аннотации и фрагменты наших
только что вышедших или готовящихся к изданию книг*

Александр Согомонов.

Просвещение и история в развитии отечественной общественно-политической мысли (XIX век). М.: Школа гражданского просвещения, 2021. 320 с.

Нигде в мире гражданское просвещение и исторический опыт не были настолько переплетены, как в России. Прошлое — это и заданная историей идентичность, и символический капитал нации, и понимание настоящего, и проницательный взгляд в будущее. Именно в XIX веке были сформулированы все основные философские подходы к историко-гражданскому просвещению, обозначены главные методологические позиции, значимость которых не ослабла до наших дней. Книга разделена на три хронологических периода, в каждом из которых рассмотрены идеи главных «героев» эпохи, среди которых Карамзин, Пушкин, Уваров, Сперанский, Белинский, Чаадаев, Киреевский, Герцен, Соловьев, Толстой, Лавров и Ключевский.

Книга рассчитана на всех интересующихся историей гражданского образования в России и тем, какое идейное наследие досталось нашему времени отцов-основателей русского Просвещения.

**ПАРАДОКСЫ И УРОКИ РУССКИХ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ
(вместо послесловия)**

Век Просвещения формально и фактически начался в царской России задолго до того, как русская мысль впервые и всерьез задумалась над смыслами, ценностями и задачами гражданского просвещения. В ранней империи XVIII века усилиями прежде всего высших сановников и покровительствующих им царствующим персон неторопливо и в основном по наитию налаживались новые для страны просветительские практики. Из тогдашних лидеров мало кто предавался вольным рассуждениям о том, какой, собственно, гражданский «продукт» должен был получиться на выходе и каким содержанием должна была озаботиться гражданская дидактика. В то время актуальным считалось только лишь громадное отставание страны в сфере рациональной науки и технологии. Знания же гражданские не расценивались как культурно значимые,

а гражданские компетенции и навыки тем более считались не просто неактуальными, а порой политически опасными и вредными.

Без внутренней рефлексии весь просветительский процесс неизбежно переадресовывался в ведение государства — полностью ему подчинялся, выражал волю и намеренность исключительно властных элит. Государство же, в свою очередь, весьма умело и оперативно переориентировало зарождающееся гражданское просвещение на службу своих интересов.

Именно это произошло в России в те далекие времена, и с тех пор в этой сфере мы так и не увидели принципиальных перемен. В результате всякое гражданское начало в России поглощалось и утопало в «домене» интересов, забот и приоритетов государства. А зачатки индивидуальной гражданской автономии оказывались растворенными в *практиках общего резона* или, как у нас порой говорится, были подчинены диктату «соборной целерациональности».

Начальные условия зарождения и опыт раннего функционирования гражданского просвещения в царской империи на многие поколения были законсервированы и на каждом новом витке истории возрождались вновь. А в советско-большевистском проекте — с еще более четко выраженным этатизмом.

Выйти из этой колеи псевдогражданственности нам не удастся до сих пор. Любое гражданское качество или состояние и по сегодняшний день неизбежно оказывается в заложниках у государства, властных элит и корпоративных кланов.

Собственно, и решение задачи по кардинальному преодолению этой тупиковой ситуации и выходу из колеи псевдогражданской истории составляло при царизме и по-прежнему сегодня составляет главную интеллектуальную головоломку для всех заинтересованных участников дискуссий о судьбе гражданского просвещения в России. Времена меняются, а *общественный статус гражданского просвещения остается практически неизменным — подчинительным, подцензурным и подконтрольным*.

Несложно увидеть, что в истории отечественного просвещения сложился парадоксальный замкнутый круг: независимая мысль стимулирует развитие основ гражданской культуры, культивирует новые ценности и публичные ориентиры, но с поразительной регулярностью рано или поздно переподчиняется интересам и приоритетам государства. А гражданское общество по-прежнему остается *непросвещенным и оттого незрелым и недееспособным*. В конечном итоге оно становится легкой жертвой для жадного до тотального контроля государства.

Это очень странное, как может показаться со стороны, просветительское движение по одному и тому же замкнутому кругу всегда приводило свободную русскую мысль в состояние эпистемологического ступора. Когнитивный диссонанс сменялся социальным разочарова-

нием, а оно, в свою очередь, — чувством абсолютной безысходности и массовой — при этом отнюдь не наигранной — апатией. Зачастую даже самые смелые гражданские мыслители-новаторы, осознав силу этой замкнутости, «добровольно» переходили в противоположный лагерь последовательных адептов *програжданского этатизма*. Романтизм молодого и пытливого ума сменялся то психологическим унынием, то умственным преображением. Лишь единицам хватало мужества и сил нести свой просветительский крест до конца, не ожидая при жизни увидеть плоды своего гражданского служения.

А оттого вся русская свободная мысль XIX века была глубоко трагичной как по своим публичным посылам, так и по общей тональности. Ей не был свойствен открытый и заражающий людей социальный оптимизм. Она доблестно служила, как ей казалось, Отечеству, а по факту прислуживала глубоко презираемому ею же государству. В итоге многие мыслители легко отказывались от стандартов классического гражданского просвещения в пользу революционной пропаганды и терроризма, а другие с готовностью принимали роль проповедников провластной псевдогражданственности. Хотя были и третьи, кто вовсе уходил в нишу откровенно отшельнической медитации об альтернативном гражданском опыте.

Главный же вопрос для русского просвещения — быть или не быть России страной универалистских смыслов — так и не получил своего философского разрешения в XIX веке. Чем умело, надо признать, воспользовались русские большевики, создавшие аутентично российскую теорию и практику альтернативного левого универсализма, основанного на марксизме и социалистическом интернационале, захватившие под этими знаменами всю полноту власти в стране. И не прижившийся в интеллектуальной мысли и общественных институтах универсализм не смог противостоять самому мрачному и антигуманному в истории человечества тоталитаризму.

Историческое познание отечественного прошлого не приближало русскую мысль к выходу из сложившегося когнитивного тупика. Даже скорее наоборот — продвигало ее все дальше к признанию *неразрешимой загадочности* обусловленной всей историей российской идентичности. Эта псевдозагадка в нашей культуре получает неожиданный статус «подлинного социального знания», хотя, по сути дела, является профанным незнанием. Но извечное присутствие в публичном пространстве этой странной загадочности толкало русский ум к перепрофилированию как самого просветительского дискурса, так и его главных нарративов. В каком-то смысле заданный в духе Шекспира формат публичного вопрошания — «*быть или не быть*» России страной западного универсализма? — отечественными мыслителями был преобразован из статического в динамическое состояние и пролонгирован в будущее: *становиться ли* России страной с универсальными смыслами или все же не

поддаться этому идущему извне интеллектуальному искушению и, наоборот, пестовать и охранять свою уникальную, пусть даже и принципиально непознаваемую, но привлекательно загадочную идентичность?

Культурный выбор в итоге долгих поисков, как я пытался показать в этой книге, был сделан в пользу промежуточного решения: *не быть и не становиться, а лишь казаться* страной универсальных смыслов. Впервые мы прочитываем эту интенцию в сочинениях Карамзина, а впоследствии ее подхватывает большинство русских мыслителей. Да, безусловно, отнюдь не все, но все же численно подавляющее большинство.

Парадоксально, но факт: существование исторической общности приверженцев фиктивных универсальных смыслов совсем не трудно себе представить. Отечественный опыт модернизации демонстрирует нам, что подобное *мировоззренческое двоемыслие* — вполне достижимо практически, а не только умозрительно. Чем, вспомним, был так искренне поражен и возмущен посетивший Россию в 1839 году маркиз де Кюстин.

Однако в тот момент, когда прямолинейный вопрос «Кто мы?» из предмета аналитического внимания был усилием русской мысли трансформирован в прогностический и деятельный вопрос «Куда нам все же двигаться?», то есть когда из сферы чисто философского рассуждения этот вопрос был перемещен в плоскость волевою и социально-политическую, тогда-то и понадобился принципиально иной формат общественно аргументированного обсуждения и публичного присвоения создаваемого вновь социального знания.

Нужна была ясная и олицетворяющая универсальный смысл материализованная точка отсчета для публичного самопознания. В XVIII–XIX веках этой точкой становится метафорический и, разумеется, объективно географический Запад. Причем Запад не столько как локус уникально сконцентрированного универсального смысла, сколько как просто наиболее успешный казус исторического воплощения базовых основ Универсализма. В тот момент и случился логический раскол относительно монолитной русской мысли раннего Просвещения и ее дальнейшее размежевание на сторонников прозападного и антизападного мышления и образа действий. Для обоих интеллектуальных лагерей отечественная история, как никакое иное гуманитарное знание, представляла уникальный резервуар, из которого можно было до бесконечности черпать исторические аргументы в пользу той или прямо противоположной позиции.

По сути, *философское рассуждение об универсальных смыслах было заменено публичным выражением социальных эмоций и суждений вкуса, основанных на познании прошлого.*

Именно этому «новому знанию» в империи было вручено легитимное право на то, чтобы стать мировоззренческим фундаментом просветительской деятельности среди подданных. При этом, что чрезвычайно

важно, с опорой прежде всего на историческое прошлое в гораздо большей степени, чем на любое другое гуманитарное или социальное знание. Прозападнические или антизападнические позиции обосновывались материалами всемирной и отечественной истории. А точнее сказать, их *интерпретациями*. Что в конечном итоге привело к дидактическому превалированию и диктату «просвещенного мнения» о прошлом (историческая докса) над «знанием прошлого».

Толкование прошлого стало в российской практике излюбленным занятием всех просветителей вне зависимости от их мировоззрения и политических предпочтений. А защита государством «удобных» для власти толкований от оппонирования и критики, что в принципе противоречит духу рационального знания, вылилась в наше время в позорную для современного государства политическую кампанию по ограждению истории от «пересмотров», что, вынужден повторить, абсолютно противоречит самому духу универсализма.

Итак, «гражданский брак» Истории и Просвещения в России был инициирован и оформлен в XIX веке. Все самые значимые открытия в его развитии были сделаны именно в том — непростом в политическом и блистательном в культурном смысле — столетии. При этом все сделанные тогда открытия были аутентично русскими. Они не были ни искусно импортированы, ни тайком заимствованы, ни грубо скалькированы с чужих образцов. Их отличала простота и наивность, откровенная противоречивость и удивительная искренность. Конечно же, они были сделаны с оглядкой на западный историко-просветительский опыт и европейскую философскую традицию, однако, как мне кажется, только лишь потому, что Запад действительно выступал удобным «нулевым километром» в долгом пути эволюции исторического просвещения.

Мы и сегодня по-прежнему активно прибегаем к тем великим открытиям в актуальных культурно-нравственных и дидактических целях, когда рассуждаем или на практике реализуем те или иные просветительские проекты. По большому счету в XX веке, и уж точно в пореформенной России, мы лишь непрерывно и повторно изобретаем один и тот же просветительский «продукт». Хотим ли мы того или нет, но воображаем и обнаруживаем себя все в той же созданной многими поколениями назад «колее просветительской истории» и подспудно воспроизводим многие интеллектуальные трюизмы блистательного XIX века.

Карамзин научил нас думать и вести себя по-европейски, но одновременно умом и сердцем дистанцироваться от Запада, ибо для россиянина достаточно лишь казаться европейцем. Сперанский рекомендовал нам при выборе главной цели общественно-политического развития отдавать предпочтение институциональной и технологической модернизации, а не гражданскому просвещению. Пушкин и Карамзин своим личным примером продемонстрировали, что просвещение «первого лица» госу-

дарства может стать реально достижимой и вполне достаточной для судеб страны дидактической целью.

Граф Уваров заложил в нашей культуре самую фундаментальную традицию исторического просвещения — полагаться и продвигать в массы лишь политически выверенное «мнение» о прошлом (доксу); истинное знание прошлого — избыточно и опасно. А этот водораздел с тех пор стал свидетельствовать о том, что просветитель собственно-ручно должен ставить интересы государства выше общественных и сквозь эту призму трактовать широкой публике смыслы прошлого.

Белинский и Герцен углубили наше просветительское двоемыслие максимальным образом. И если первый продемонстрировал, как можно быть универсалистом и не стать при этом западником, то второй, прямо наоборот, доказал возможность того, как быть западником по ценностям и поведению, но не становиться при этом универсалистом в мышлении. Киреевский со своими сторонниками из стана старших славянофилов продемонстрировал нам пример последовательного и искреннего антизападничества и антиуниверсализма. Чаадаев, один-единственный во всем столетии, смог устоять на последовательных прозападнических и универсалистских позициях, но и он же стал для нас «живым» примером глубоко продуманного и рационально взвешенного до глубокого суицидального отчаяния пессимизма.

Соловьев предложил нам логику исторически обоснованного патриотического пафоса как имманентной составляющей гражданского просвещения. Толстой наложил моральное вето на все сконструированное учеными-историками прошлое и всеми способами пытался защитить коллективную память народа от «посягательств» со стороны рационального знания. Лавров, напротив, будучи, безусловно, европейцем по ценностям и культурным установкам, не смог противостоять суггестивной силе идеологического воздействия со стороны научного социализма и отдал просвещение на откуп революционной пропаганде. И лишь Ключевский, закрывая блистательную эпоху просветительских открытий XIX века, предложил полагаться на способность гражданина самому извлекать нравственные уроки из прошлого. А ведь согласно Канту, только так и можно распознать горизонт гражданского совершеннолетия нации.

Однако на укоренение алгоритма подлинно *гражданского субъективизма* по Ключевскому России просто не хватило запаса исторического времени. Неокрепшее гражданское сознание поддалось искушению альтернативной «простоты» вульгарного марксизма и практического большевизма. В итоге гражданское общество царской России оказалось совершенно неспособным уберечь страну от ужасов надвигавшегося тоталитаризма. А антипросветительские последствия советского периода нам придется еще долго и упорно преодолевать.

Владимир Рыжков

Контрапункт

ЛАТВИЙСКИЙ XX ВЕК ПЕТРА КРУПНИКОВА

XX век: прожитое и пережитое. История жизни профессора Петра Крупникова, рассказанная им самим / Пер. с латышского Роальда Добровенского. Рига: ZINATNE, 2015. 398 с.

В Риге вышла книга воспоминаний *Петра Яковлевича Крупникова* (1920–2009) — крупного историка и общественного деятеля, участника коммунистического подполья в межвоенной независимой Латвии, советского ветерана Второй мировой войны. Книга любовно составлена на основе продолжительных интервью автора и сопровождается солидным научным аппаратом. Содержание книги исключительно богато и увлекательно, стиль изложения изумителен. Он живо передает образ речи и мышления П. Крупникова — блистательного оратора и всесторонне эрудированного европейского интеллектуала.

Петр Крупников родился во Флоренции, куда попали его родители, бежавшие из России от власти большевиков и Гражданской войны. Семья была богатой, отец Крупникова Яков, предприниматель, имел большую квартиру в имперской столице Санкт-Петербурге и даже купил дом на Кутузовской набережной Невы. В Революцию семья почти все потеряла. После лет скитаний по Европе (Париж, Берлин) осели в 1923 году в столице независимой Латвии Риге (Петру было три года). С той поры вся жизнь Крупникова связана с Латвией и Ригой.

П. Крупников — видный ученый историк. Рассказывая о своей богатой событиями жизни, он одновременно глубоко рефлексировал историю XX века, участником основных событий которого ему дове-

лось быть. Особый критический и иронический склад ума, вкупе с мудростью и взвешенностью оценок делают наблюдения автора необыкновенно острыми и глубокими. В Латвийском университете Риги Крупников преподавал Новую историю Запада и Америки. Читал лекции по истории Латвии. В сферу его научных интересов входили, прежде всего, история остзейского немецкого дворянства в Прибалтике и роль Германии в регионе. Такие книги, как воспоминания Крупникова, являют собой драгоценный пример живой личной истории, пропущенной через инструментарий самой изысканной исторической науки. Перед нами замечательный пример описания личного опыта на фоне широких и точных обобщений.

Крупников — яркий представитель ушедшего от нас поколения великого и страшного XX века. В наши дни уже не осталось людей, помнящих межвоенный период 1920–1930-х годов. Почти нет фронтовиков и тех, кто застал первое послевоенное десятилетие, немногие могут поведать о яркой эпохе Н. С. Хрущева. Тем ценнее для нас живые и точные свидетельства П. Крупникова.

Город Рига — один из главных героев книги. Автор подробно описывает Ригу межвоенного периода (эпоха независимой «буржуазной» Латвии 1920–1940 годов). Время детства и юности автора. Рига тех лет — многокультурный многоцветный европейский город, в котором бок о бок жили и взаимодействовали самобытные национальные общины балтийских немцев, латышей, евреев и русских. В городе переплетались многовековые традиции немецких средневековых государств (в том числе торговой Ганзы) и Российской империи. Рига являла собой центр самой высокой европейской культуры, открытый культурным достижениям эпохи. П. Крупников, выходец из еврейской среды, учился в престижной немецкой школе номер 10, после перешел в еврейскую школу с преподаванием на идиш. Мать привила ему искреннюю любовь к русскому языку и высокой культуре. П. Крупников в результате свободно владел русским, немецким, латышским и идиш, также легко объяснялся на английском. Сумел в семье и школе получить превосходное образование и громадный гуманитарный кругозор. Межвоенная Рига — наглядный пример того, сколь благотворна для развития культуры, науки и искусств богатая и открытая многонациональная *среда*. Не случайно последняя породила так много ярких и выдающихся личностей, и среди них было немало соучеников и приятелей П. Крупникова.

В Риге семья Крупниковых обеднела, сам П. Крупников стал рано зарабатывать на жизнь наемным трудом. Отсюда симпатии к левым идеям и раннее, еще подростком, вхождение в ряды коммунистического латвийского подполья (вслед за старшим братом). Вступление в независимую Латвию советских войск, отставка правительства К. Улманиса, выборы в Народный сейм и принятие Латвии в состав СССР 5 августа 1940 года

П. Крупников рассматривает как тяжелую историческую неизбежность. Латвия оказалась тогда между двумя агрессивными сверхдержавами — гитлеровской Германией и сталинским СССР и была не в состоянии сохранить независимость. Первое время советский выбор казался жителям Латвии более предпочтительным, нежели немецкий (исторически латыши теплее относились к России, чем к немцам). Первые серьезные сомнения в коммунизме и советском строе появились у П. Крупникова после массовых арестов и депортаций латвийских граждан в 1941 году. Также этому способствовала большевизация экономики и немедленно возникший «железный занавес» с Европой. «Теперь „край“ от европейской жизни оказался начисто отрезан, и это был неприятный сюрприз». Еще ранее, при К. Улманисе (1939), произошел массовый отъезд латышских немцев в Германию (так называемая репатриация). Космополитическая цветущая Рига постепенно начала уже тогда превращаться в культурную провинцию.

П. Крупников вступил в ВКП(б). После нападения Германии на СССР покинул Ригу и добровольно вступил в ряды Красной армии. Служил и воевал в 201-й Латышской дивизии, переводчиком в Смерше, участвовал в освобождении Латвии и Риги в 1944 году. После Победы принял участие в качестве основного переводчика в суде над нацистскими преступниками — «Рижском малом Нюрнберге».

В послевоенной советской Риге П. Крупников женился на девушке Жене, землячке из хорошей семьи, поступил в университет, стал популярным лектором, начал долгую карьеру преподавателя и ученого, автора ярких книг по истории. При этом настойчиво способствовал развитию у своих слушателей и студентов свободного критического мышления, знакомил их и с иными, чем марксизм-ленинизм, философскими и историческими концепциями. Разработал собственную систему подачи материала, вводящую исторические события в широкий исторический и социальный контекст. В конце жизни Сталина наблюдал рост антисемитизма государственной политики на фоне агрессивной кампании борьбы с так называемыми космополитами.

После смерти Сталина в марте 1953 года атмосфера в стране заметно изменилась к лучшему. Прекратились «дело врачей» и гонения на евреев. Началась хрущевская оттепель. Особенно важное значение имели расстрел Л. Берии и потеря КГБ главенствующего места в системе советской власти. Прекратились массовые репрессии, миллионы людей вернулись домой из лагерей. Н. Хрущев инициировал реформы и выказывал новый, более открытый и демократический стиль правления. Летом 1959 года П. Крупникова пригласили в качестве переводчика на встречу лидеров СССР и ГДР Хрущева и Ульбрихта в Риге. Несколько дней он провел рядом с ними, имея возможность наблюдать вождей вблизи. Тогда же Хрущев разгромил национал-коммунистическое руководство Латвии, пресекая стремления Латвии к большей самостоя-

тельности и движению по более национальному латышскому пути.

Долгая эпоха Брежнева стала «попыткой ползучей ресталинизации». П. Крупников ясно показывает, как ограничения духовной и интеллектуальной свободы, репрессии уничтожают и прибивают культуру, обедняют ее. Так случилось, например, в Германии при нацистах, так же было и в СССР. «Гитлер устроил жуткое кровопускание науке и культуре не только в Германии, но и во всей Европе». Немцы извлекли уроки из своей страшной истории и сумели глубоко измениться, построить правовое демократическое государство, твердо осудив преступный нацизм. Не то в России. Сталинисты по-прежнему чувствуют себя победителями и хозяевами страны. «Сегодня они в России — сила, и не видать никаких признаков раскаяния. Наоборот — у них ностальгия по сталинскому „славному прошлому“. Почему это так? Думаю, дело не только в победе („Победителей не судят!“). Тут прежде всего недостаток культуры или, еще точнее, — дефицит христианской культуры, не позволяющий им осознать содеянное», — пишет П. Крупников.

Перестройка и гласность М. Горбачева пробудили Прибалтику. В 1987 году началось движение за обретение независимости. П. Крупников принимал в событиях активное участие. Выдвигался примиряющий всех лозунг: «Латвия — наш общий дом!» Увы — реальность оказалась иной, граждане разных национальностей не получили равного гражданского и политического статуса. XX век в Латвии продолжился и в XXI.

В 1991 году П. Крупников переехал в Германию. Работал и преподавал в университетах, читал лекции, трудился в балтийско-немецкой общине в Западной Германии. Соединяя в себе несколько европейских культур и идентичностей (русскую, немецкую, латышскую, балтийскую), всегда осознавал себя прежде всего евреем. Сталкивался с проявлениями антисемитизма во все эпохи — как в довоенной Латвии, так и в СССР.

П. Крупникова от гибели в Холокосте спасло то, что в первые же дни войны он покинул Ригу и Латвию и воевал в Красной армии. В Латвии нацистами и местными коллаборационистами были уничтожены 90% евреев (около 70 тысяч), в живых осталось не более тысячи. В книге теме не уделяется много внимания, но упоминаются отдельные случаи. Так, автор после войны поселился в квартире женщины, у которой погибли 38 родственников! Также П. Крупников не обсуждает детально национальные проблемы современной Латвии. По его мнению, проблемы существуют, но реальность всегда далека от идеала. В любом случае жизнь в современной Латвии несравнимо лучше и свободнее, чем это было в СССР. «Нет ничего более бесполезного, чем вздыхать и жаловаться — не то, не так, мы ждали другого. Не вздыхать, а дей-

ствовать, целеустремленно и трезво, сообразуясь с возможностями и реалиями. Эта проза горьковата на вкус, но это реальность, которой нет альтернативы. Это я говорю вам, исходя из опыта, из всего, что испробовал на собственной шкуре, что пережил».

XX век сурово прошел через всю жизнь П. Крупникова и был им прощательно осмыслен. Во всех поворотах трагического века П. Крупников принял самое деятельное участие. Его живой, подробный и яркий рассказ помогает нам лучше понять прошлое и извлечь из него уроки. Еще в школьном возрасте мать дала 15-летнему сыну Петру совет: «Что бы ни было, куда бы тебя ни завела судьба, не будь серой скотинкой — никогда не иди на поводу у толпы. Думай своей головой!» Это и есть главный совет всем нам из XX века. Рецепт свободы, культуры и человеческого достоинства.

РОССИЙСКИЙ ПОСТСОВЕТСКИЙ АВТОРИТАРИЗМ В ГЛОБАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

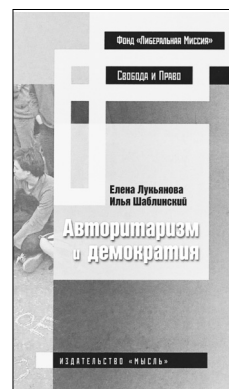
Елена Лукьянова, Илья Шаблинский. Авторитаризм и демократия / Фонд «Либеральная миссия». М.: Мысль, 2018. 349 с.

В 1990-е годы, живя уже в Германии, Петр Крупников много выступал с лекциями в различных немецких городах. Однажды держал речь в церкви в Бремене (1992). Среди прочего высказал тезис, вызвавший бурную недоуменную реакцию публики. О том, что «положение бывшего Советского Союза, конкретно — сегодняшней России хуже, чем положение Германии в 1945 году». Но как такое возможно? Как же можно сравнивать разгромленную, разделенную, оккупированную и пережившую нацизм и Холокост Германию с мирно распавшимся и вставшим на путь демократии СССР и постсоветским пространством? Тем не менее аргументы П. Крупникова были основательными. В момент распада СССР в стране не имелось частной собственности и собственников, в том числе фермеров — землевладельцев. Не было буржуазии и опыта рыночной экономики. Не было опыта свободного распоряжения деньгами и финансовых рынков, ипотеки и многого другого. И никакого опыта существования в условиях рыночной экономики и правовой демократии. Все это возникало после почти без плана, стихийно, с глубокими ошибками и искажениями. Это отличало СССР и возникшие на его осколках государства от Германии, сумевшей в течение ряда послевоенных лет вернуться к нормальной жизни, так как сохранялись ключевые *социальные предпосылки*, не уничтоженные до конца 12-летним гитлеровским режимом. В СССР подобных социальных предпосылок к исходу 70 лет тоталитарного государства не было.

Не случайно в большинстве постсоветских государств со временем (порой — практически сразу) сформировались разновидности новых авторитарных (в ряде случаев близких к тоталитарным, как в Туркменистане) режимов. Даже три государства Прибалтики, ставшие частью «западного клуба» (НАТО и ЕС) с их парламентскими демократическими республиками имеют ныне демократии с серьезными изъянами. Исследование причин отката постсоветского пространства к авторитаризму составляет важнейшее направление работы современного обществоведения. В том числе в России, крупнейшем постсоветском государстве, также прошедшем путь от начальной демократизации 1990-х к становлению нового авторитаризма в 2000-е годы.

Важный вклад в исследование и понимание темы вносят своими трудами авторитетные российские юристы-конституционалисты *Илья Шаблинский* (доктор юридических наук и профессор НИУ ВШЭ) и *Елена Лукьянова* (также доктор юридических наук и профессор, не так давно уволенная из НИУ ВШЭ за острокритическую позицию в отношении политики российских властей). Недавно вышла в свет их новая книга «Авторитаризм и демократия». Предметом книги является рассмотрение механизмов и причин авторитарного отката России в широком глобальном контексте. Выясняется, что, хотя постсоветский (и российский в том числе) авторитаризм имеет глубокую специфику, тем не менее этот феномен показывает множество сходных черт и закономерностей с авторитарными режимами XX века самых различных регионов мира. От латиноамериканских (Чили, Бразилия, Аргентина, Мексика), азиатских (Индонезия, Филиппины, Вьетнам и др.) до европейских (режимы в Греции, Испании, Португалии и пр.). Помещение постсоветского авторитаризма в широкий глобальный контекст помогает не только лучше понять его природу (институты, практики, идеологию, социальные корни), но и попытаться прогнозировать развитие событий — например, что именно способствует падению режимов и демократизации, каковы могут быть сценарии социального прогресса.

Основных особенностей постсоветского авторитаризма две. Необычайная скорость и легкость восстановления режимов личной власти и господства узких групп (что заставляет задуматься о социальных причинах отката как более важных, нежели злой умысел политиков с авторитарными устремлениями). И их *имитационный характер*. Все государства после распада СССР дружно приняли демократические конституции, но вскоре стали игнорировать или менять их в интересах консолидации авторитарной несменяемой власти. При этом конституционный фасад сохраняется, а демократические институты и конституционализм умело имитируются. Принятие демократических

Жан Фотрие. Заложник. 1943–1944

конституций после распада СССР диктовалось необходимостью символического разрыва с советским прошлым и легитимизации новых государств как демократических. Имитация демократий в наши дни связана с задачами удержания власти в отсутствие иных основ легитимности (монархической и революционной легитимации больше нет, а харизматическая недостаточна в слабых и бедных государствах, неспособных обеспечить экономический рост и благосостояние населения).

Сравнивая постсоветские авторитарные режимы с историческими предшественниками XX века, авторы умело проясняют их структурные основы. За 30 лет после распада СССР из 15 бывших советских республик авторитарные режимы установились и удерживаются в 7 — Россия, Азербайджан, Белоруссия, Казахстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. В остальных новых государствах пост-СССР действуют демократии различной степени устойчивости и дефективности. Чаще всего авторитарные режимы возникали как реакция на последовавшие после краха СССР политический и экономический кризисы, острое политическое противостояние и даже гражданскую войну. И рассматривались в ту пору обществами как меньшее из зол, способ восстановить политическую стабильность и гражданский мир. И даже как гарантия проведения необходимых реформ, как неизбежная модель переходного периода к демократии, закреплённой в демократических конституциях. К тому же общества легко приняли новое единовластие, будучи привычными к нему с советских (и досоветских) времен.

Самый распространённый в XX веке тип авторитаризма — режимы, допускающие ограниченный плюрализм при сохранении незыблемой власти лидера. Такие режимы: а) допускают ограниченный политический плюрализм, хотя чаще всего в форме нескольких вполне декоративных партийных структур; б) выстраивают систему политического представительства, обеспечивающего постоянное доминирование одной партии, и проводят выборы, дающие всегда сходные результаты; в) стремятся ставить социально значимые задачи, поддерживаемые значительной частью населения. Это *популистский тип авторитаризма* (Латинская Америка 1930–1960-х годов и др.). Модель хорошо применима к современной России.

Кланово-бюрократические популистские авторитарные режимы (возникшие и на постсоветском пространстве) более устойчивы, чем военно-бюрократические, широко применяющие насилие. Декоративные выборы, многопартийность, парламентаризм, правосудие не могут обмануть критически настроенных граждан и ученых, но вполне приемлемы для большинства населения, создавая нужный для властей психологический и легитимирующий эффект.

Еще одна важная особенность постсоветских авторитаризмов — *постепенность и пошаговость* (стадиальность) их становления. Как пра-

вило, режимы формировались не после военного или государственного переворота (одномоментного момента захвата власти с немедленным внедрением авторитарного порядка), а шаг за шагом, вокруг законно получившего власть главы исполнительной власти. Именно исполнительная власть, подмявшая под себя суды, партийную систему, парламент и регионы, во главе с бессменным (и передающим власть преемнику) главой — главный актер создания и поддержания авторитарных режимов на постсоветском пространстве. Для сохранения и укрепления таких режимов учредительные демократические конституции или меняются (расширяются полномочия главы исполнительной власти — чаще всего президента, снимаются ограничения на число переизбраний — так произошло и в России в 2020 году, когда В. Путин инициировал изменения в Конституцию 1993 года), или же полностью игнорируются.

Репрессии против оппонентов режима являются неотъемлемой чертой авторитаризма. Они могут быть более или менее массовыми и жестокими. В России масштаб репрессий пока невелик, но имеется определенная тенденция к их расширению и ужесточению. В феврале 2021 года общее число преследуемых по политическим и религиозным мотивам достигло 771 человека (75 политзаключенных, 298 политзаключенных по религиозным мотивам, 398 граждан преследуются без лишения свободы) (см. список общества «Мемориал»). При этом репрессии для целей легитимации и выживания режима непременно должны сопровождаться имитацией демократических институтов и правосудия (характерный пример имитации правосудия — многочисленные уголовные преследования А. Навального и его сторонников). Расширение репрессий подрывает легитимность режимов и доверие к ним. Одновременно с этим необходимое для легитимации использование или расширение демократических практик создает угрозы существованию режима. Поиск баланса между необходимыми репрессиями и необходимыми демократическими практиками (пусть имитационными, но все равно потенциально опасными) — основа внутренней политики авторитарных режимов и одновременно их главная слабость.

Для «нормального» функционирования авторитарного режима особую значимость имеют послушные исполнительной власти *суды*. Независимые суды несовместимы с авторитарными режимами. Имитируя правосудие, зависимые суды обязаны покорно осуждать противников режима, оформлять захваты или переделы собственности, защищать злоупотребляющих властью чиновников, закрывать глаза на фальсификации выборов и признавать их сфабрикованные результаты. В авторитарных системах постсоветского пространства суды являются лояльной частью системы власти, осознают себя таковой и действуют соответственно. «Сложившаяся практика отношений

гарантирует, что суды не будут выносить решений против интересов режима». В России полная зависимость судов от президента обеспечена системой отбора и назначения судей и председателей судов, легкостью лишения судьи должности, нарушающей принцип несменяемости судей.

Идеология авторитарного режима — важная часть стратегии его укрепления и сохранения. Для продвижения господствующей идеологии используется пропаганда в подконтрольных СМИ и нередко система образования. Опыт десятков *традиционалистских* (отличных от коммунистических и прокоммунистических) авторитарных режимов XX века позволяет выделить некоторые наиболее характерные и полезные для сравнений с Россией идеологемы правых режимов «сильной руки». Среди них: а) оправдание диктатуры как необходимой для защиты общества от радикалов, экстремистов, сепаратистов и террористов. Что, ясное дело, «требует» ограничений на свободу слова, свободу митингов и собраний, свободу партийной и политической деятельности; б) защита «традиционных» ценностей и верований общества, как и интересов господствующей церкви; в) культ главного защитника традиций — армии и солдата, защитников спокойствия и порядка (в России к культу армии примешано возвеличивание спецслужб и культ Великой Победы 1945 года); г) национализм (в России в виде культа государственного суверенитета и великодержавия). Глава режима нередко получает особый, стоящий над государством и обществом статус («вождя нации», «отца народа» и т.п.).

Несложно убедиться, что режим В. Путина схож с большинством правых традиционалистских авторитарных режимов XX века и использует схожий идеологический аппарат. Особенность его в одновременном использовании символического наследия коммунистического СССР (ВЧК, Дзержинский, Сталин, военные парады и пр.). Но от СССР наследуется при этом не революционно-коммунистическая традиция, а имперско-националистическая, патерналистская и авторитарная. Что позволяет режиму соединять, казалось бы, несовместимое — союз с РПЦ, прославление Российской империи, поддержку олигархического капитализма с возвеличиванием СССР. Важная часть идеологического аппарата, унаследованного от Советского Союза, — антиамериканизм и антизападничество, изоляционизм и формирование сознания страны как «осажденной крепости», находящейся в «кольце врагов».

Условие и цель выживания и стабильности авторитарного режима — *несменяемость его главы* (опирающегося на личную харизму, силовиков и идеологический пропагандистский аппарат). Все авторитарные режимы используют схожие основные приемы для удержания власти в руках одного человека и его господствующей группы. Во-первых, устранение с политической сцены всех соперников (путем дискредита-

ции, преследования, помещения в тюрьму руками послушных судов, нередко убийств). Во-вторых, формирование средствами пропаганды убеждения, что альтернативы лидеру нет. Чаще всего смена главы режима происходит вследствие тяжелой его болезни или смерти. Тогда преемником, избранным группой, становится или самый влиятельный соратник вождя, или его близкий родственник (например, сын, как Ильхам Алиев в Азербайджане). Смена главы режима не обязательно ведет к изменениям характера режима. Многие режимы способны воспроизводиться из поколения в поколение (Мексика, Северная Корея, Куба, Китай, Вьетнам и пр.).

Практически всегда авторитарные режимы декларируют задачи экономической модернизации и социального прогресса. Ограничения свобод и несменяемость лидера подаются как необходимое условие для принятия непопулярных, но необходимых мер. Однако в большинстве случаев авторитарные режимы терпят неудачи в экономике и социальной сфере. В тех же случаях, когда экономику действительно удается поднять и развить (Чили, Бразилия, Тайвань, Южная Корея), со временем новый средний класс предъявляет требования демократизации, и режимы уходят в прошлое.

Большинство постсоветских государств при выборе формы правления избрали в начале 1990-х годов *президентские и президентско-парламентские республики с сильной президентской властью*. Это объяснялось стремлением поскорее стабилизировать политическую ситуацию посредством создания сильной исполнительной власти. Однако президентализм оказался удобным инструментом консолидации авторитарной власти в условиях слабых демократических традиций, не реформированных судов, беспомощных партий и малополномочных парламентов. Президентский дизайн власти не предопределял сам по себе авторитарного отката, но создал для него благоприятные условия. Консолидовав за несколько лет власть, постсоветские президенты (А. Лукашенко, В. Путин, Н. Назарбаев, И. Каримов и др.) со временем убрали из своих конституций ограничения на количество переизбраний, сделав тем самым свою власть несменяемой. Основные оппоненты режимов были устранены и нейтрализованы. Сформировались декоративные «оппозиционные» партии и доминантные «партии власти» (в России — «Единая Россия»). Важной особенностью постсоветского авторитаризма стало также сосредоточение основных экономических активов в руках правящей группы (слияние власти и собственности).

Итогами 20-летней *конституционной инволюции* (отката от конституционализма) в России стали: разрушение разделения властей, сосредоточение всей власти в руках президента и его аппарата; демонтаж федерализма и концентрация власти и ресурсов в руках федерального центра, лишение регионов самостоятельности; сужение или полная от-

мена прав и свобод человека, гарантированных 2-й главой Конституции; ликвидация независимости суда, как главного гаранта конституционного строя, прав и свобод человека; превращение конституционных институтов власти (парламента, партийной системы, суда, системы выборов и др.) в их имитации; замена республики по сути монархической формой правления, дополненной институтом престолопреемства; формирование авторитарного режима, опирающегося на силу и пропаганду.

Глядя в будущее, Е. Лукьянова и И. Шаблинский оптимистичны. Большинство авторитарных режимов XX века уже ушли с исторической сцены под давлением обществ. Ни один авторитарный режим не вечен. Их краху способствуют физический уход диктаторов и глубокие изменения в модернизированных обществах (авторы усматривают подобные изменения и в российском социуме). Однако российский авторитаризм, хотя и испытывает немалые сложности (десятилетняя экономическая депрессия, санкции со стороны Запада, протесты населения), продолжает пребывать в неплохой форме. В. Путин сохраняет высокую популярность. Режиму удастся на протяжении жизни уже целого поколения находить все новые способы своей легитимации (Крым, Украина, перевооружение армии, противостояние с Западом и др.). Новое поколение, пусть и более критически настроенное, одновременно приобретает привычки жизни в несвободной стране — как их родители и деды.

Финал истории постсоветского авторитаризма открыт и неясен. Советские практики монополии на власть, фактической однопартийности, цензуры и репрессий, государственного патернализма, подавления гражданской активности, слежки за населением, массивной пропаганды и пр. вернулись в полном объеме. Гражданское общество формируется очень медленно и пока не в состоянии стать противовесом и ограничителем власти.

XX век, с которым, как казалось, было покончено в 1989 году, в России и на всем постсоветском пространстве продолжается. Ложь, насилие, недоверие, полицейское государство, иерархическое несправедливое общество, автаркия и изоляционизм — все это с нами и в новом XXI веке. Изжить прошлое и создать более открытое и справедливое общество, демократическую политическую систему и правовое государство не удастся пока не только России, но и полутору десятков других посткоммунистических государств. Тем важнее для нас задача обсуждения и осмысления уроков прошлого, задача широкого просвещения, чему способствуют глубокие и уместные размышления П. Крупникова, Е. Лукьяновой, И. Шаблинского и других замечательных современников.

*Алексей Гордин,
председатель Совета
Иркутского регионального
отделения Ассамблеи народов
России, председатель
Комиссии по национальным
отношениям и свободе
совести Общественной
палаты Иркутской области,
выпускник МШПИ 2012 года*

Мысли о народах

Читая книгу В.А. Емелина «Идентичность в информационном обществе», я задумался о кризисе в постиндустриальном обществе, которое сегодня формирует национальные идентичности, основанные на старых обидах, реваншизме и технологической мифологии. Тем самым разделяя нас на «своих» и «чужих». Однако я уверен, что есть альтернатива этому пути, и в глобальном мире можно жить по-другому.

Все мы родом из детства... Судьбе было угодно, чтобы я появился на свет в далеких 1970-х, в большом интернациональном селе Нукуты. Окна нашего дома (как и окна дома бабушки) выходили на гору Даглан, на которой в 1990-х было обнаружено большое захоронение тюркских воинов и их коней. В эти же годы в Нукутском районе начала складываться большая армянская диаспора, и одна моя родственница вышла замуж за армянина Жору Егиазаряна. В одной из вечерних поездок на кошару за бараном в кузове ЗИЛа (мне тогда было десять лет) в степи мы увидели одинокий костер, возле которого грелась пожилая женщина, но не бурятка, хотя разговаривали они с моими друзьями-бурятами на своем языке. «Кто она?» — удивленно спросил я и услышал в ответ «татарка». «А на каком языке вы общались?» Друзья рассмеялись: «немного на бурятском, немного на татарском. Мало-мало друг друга понимаем. У нас тут татары давно живут». Думаю, что именно эта встреча и пробудила во мне интерес к истории и изучению народов, проживающих тогда в единой стране. И еще нас спланивало общее будущее и желание быстрее стать взрослыми, посмотреть мир и найти достойное дело. Повторюсь, что самым главным было ощущение себя в своей стране. Было четкое понимание своей идентичности. И мне радостно, что так, в своей

основной массе, живет страна сегодня. Благодаря судьбу за принадлежность к проекту Ассамблея народов России и за общение с руководителями и членами национально-культурных объединений Иркутской области, которые при сохранении своих национальных традиций трудятся на благо межнационального мира и согласия, не допуская на территории области конфликтов.

Иркутская область является оригинальным этноконфессиональным объектом. Если зайти в Государственный исторический музей в Кремле, то сразу видишь, что древнейшая история современной территории России начинается с Мальтинской и Китойской стоянок (21–23 тысячи лет назад). Лично для меня удивительно, как, при малолюдности того периода земного шара, в Прибайкалье, рядом друг с другом, в течение тысяч лет существовали крупные населенные пункты, почти агломерации того времени. Это же относительно рядом: Мальга, Китой, Усть-Белая, Буреть, Глазковский некрополь. Даже Юваль Ной Харари считает, что сибиряки заселили Америку, а японские археологи ищут тут свои корни... Смещение рас, народов, языков... Относительно коренными народами Прибайкалья считаются эвенки и тофалары (из тех, кто здесь остался до сих пор). Тюркские племена под названием курыкане покинули эту землю под натиском протобурятских племен, пришедших из монгольских степей, в конце 1 тысячелетия н.э. Именно курыкане стали основой якутского народа, что подтверждает эпос «Олонхо». А буряты на сотни лет стали хозяевами этих мест. В XVII веке на севере Прибайкалья появились русские казаки, землепашцы и охотники,

которые менее чем за 50 лет заселили эти огромные просторы. А с XVIII по начало XX века Иркутскую губернию заселяли и изучали каторжники, предприниматели, ученые, военные, государственные чиновники. Большой вклад в развитие этих мест внесли декабристы, а поляки Дыбовский и Черский сделали первое описание и карту Байкала. Однако сегодняшней этноконфессиональный ландшафт сложился в Столыпинскую реформу начала XX века. Именно в те годы, кроме русских и бурятских сел, появились татарские, чувашские, белорусские, украинские, польские компактные поселения, а в городах была очень высокая доля еврейского населения (до 7% в Иркутске). После развала СССР и развития миграционных процессов и глобализации в Прибайкалье появились крупные общины азербайджанцев, армян, таджиков, узбеков, киргизов, китайцев, корейцев. Параллельно, с началом перестройки, началось формирование гражданского общества и связанный с этим всплеск национального самосознания. Большинство из 32 наиболее активных национально-культурных объединений Иркутской области появились именно в то время.

В настоящее время в Иркутской области проживают более 100 национальностей. Основное население — русские (88%), буряты (3,2%), украинцы (1,3%), татары (0,9%). Зарегистрировано 128 национально-культурных объединений. Многие из них работают в общественной сфере, сохраняя свои традиции, культуру, национальные промыслы.

Основными направлениями деятельности Комиссии по национальным отношениям и свободе совести являются: содействие сохранению и развитию само-

Роберт Мазервелл. Гоп-ля, мы живем! 1971/ок. 1974–1977

бытной культуры и духовных ценностей народов, проживающих на территории Иркутской области; анализ и предотвращение конфликтных ситуаций на межнациональной основе в городе и области, изучение влияния миграционных процессов на ситуацию в сфере национальных отношений. Также вокруг комиссии сформировано экспертное сообщество, включающее представителей религиозных организаций, председателей национально-культурных объединений и ученых-этнологов. Одним из направлений работы Комиссии является также правозащитная деятельность. Сошлюсь на пример с общи-

ной изидов в одном из сельских поселений Иркутского района. К нам обратилась местная жительница и рассказала, что в их селе живут, не имея практически документов, более 100 человек изидской национальности. После выезда Комиссии на место и знакомства с людьми, мы выяснили, что эти люди в начале 1990-х после землетрясения приехали из Армении, учились, рожали детей, а жили по паспортам Армении. Совместно с управлением по миграции ГУ МВД России по Иркутской области мы создали рабочую группу по получению этими людьми необходимых документов...

Нередко приходится применять для разрешения возникающих разногласий и предупреждения конфликтов медиационные технологии. В нашей области, например, в случаях ношения хиджабов в школах, обычно в сентябре, в начале учебного года. Совместно с мусульманскими имамами, лидерами национально-культурных объединений мы убеждаем родителей, что девочки не должны находиться на занятиях, согласно уставу школ, с покрытой головой. К тому же до определенного возраста, согласно адатам, девочки не обязаны носить хиджаб. А альтернативой может стать мусульманская гимназия и община — стать учредителем такого заведения.

Продолжая конфессиональную тему, могу сказать о запуске нами, совместно с вузами и средними специальными учебными заведениями города Иркутска, просветительской дискуссионной площадки «Время говорить» (прежнее название «Религиозный диалог. Этические вопросы»). На одной площадке обычно дискутируют студенты и представители традиционных конфессий. «Время говорить» — это диалог об этических ценностях, о проблемах общества и универсальных ценностях, который не имеет заранее предложенного сценария, и каждый может задать другому любой вопрос. Например: «Почему православные священники ездят на дорогих авто?» Или: «Правда ли, что в Коране написано убивать неверных?» Во время таких дискуссий стирается грань недоверия друг к другу. Участники получают информацию из первых уст, а представители конфессий могут воочию увидеть отношение к ним.

Важным блоком в работе Комиссии остается поддержка интересов корен-

ных народов Прибайкалья эвенков (1200 человек) и тофаларов (600 человек). Эвенки и тофалары, проживая в таежных районах Прибайкалья, ведут традиционный образ жизни (охота, собирательство, рыбалка). Однако сегодня в места их проживания заходят добывающие компании, и Комиссия участвует в подготовке регионального законопроекта «Об этнологической экспертизе», а также осуществляет контроль над созданием территорий традиционного природопользования.

Мы считаем основой современного тренда в национальной политике участие национально-культурных объединений в социально-экономическом развитии территорий посредством реализации этнокультурного и этноконфессионального потенциала в различных сферах этнобизнеса, в том числе и посредством народной дипломатии. Именно экономика и свободный рынок являются одной из базовых ценностей в мире. Мы убеждены, что выгоднее путешествовать и торговать, чем воевать.

В завершение скажу коротко о нашем... наверное, больше флешмобе, чем проекте. Он называется «Своих не бросаем». Как мы выяснили, в Иркутске в результате пандемии остались 1250 иностранных студентов из 43 стран. Комиссия бросила клич среди религиозных организаций, национально-культурных объединений и бизнеса с призывом поддержать оставшихся морально и немного материально. К нашему удивлению, этот призыв вызвал большой интерес, и я уверен, что студенты, вернувшись в свои страны, будут вспоминать о России и о ее неравнодушных и гостеприимных людях.

С днем рождения, Лена!

Сегодня день рождения Лены, Елены Михайловны Немировской, которая вместе со своим мужем Юрием Петровичем Сенокосовым и замечательной командой единомышленников много лет подряд везут на себе уникальный просветительский проект в России и на всем постсоветском пространстве.

Буквально несколько дней назад в ленте мелькали посты с воспоминаниями об открытии Русской школы общественных наук в 1903 году в Сорбонне. Нисколько не умаляя значения того события, служащего основанием для празднования Дня социолога в сегодняшней России, нельзя не отметить, что в наши дни существует не менее значимый для российской общественной жизни просветительский проект, на мой взгляд, значительно более успешный, несмотря на все трудности новейшего времени.

Московская школа гражданского просвещения, как в свое время Русская школа общественных наук, фактически действует сейчас в изгнании, но с точки зрения своей атмосферы она демонстрирует несомненный шаг вперед по сравнению со временами более чем 100-летней давности. Слушатели Школы Немировской, сохраняя свои взгляды, не делятся на партии и не воюют друг с другом, а, наоборот, ориентированы на общее дело. В этом важная примета нашего времени и залог подлинно республиканского будущего России.

Желаю Лене здоровья и многая лета, чтобы увидеть плоды трудов своих сполна!

*Василий Жарков,
кандидат исторических наук*

О Лене. Не всё!

2014 год. Мама Масара в тяжелом состоянии. Врачи не могут установить диагноз. Решаю вывести ее за рубеж. Загранпаспорт мы делаем быстро, но действительно сложный вопрос — виза. Я решаюсь позвонить своему давнему другу, Лене Немировской, основательнице Школы гражданского просвещения. Она советует нужных людей, и «шенген» без проблем открывают. Хотя маме тогда не суждено было использовать этот шанс, великодушный жест помощи Лены оставил неизгладимые, самые теплые впечатления...

Эта история — лишь один из множества штрихов к портрету этой удивительной женщины, которая не способна была оставить человека в беде.

Сегодня, вернее, уже вчера, у нее был день рождения, и признаться честно, мне впервые действительно сложно подобрать нужные, правильные слова. Их даже, может, и нет в природе, потому что сущность и существование этого незаурядного человека давно вышли за границы этой самой природы, за границы этой самой природы, за границы реального и просто человеческого — в нашем их понимании.

Есть люди. Есть личности. Есть явления. И есть просто Лена. Она — одна. Одна, которой хватает на тысячи.

...В начале 1990-х Лена Немировская вместе со своим мужем, философом Юрой Сенокосовым основали Московскую школу политических исследований (МШПИ), позднее переименованную в Школу гражданского просвещения. Школа очень скоро стала главным средоточием свободной мысли в нашей стране, постсоветском пространстве и далеко за его пределами. Явилась трибуной для смелых, честных, граждански сознательных людей.

В 2009 году выпускником Школы почастливилось стать и автору этих строк, хотя посещать ее региональные семинары я начал годами ранее.

Лондон, Париж, Вашингтон... Многие мечтают побывать в этих местах, но не многим удастся претворить эти планы и мечты в жизнь. Для тысяч и тысяч слушателей из различных уголков России (в том числе и меня) и других государств этот шанс дает именно Школа. И хотя одно это — увидеть Мир — ценно само по себе, гораздо более значимым является другая возможность, которой делится Школа, — быть причастным к волшебному празднику Мысли, который каждый раз свершается на ее семинарах.

Особенно пронзительны и сильны, трогательны до глубины души выступления на этих сессиях Лены. Они настолько наполнены органической жизнью, духовностью, смыслом, что, внимая ей, невозможно на что-то отвлечься. Когда говорит Лена, она не смотрит в наши души. Она в них пребывает. Прикасается к самым тонким струнам. Взывает к самым нежным, со-

вестливым, человеческим началам. Она очаровывает — мудростью, способностью из мириад мыслей и явлений вынести что-то ключевое, главное, бесконечно ценное для каждого.

Наша Школа — в немногочисленном списке самого лучшего, что произошло со мной за почти сорок лет. А Лена — она душа, самое сердце этой Школы. И в этих, искренне посвященных ей строках, я хочу еще раз — и никогда не устану и не перестану желать это делать — поблагодарить ее за щедро даримые нам, выпускникам, минуты, часы, дни... подлинного счастья.

За бескорыстную помощь в остром, пронзительном, так необходимом нам восприятию Свободы. Ничем не заменимой, единственной Свободы.

Спасибо, Лена, за возможности. Бесценные возможности. Редкие. Почти невозможные. За двери, которые вы перед нами открыли. За глаза, которые распахнули. За удивительный мир, который показали, за жизнь, ставшую после знакомства с вами радостней, желанней, интересней... за, за, за — этот список, конечно же, бесконечен.

...мне надо заканчивать, поскольку бессмысленно пытаться передать здесь, в просто словах, все то, что чувствую и ощущаю. Сегодня и всегда хочу пожелать вам главного — здоровья. Долгих лет жизни, наполненной настоящим счастьем.

Живите для себя. Живите для других. Живите для нас. Живите для этой планеты, для которой такие редчайшие Люди, как Вы, — самая лучшая возможность становиться прекрасней...

С днем рождения, Лена!

*Зелимхан Яхиханов (Чечня),
выпускник Школы*

Нежелательные и иностранные

---

23 декабря 2020 года в лентах новостных агентств появилось такое сообщение: Генеральная прокуратура России признала нежелательной на территории РФ деятельность французской неправительственной организации «Ассоциация школ политических исследований при Совете Европы». В Генпрокуратуре отметили, что деятельность этой НПО представляет угрозу основам конституционного строя и безопасности Российской Федерации.

В апреле 2021 года страсбургская Ассоциация школ политических исследований Совета Европы (АШПИ) подала жалобу в Тверской районный суд Москвы, оспаривая решение Генеральной прокуратуры Российской Федерации включить АШПИ в категорию «нежелательных организаций» в соответствии с российским законодательством, направленным на то, чтобы заставить замолчать несогласных, НПО и правозащитников.

«Это решение является полностью произвольным, так как АШПИ, которая продвигает права человека, демократию и верховенство закона, никогда не может быть угрозой национальной безопасности России. Более того, это решение будет препятствовать сотрудничеству граждан России с Советом Европы, членом которого является Россия», заявил президент ассоциации Нилс Муйжниекс. Последствия этого решения, включая среди прочего запрет на деятельность, блокировку веб-сайта и Twitter-аккаунта АШПИ, являются необоснованными и нарушают права АШПИ, гарантированные статьей 10 (свобода выражения мнения) и статьей 11 (свобода собраний и объединений) Европейской конвенции по правам человека, которую Российская Федерация добровольно обязалась соблюдать, вступая в Совет Европы 25 лет назад. «Это беспрецедентное и неприемлемое решение — первый случай, когда государство-член сознательно пытается помешать своим гражданам сотрудничать с Советом Европы, поскольку любой гражданин России, причастный к АШПИ, может быть привлечен к уголовной ответственности» — добавил президент.

Мы публикуем открытое письмо Лены Немировской и Юрия Сенокосова генеральному прокурору и одно из многочисленных писем поддержки, полученных в эти дни.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПРОКУРОРУ РФ

Мы — основатели одной из школ, входящих в Ассоциацию школ политических исследований при Совете Европы, не согласны с объявлением Ассоциации нежелательной организацией, потому что ее деятельность якобы «представляет угрозу основам конституционного строя и безопасности России».

Первая причина несогласия, скорее, формальная и относится к месту юридической регистрации Ассоциации. Да, это французская организация, но — при Совете Европы, членом которого является с 1996 года Российская Федерация, подписавшая европейскую Конвенцию о защите прав человека и основных свобод.

Напоминаем об этом, потому что Московская школа была создана в конце 1992 года при поддержке Генерального секретаря Совета Европы Катрин Лалюмьер и была среди тех, кто на правах народной дипломатии лоббировал вступление России в СЕ.

И о второй причине несогласия.

После известных событий в Украине и присоединения Россией Крыма российскую делегацию в Парламентской ассамблее Совета Европы лишили права голоса. И это вызвало протесты российских парламентариев и недовольство министра иностранных дел РФ Сергея Лаврова, объявившего 17 октября 2018 года, почему Москва готова к разрыву с Советом Европы.

Потому что «участие в Совете Европы для России, — заявил он, — важнее, чем участие России в Совете Европы для европейских стран». Совет Европы, по словам министра, совершенно не оправдал ожиданий России, которая вступала туда, «исходя из того, что он обеспечивает общеевропейское универсальное правовое и гуманитарное пространство», а оно оказалось «просто подорвано» противоправным и совершенно сознательным лишением прав российской делегации в ПАСЕ.

Этот словесный дипломатический фокус о причине российского отказа от Совета Европы и объявление два года спустя прокуратурой Ассоциации школ нежелательной организацией заставляют задуматься о путях исторического развития Европы и России.

Первое, что приходит на память в этой связи, — две даты: 26 декабря 1991 года, когда было объявлено о прекращении существования СССР, и 7 февраля 1992 года, когда был подписан Маастрихтский договор, положивший начало Европейскому союзу. Удивительно!.. Страна — победительница в Великой Отечественной войне распадается, а побежденная страна и Франция становятся локомотивом объединения Европы. Почему? Не поделили победу? Да, сталинский Советский Союз решил, что главный победитель он. И эта победа остается главной до сегодняшнего дня.

И обратим внимание на еще одно событие российской истории — на появление русского централизованного государства, ставшего «духовной скрепой» государства сегодняшнего.

Русское слово «государство» (Господа дар) приобретает правовой статус после венчания Ивана IV (Грозного) на царство в 1547 году. «Русские самодержцы изначала сами владеют своим государством, а не их бояре и вельможи! — писал Иван Грозный в своем послании сбежавшему от его гнева Андрею Курбскому. — А ты этого в своей злобе не смог понять... когда мы сами обладаем властью, данной нам от бога...»

И фактически в это время, в начале XVI века в Европе тоже появляется новое слово. В Средние века существовало понятие верности, подданства. Люди рождались подданными либо папы, либо императора. Фоном же для развития теорий абсолютной монархии принято считать появление итальянского слова «*stato*» (государство), обозначающего не сословие или «положение» короля, а некоторую абстрактную сущность, воплощение публичной власти.

Историки отмечают, что в распоряжении Макиавелли находилось много других понятий — империя, монархия, автократия, тирания, полис, не говоря уже о восточных — сатрапия, деспотия, султанат и т.п. Но он вводит в оборот нейтральный термин «*stato*», так как считает, отбросив все сверхъестественное и сакральное, связанное с традиционным представлением о происхождении власти, более важным создание итальянского *stato*; то есть для обозначения некой новой политической реальности, имеющей отношение к политическим образованиям, которые могут создаваться на «постоянном месте» (*statio*) — в границах национальной территории.

Это понятие у Макиавелли появляется уже в первом предложении первой главы его «Государя» (1532) во множественном числе — «*stati*» — и войдет со временем практически во все европейские языки: *the state* (англ.), *der Staat* (нем.), *l'état* (фр.) и т.д.

«Настоящую демократию и гражданское общество невозможно импортировать», — утверждает В.В. Путин. Разумеется. Но с одной важной оговоркой. Ведь глагол «импортировать» вовсе не исключает при этом свободу экономической и политической конкуренции в самой России и ее участие в мировой политике и экономике. Почему же тогда в стране отсутствует конкуренция и запрещено просвещение.

Едва ли кто-то из первопроходцев бизнеса и политиков в России после перестройки действительно понимал, что такое рыночная экономика и демократия. Иначе власть не оказалась бы в руках организации, которой все позволено.

Фактически с этого «все позволено» и началась в России 1917 года история диктатуры пролетариата — государства, провозгласившего, что необходимо уничтожать классовых врагов, грабить их, шантажировать

сомневающих, лгать. А в наши дни, как и в эпоху утверждения царской власти, охраняемой опричниной, когда разошлись пути Европы и России, это повторяется снова.

Любить и быть справедливым, гласит человеческая мудрость, может только тот, кто познал на себе власть силы и перестал угождать ей.

Наша Школа гражданского просвещения не похожа на другие школы. Она не имеет прямого отношения к профессии, которая требует, как известно, специальных знаний и навыков. Однако сегодня, когда в результате пандемии традиционные вопросы зла и добра, свободы и безопасности приобрели глобальный характер, наряду с профессией столь же, если не более, важно обретенное мировоззрение, миропонимание, то есть наше отношение к окружающей действительности и к самим себе.

Школа гражданского просвещения — это место для дискуссий и размышлений о смысле нашей совместной жизни в эпоху интернета и возросшей потребности не только в специальных знаниях.

Девиз Школы: «Все мы разные, но мы — граждане!», то есть не только родители, потребители, болельщики, зрители, чьи потребности и чувства остаются предметом частного интереса.

Способны и готовы ли мы в таком случае не просто хотеть, например, справедливости или добра, но участвовать в созидании общественной справедливости и добра, придавая им статус реального события? Не просто хотеть быть гражданами, а быть ими?

Можно ли ответить на эти вопросы? Человек обычно удовлетворяет свои повседневные желания и знает, как это делать, поскольку делает это руками. Гражданское же общество — нечто нерукотворное. Так как же понять его смысл и необходимость? Только заглянув в себя, через собственное развитие и просвещение. Лишь так можно менять окружающую действительность, когда в ней нет основы для независимой гражданской жизни и совместного существования различных общественных сил и экономических интересов.

Поэтому главную задачу Школы мы видим в просвещении гражданина — свободной и ответственной личности и появлении общества, не считающего государство хозяином или врагом.

Как основатели Школы мы понимаем, что наши выпускники, возвращаясь в регионы, где они живут, не могут не обращать внимание на местные обычаи, не считаться с привычками и стереотипами мышления сограждан. Не говоря уже о существующих государственных органах власти и соответствующих институтах, ведомствах, учреждениях, в которых они хотели бы служить и делать карьеру. Но мы в этой связи не понимаем саму власть, принимающую репрессивные законы против НКО, да, работающих в том числе на деньги зарубежных фондов. Поскольку международные фонды, как частные, так и государственные, создавались после Второй мировой войны для преодоления ее

разрушительных, страшных последствий и развития общественных инициатив и гражданских некоммерческих организаций. А сегодня в условиях глобального кризиса их помощь не менее необходима, чтобы противостоять новым угрозам — пандемии и изменению климата.

Наблюдая за тем, что происходит сейчас в мире, — за отходом от базовых либеральных ценностей в некоторых демократических странах, за желанием отдельных государств использовать новые технологии для установления тотального контроля над гражданами, за доминированием экономических целей и пренебрежением правами и свободами человека, — мы всё больше убеждаемся в том, что в гражданском просвещении в послекоронавирусное время будет нуждаться не только российское общество, но и мир в целом.

Наша гражданская задача — не надеяться на создание искусственного интеллекта, искусственной головы, а помочь думать живой голове.

26 декабря 2020 года

*Основатели Школы гражданского просвещения
Лена Немировская, Юрий Сенокосов*

ПИСЬМО АНДРЕЯ КАБАНОВА ЛЕНЕ НЕМИРОВСКОЙ И ЮРИЮ СЕНОКОСОВУ

Андрей Кабанов — кандидат исторических наук, правозащитник, выпускник Школы 2012 года. С 2011 по 2013 год — уполномоченный по правам человека в Ивановской области, затем первый заместитель председателя областного правительства. В 2015 году обвинен в получении взятки (ст. 290 УК РФ). Вину не признал.

В адрес следственного управления были сделаны обращения и поручительства в его защиту из 25 регионов России: от уполномоченных по правам человека, ученых, правозащитников, гражданских и духовных лидеров, активистов, журналистов, общественных организаций. 20 апреля 2017 года приговорен Ленинским районным судом города Иваново к восьми с половиной годам лишения свободы в колонии строгого режима и штрафу в размере 30 миллионов рублей, с лишением права занимать должности в органах государственной власти и местного самоуправления. О несогласии с приговором в суд апелляционной инстанции поступило более 700 обращений граждан.

Комиссия по прецедентным делам Совета при президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека (СПЧ) совместно с Независимым экспертно-правовым советом подготовили заключение по материалам этого дела. В нем содержится вывод о том, что «осуждение А.Ю. Кабанова не соответствует юридическому смыслу норм», а преступление не доказано. В приобщении этого заключения к материалам дела судом было отказано.

Андрей Кабанов отбывает наказание в исправительной колонии № 5, в городе Кохма (Ивановская обл.). Конец срока — 23 июля 2022 года.

*Здравствуйте, дорогие мои
Елена Михайловна и Юрий Петрович!*

Давно собирался вам написать, да как-то все повода не было. Теперь есть. На днях узнал, что Ассоциация школ политических исследований при Совете Европы объявлена иностранным агентом! В этой связи вспомнились почему-то кадры из фильма «Холодное лето пятьдесят третьего», в которых Копалыч в исполнении Анатолия Папанова, знакомясь с героем Приемыхова, представляется: «Такой-то, такой-то, английский шпион!» Ничего не поделаешь, во все времена просвещение выступало антиподом мракобесия. Мракобесы понимают опасность просвещения и считают просветительскую деятельность крайне опасной. Хорошо уже то, что просветителей теперь не выводят на костер, как Яна Гуса, Джордано Бруно и Мигеля Сервета.

Как известно, история повторяется дважды. Сначала в форме трагедии, потом — фарса. Нам приходится нынче участвовать в фарсе, в мире опереточных ценностей и гротескных идей. Складывается устойчивое убеждение, что устроители современной России забыли (а может быть, и не знали о нем) тот исторический опыт, который накоплен человечеством.

Говорят, мы потомки и исторические наследники Византии. Но ведь Византия погибла. И погибла как раз от того, что губит и современную Россию. В Византии были подданные, но не было граждан. Безусловно, рабами легче управлять, но сделать их патриотами невозможно! Именно поэтому Византия была мертва задолго до завоевания ее столицы крестоносцами, а потом османами. Формально она была наследницей великой римской цивилизации. Но форма — ничто, если не наполнить ее современным содержанием. Ее можно лишь какое-то время эксплуатировать, не более того. Элита Византии погрязла в интригах, гедонизме, лицемерии, коррупции. Наука, искусство, экономика, общественная жизнь стремительно деградировали.

Какого-то прогресса удалось добиться только в военной сфере — был изобретен «греческий огонь», который был самым страшным оружием до появления пушек и мушкетов. И это на несколько столетий позволило продлить агонию Византии, не более того!

Еще более гротескным выглядит наметившееся прославление всевозможных тиранов. От Ивана Грозного и Петра Первого до Сталина и Дзержинского. Им ставят памятники, про них снимают фильмы, их именами называют улицы. И многострадальная русская православная церковь ничего не имеет против прославления этих богоборцев. Не думаю, что это легко ей дается. Но нет ныне в ее рядах ни Филиппа Колычева, ни Гермогена, ни Тихона Белавина, ни Александра Меня.

История учит нас, что «изоляциялизм», культивируемый у нас, также не приведет ни к чему хорошему. Подобные эксперименты привели в Японии к революции Мэйдзи, бесславно завершились в Китае опыты «Большого скачка» и Великой культурной революции. Все это уже было. И человечество заплатило за этот опыт своей кровью. Поэтому вызывает удивление, с какой легкостью наш народ, на долю которого только в XX веке выпали такие чудовищные испытания, расстается со столь трудно добытыми завоеваниями. Как можно позволить манипулировать собой, проглотить все эти пенсионные реформы и конституционные «обнуления». А ведь народ наш поголовно грамотный, в большинстве своем имеющий высшее образование. Но как оказалось, наличие знаний само по себе не служит какой-либо панацеей. Необходимо синтезировать эти знания в мысли, действия. Нужно научиться мыслить мысли, мечтать мечты, желать желания! То есть нужно уметь жить жизнь!

Я пришел в Школу уже взрослым человеком, с определенными жизненными багажом и опытом, с устоявшимися политическими взглядами и ценностями. Но только вам и Школе я обязан тем, что стал гражданином. И дело не только в том, что благодаря вам удалось пообщаться с выдающимися умами современности. И не в том, что наши семинары существенно расширили мои горизонты познания. И даже не в том, что вы подарили радость общения с единомышленниками и способствовали появлению у меня верных и горячо любимых друзей. Важнейшим стало то, что я стал мыслить иначе, чем прежде. Это не созерцательно-познавательное мышление ученого, не прагматическое мышление чиновника. Это ответственное мышление гражданина.

Дорогие Лена и Юра! Вы сделали из меня гражданина! И за это вам сердечная благодарность и низкий поклон! И я такой не один.

Да, времена сейчас нелегкие. Но всегда с нами остаются высшие человеческие ценности — дружба, взаимопонимание, гуманизм, честь и достоинство. Те, кто от них отказывается, могут быть физически здоровы, но они при жизни мертвы. Жаль, что среди них оказались такие люди, как Павел Крашеников, Элла Памфилова, некоторые

ученики Школы. Но это их выбор! И возможностью сделать свой выбор я тоже обязан Школе! И свой выбор мы, ваши ученики, пронесем сквозь тюрьмы, гонения, преследования, через все это мракобесие! Давайте не будем падать духом! Как говорится, духом не падешь, силой взять не смогут!

И не стоит огорчаться по поводу того, что кто-то из выпускников Школы избрал иной путь. Хорошо уже то, что у них была альтернатива и возможность выбора. Думаю, все мы помним, что у Христа было всего 12 учеников, да и то все разные.

Вы посеяли семена разума, которые не пропадут. И поверьте, что многие очернители вашего великого дела прозреют! Как прозрел Савл, ставший великим апостолом Павлом!

Для нас, ваших учеников, вы — великий пример служения, порядочности и нравственности! Прошу вас не терять присутствия духа, не опускать руки и продолжать свою великую миссию!

*С любовью, признательностью и уважением,
ваш ученик, выпускник 2012 года Андрей Кабанов*

2 января 2021 года

Contents

1 (81) 2021

TO OUR READER

- The Purpose of the Law is the Law,
not Dictatorship of the Law
Yuri Senokosov 5

BERLIN FORUM

- How to Reform the UN and Take the
World Back to Multilateralism?
Matjaž Gruden
Laila Bokhari
Lolita Čigāne
Francis O'Donnell 8
- The State is an Actor with
Universalist Potential, but this
Potential is Limited
Mikhail Minakov 10

THEME OF THE ISSUE

- Global Challenges and Lessons in 2020
Sergueï Guriev 17
- The Pandemic Has Opened a Path to
a New World
Fareed Zakaria 22
- «When in Crisis, the Mankind Is
Beginning to Lay Guerilla Trails»
Elena Panfilova 28

CHALLENGES AND THREATS

- Institutions, Conspiracy Theories
and the Future of America
Timothy Snyder 33

A VIEWPOINT

- The State, Crisis and Problems
of Globalization
Sergueï Bolshakov 38

CIVIL SOCIETY

- «To the Chuvash Land I Donate
My Every Effort»
Natalia Volodina 46
- The All-Union Rabbi
Andreï Kolesnikov 52

HORIZONS OF UNDERSTANDING

- The Russian Path of Civilization:
Succession Through Disasters
(To the Memory of V.M. Mezhev)
Alexei Kara-Murza 57

LESSONS NOT LEARNT

- Reconciliation from Above:
A Balance with Neither Guilt
nor Responsibility
Nicolai Epplé 68

THE NINETIETH ANNIVERSARY OF MIKHAÏL GORBACHEV

- Lessons of Mikhaïl Gorbachev
Victor Mironenko 83
- Solzhenitsyn and Gorbachev.
Russia's Past and Present
Yuri Senokosov 91

ANNOUNCEMENT

- Paradoxes and Lessons of Russian
Illuminators (Instead of an Afterword)
Alexander Sogomonov 94

BOOKS

- Counterpoint
Vladimir Ryzhkov 100

NOTA BENE

- Deliberation on the Subject of Nations
Alexei Gordin 112
- Happy Birthday, Lena!
Vassili Zharkov 116
- A Word about Lena.
Far from Completion!
Zelimkhan Yakhikhanov 117

FOREIGN AND UNDESIRABLE

- Open Letter to the Prosecutor
General of Russia
Lena Nemirovskaya,
Yuri Senokosov 119
- Letter of Andrei Kabanov
to Yuri Senokosov
and Lena Nemirovskaya 123

Подписано в печать 20.05.21.
Формат 70×108/16.
Печ. л. 8

ISBN 978-5-93895-129-7